

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СССР

Institute for the Study of the History and Culture of the USSR

Institut zur Erforschung der Geschichte und Kultur der UdSSR

Institut d'étude de l'histoire et de la culture de l'URSS

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

(серия 1-я, вып. 22)

Проф. А. Филипов

Научный социализм
И
наука об обществе

Мюнхен

1955

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СССР
Institute for the Study of the History and Culture of the USSR
Institut zur Erforschung der Geschichte und Kultur der UdSSR
Institut d'étude de l'histoire et de la culture de l'URSS

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ
(серия 1-я, вып. 22)

Проф. А. Филипов

Научный социализм
И
наука об обществе

М ю н х е н
1 9 5 5

Исследования и материалы Института редактируются Издательской Коллегией Ученого Совета Института.

Работы, издаваемые Институтом за подписями их авторов, являются свободным выражением взглядов и выводов авторов. Издательская Коллегия оставляет за собою право иметь собственное суждение по издаваемым статьям и материалам.

Перепечатка разрешается при условии указания источника.

Изд. Коллегия.

Herausgeber und Verlag: Institut zur Erforschung der Geschichte und Kultur der UdSSR, e. V., München 37, Schließfach 5, Telephon 58127. Verantwortlicher Redakteur: Prof. B. Iwanow, München 2, Augustenstr. 46/1. Druck: Buchdruckerei und Verlag A. Metreweli, München 13, Franz-Joseph-Straße 43.

Printed in Germany

Institute for the Study of the History and Culture of the USSR

Prof. A. Philipov

Scientific Socialism and Social Science

Institut zur Erforschung der Geschichte und Kultur der UdSSR

Prof. A. Philipov

Der wissenschaftliche Sozialismus und die Gesellschaftswissenschaft

---

Institut d'étude de l'histoire et de la culture de l'URSS

Prof. A. Philipov

Le socialisme scientifique et la science de la société

M ü n c h e n

1955

Институт по изучению истории и культуры СССР был организован в Мюнхене 8 июля 1950 г. Институт является свободной корпорацией ученых, покинувших Советский Союз и работающих по научному исследованию СССР. Результаты этого исследования имеют целью рассеять неведение, существующее относительно СССР, и сообщить демократическому миру достоверные данные, относящиеся к Советскому Союзу.

Всякий научный работник или исследователь может стать сотрудником Института, независимо от его национальности или политических убеждений, при том условии, что он не является членом коммунистической партии или сочувствующим ей. Поэтому все эмигранты из СССР, имеющие научную квалификацию, имеют право участвовать в работе Института независимо от места их жительства.

Институт, ныне находящийся в Мюнхене, есть преимущественно центр корреспонденции для научных работников, эмигрантов из СССР. Институт издает научный журнал (Вестник Института), монографии, сборники статей, бюллетень по вопросам общественно-политической жизни в СССР и т. д. Институт также организует конференции ученых, эмигрантов из СССР, и оказывает скромную материальную помощь этим ученым в их исследовательской работе.

The Institute for the Study of the History and Culture of the USSR, organized in Munich on July 8, 1950, represents a free corporation of scientists and men and women of letters who have left the Soviet Union and are now engaged in research on their homeland. The purpose of their work is to push back the frontiers of ignorance by presenting to the democratic world the truth about the Soviet Union.

Anyone engaged in scholarly investigation may become a collaborator of the Institute regardless of his national or political affiliations provided he is not a Communist Party member or sympathizer. All members of the Soviet emigration who have scholarly qualifications are, therefore, eligible to participate in the work of the Institute irrespective of their place of residence. The central office of the Institute, now located in Munich, is primarily a clearinghouse for the émigré scholarship of the USSR. In addition to publishing journals and papers, the Institute sponsors conferences on the USSR and gives modest grants-in-aid for research studies by émigré scholars.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Стоит ли издавать еще одну работу по марксизму, когда существует бесконечное множество книг, посвященных этой теме? Стоит ли в особенности теперь издавать еще одну работу по марксизму, когда совсем недавно вышли в свет на русском языке две работы по марксизму, написанные выдающимися учеными, высоко компетентными в круге вопросов, составляющих марксизм — профессором философии и права Б. П. Вышеславцевым (Петровым) «Философская нищета марксизма», 1953 г., и профессором политической экономии А. Д. Билимовичем «Марксизм», 1954 г. Я думаю, стоит. И вот почему:

1. Обе эти работы рассматривают сразу целый круг разнородных вопросов: диалектику, материализм, понимание идеологии, социальное учение и проч., тогда как я концентрирую все свое внимание только на социальном учении Маркса, рассматривая другие стороны его учения, т. е. диалектику, материализм и т. д. в других своих специальных работах.

2. Обе эти работы дают общую критику социального учения Маркса, т. е. они указывают на недопустимость признания зависимости социальной жизни от одной материальной стороны, не разбирая Марксовой схемы зависимости одних социальных явлений от других, начиная от производительных сил.

В настоящей же работе я стараюсь дать и общую, и специальную критику Маркса, разбираю разные произведения Маркса и пользуюсь первоисточниками.

3. Обе эти работы не касаются работ Ленина и Сталина, тогда как эти работы, несомненно, вырастают из недр самого марксизма и из состояния науки об обществе.

4. Обе эти работы, говоря о предсказании Марксом наступления социалистического строя, не касаются того, что получилось в действительности вместо этих предсказаний и почему это получилось.

5. Наконец, обе эти работы принимают традиционную точку зрения на происхождение марксизма, как на известный синтез диалектики Гегеля, материализма Фейербаха, английской классической политической экономии и учения французских «утопических» социалистов.

Поскольку я концентрирую внимание на одном социальном учении Маркса, первые два источника марксизма, т. е. диалектика Гегеля и материализм Фейербаха, не подлежат моему рассмотрению. Конечно, английская политическая экономия и учение французских «утопических» социалистов играют огромную роль и у меня. Однако я отнюдь не могу удовлетвориться только указанием на учение французских «утопических» социалистов, ибо как раз те социальные учения, которые возникли после учения французских «утопических» социалистов и до учения К. Маркса, и придали своеобразный характер всему учению К. Маркса, отличающий его от учения французских социалистов. Связь между учением об обществе и научным социализмом вырисовывается, как совершенно необходимая. Однако обе эти дисциплины характеризуются не только общностью идей, но их разделяет и глубокая разница по существу: разница в понимании ими общества и социализма. Большевицкая революция представляет великий пробный камень для обеих этих дисциплин: в то время, как все предсказания научного социализма оказались совершенно неудачными, предсказания о грядущем социализме в науке об обществе поражают своей верностью, точностью и меткостью.

Все это позволяет мне думать, что эта моя работа будет не бесполезная. Я совсем не хочу сказать, что рассмотренные работы по марксизму не ценные, а моя работа ценная. Я хочу только выдвинуть новую точку зрения, которая восполняет обычную и может объяснить многое.

А. Филипов

I. РАЗНОЕ ПОНИМАНИЕ СОЦИАЛИЗМА

Хотя термин «социализм» впервые стал употребляться около ста двадцати лет тому назад (в 1834 г. — Пьер Леру во Франции и последователи Роберта Оуэна в Англии; с 1836 г. этот термин стал общепринятым), но, тем не менее, он применяется к феноменам, насчитывающим многовековую давность, и не может считаться определенным. Прежде всего неясно отношение понятия социализма к понятию коммунизма. Так, одни считают, что эти понятия выражают одно и то же, и употребляют их безразлично; другие, — находя, что оба эти понятия выражают требование радикального преобразования общественного порядка путем устранения частной собственности и свободной конкуренции, — полагают, что социализм ограничивается этим преобразованием общества лишь в области производства и распределения, тогда как коммунизм включает сюда еще и потребление; наконец, третьи придерживаются взгляда, что социализм есть низшая, предварительная ступень коммунизма (К. Маркс и его советские последователи). Затем и само понятие социализма употребляется в весьма широком и неопределенном смысле, начиная от советского социализма и кончая социализмом христианским, католическим и государственным (катедер-социализм), причем между этим началом и концом можно поставить германский национал-социализм. Конечно, найдется немало лиц, которые будут утверждать, что все вышеупомянутые явления не относятся к социализму в собственном смысле слова: христианский, католический и государственный социализм требуют не радикального переустройства общественного порядка, а лишь известных социальных реформ в рамках старого общественного порядка; советский социализм есть пародия на социализм, и, наконец, национал-социализм есть смесь и того и другого. Быть может это мнение и правильно, но в таком случае оно только доказывает, насколько неопределенным является понятие социализма: оно применяется к таким явлениям, которые по существу не относятся к области собственно социализма.

Поэтому мы вкратце коснемся области социализма и коммунизма, которую все уже признают за таковую, чтобы показать, насколько широка эта область и насколько различные феномены она заключает в себе.

Различают прежде всего коммунизм первобытный, существующий у «первобытных» народов, когда не существует никакой частной собственности на средства производства (возникает право частной собственности лишь на личное оружие), а производство, распределение и даже в значительной степени потребление осуществляются сообща целым обществом. Ему можно противопоставить социализм или коммунизм, считающийся завершительным этапом в развитии человеческого общества — социализм или коммунизм, который наступает после огромного накопления капиталов, концентрации их, необычайно развитой техники, далеко идущего разделения труда и т. д.

Идеальное государство древнегреческого философа Платона (427-347 до Р. Х.) служило образцом для коммунистических утопий не только Томаса Мора и Кампанеллы, но и для Мабли и Морелли и через последних двух отразилось на Бабефе, как известно, пытавшемся провести в жизнь во время Великой французской революции коммунистический строй. В своем «Государстве» Платон изображает идеальный тип людского общества, в котором должен господствовать разум, т. е. в котором вся жизнь должна направляться философами. Для того, чтобы личные интересы не мешали всецело служить интересам государства, Платон считает необходимым, чтобы правящие классы — философы и воины — не имели ни собственного имущества, ни собственной семьи: браки у них должны носить временный характер и регулироваться государством в интересах получения здорового потомства, а дети должны быть общими. Этот коммунизм не распространяется Платоном на низшие классы, т. е. на ремесленников и земледельцев, так как они «неспособны к философии». Стало быть, коммунизм у него распространяется не на все общество, а только на часть его, является не благом сам по себе, а суровой необходимостью и, наконец, носит характер не производительный, а потребительный. Этому потребительному коммунизму высшего класса Платона можно противопоставить коммунизм в царстве инков в Перу, где коммунизм распространялся только на низшие классы, а не на высшие и носил характер производительного коммунизма. Сходные порядки воспроизвели позже иезуиты в Парагвае. Впрочем, и на идеальном коммунистическом государстве Платона все же сильно отразились действительные порядки, существовавшие в современных ему греческих государствах: так принудительные меры, рекомендуемые Платоном к получению здорового народонаселения и к использованию государства всякого индивида, являются отражением практики спартанского государства; бесправное положение ремесленников и земледельцев, устранившихся от всяких общественных дел и долженствующих только исполнять покорно свой труд, напоминает у Платона положение рабов в Афинах и т. д.

В первые века христианства существовал коммунизм в христианских общинах. Было немало учителей Церкви, которые чрезвычайно резко осуждали людей, владеющих имуществом. «Земля, — го-

ворит св. Амвросий, — была дана одинаково и бедным, и богатым. Зачем же, богачи, вы присваиваете себе одним собственность . . . частная собственность порождена насильственным захватом». Иоанн Златоуст не перестает также осуждать богатых: «не только присваивать себе чужое, — говорит он, — но и не уделять части своего бедным есть грабительство». Таких же взглядов держался еще ап. Иаков. Равным образом и Пелагий доказывал, что слова Христа надо понимать в буквальном смысле и что богатый, действительно, не может войти в царство небесное. И, в общем, надо сказать, что в первое время христиане понимали слова Христа в буквальном смысле, то есть, что богатый должен раздать свое имение бедным и т. д. «У нас все общее, кроме жен», — утверждает Тертуллиан. То же говорит и Юстин: «мы приносим все, что имеем, и делим с бедными». Нетрудно видеть, что подобный взгляд на богатство первых христиан вытекает из пренебрежительного отношения к материальным благам, теряющим свою ценность по сравнению с духовными благами. Можно отметить, что подобный коммунизм, вытекающий из пренебрежительного отношения к материальным благам, сохранился на Востоке и на Западе в так называемых общежительных монастырях, в каковых монахи не имели буквально никакой личной собственности, вплоть до одежды. Что этот коммунизм вытекал из пренебрежительного отношения к материальным благам, хорошо показывает то обстоятельство, что, когда учителя Церкви захотели примирить христианство с существующим государственным строем, покоящимся на признании частной собственности, все они тотчас же стали доказывать полную совместимость учения Христа с имущественным неравенством. Они учили, что Бог посылает нищему бедность ради испытания и советовали ему проявлять терпение; богатым же, по их мнению, бедность доставляет возможность проявлять свое милосердие. «Перед Богом, — утверждает Лактанций, — нет ни бедных, ни богатых — беден перед Богом лишь тот, у кого мало справедливости, а богат тот, у кого много добродетелей». Специально вопросу о возможности спасения для богатого посвятил свое сочинение Климент Александрийский «Какой богатый может быть спасен?». Это сочинение имело целью специальное истолкование слов Иисуса Христа о невозможности богатому войти в царство небесное и о необходимости раздать свое имение нищим. Климент Александрийский доказывает прежде всего, что бедность сама по себе не является еще заслугой перед Богом, так как и язычники, не знающие Бога, могут отдавать свое имение нищим. С другой стороны, он указывает на то, что если бы все роздали свое имение нищим, то никто бы ничего не имел, и, стало быть, никто не мог бы творить предписываемые дела милосердия. Выход из этого положения Климент видит в том, что слова Христа надо понимать не в буквальном смысле, но в переносном, именно надо отбросить не само богатство, но надо отбросить страсть к богатству. Это толкование Климента, в общем, получило признание Церкви. Правда, вместе с этим толкованием

падает коммунизм христианских общин первых веков христианства. И вот этому христианскому коммунизму, основанному на **пренебрежении к материальным благам**, можно противопоставить революционный коммунизм, придающий **решающее значение именно материальным благам**. Сюда относятся не только современные марксисты, страстно мечтающие захватить имущество богатых и сделать его общей собственностью, но и простой народ многих древнегреческих государств-городов, после революций с жадностью захватывавший состояние своих богатых сограждан и делавший его общей собственностью, а также простой народ в Персии в царствование Кавада (в VI веке после Р. Х.), увлеченный учением Маздака о равенстве всех людей и об общности всего имущества и даже жен и осуществлявший это учение, и т. д.

Существует коммунизм эпизодический, вытекающий из одних абстрактных теорий и не имеющий корней в истории народов, а потому быстро подавляемый, например, коммунистический строй, осуществленный Фомой Мюнцером во время реформации в Германии, или коммунистический строй на острове Неджарке в Чехии во время Гуситского движения и проч. Ему можно противопоставить коммунизм до некоторой степени органический, имеющий корни в истории и являющийся до некоторой степени возвратом к старым порядкам, а потому более устойчивый, напр., коммунистический строй в Китае, введенный императором Ван Маном (в I-м веке после Р. Х.) и императорским советником Ван Ань-ши (в XI в. после Р. Х.); в первоначальный период китайской истории коммунистические порядки существовали в течение двух тысяч лет.

Существует коммунизм идилический, представители которого страстно сочувствовали бедственному положению низших классов общества, желали в корне изменить общественный строй и предлагали для этого уничтожить частную собственность. Однако этот переворот они изображали как вполне мирный и добровольный, наступающий в результате просвещения и нравственного усовершенствования. Сюда относится Томас Мор со своей «Золотой книгой о новом острове Утопии»¹⁾ (1516 г.), в которой изображается фантастический строй, основанный на общественной собственности, на общественном производстве и на общественном распределении; Кампанелла со своим «Городом Солнца» (1623 г.), который управляется «сословием мудрых» на коммунистических основах, но уже не знает услуг рабов, как это еще имеет место у Т. Мора, а также французские писатели XVIII в. Морелли и Мабли. Этому идилическому коммунизму можно противопоставить коммунизм, возникающий в результате беспощадной борьбы классов и жестокой диктатуры пролетариата.

Существует социализм или коммунизм на религиозном основании, например, у Бюше и Леру, которые были учениками Сен-

---

¹⁾ Утопия значит «место, которого нет».

Симона, мечтавшего о «новом христианстве», и социализм или коммунизм, который считает всякую религию «опиумом народа».

Существует социализм или коммунизм у т о п и ч е с к и й (Фурье, Сен-Симон с их последователями), который должен наступить в силу свободной воли человека, понявшего преимущества нового строя перед старым. Этому утопическому социализму противопоставляется так называемый социализм н а у ч н ы й, который наступит помимо воли людей и в силу необходимых законов развития капиталистического общества.

Наконец, существует коммунизм а н а р х и ч е с к и й (П. Кропоткин, Л. Толстой), основанный на моральных началах, отрицающий какое бы то ни было насилие над личностью и признающий принцип добровольности при сотрудничестве групп. Этому анархическому коммунизму противопоставляется «социализм научный» с его диктатурой пролетариата и с «железными законами» развития капиталистического общества в сторону коммунизма помимо воли отдельных людей.

Таковы в самых общих чертах различные понимания социализма или коммунизма. Однако как ни интересно было бы заняться ими, мы должны ограничиться здесь рассмотрением лишь так называемого социализма научного. Но перейти прямо теперь же к социализму научному мы не можем, так как на него оказал сильнейшее влияние так называемый французский утопический социализм XIX века: во-первых, влияние прямое, ставшее просто необходимою составною частью научного социализма, и, во-вторых, влияние посредственное, заставившее научный социализм перестроить некоторые положения утопического социализма в духе полной противоположности. Поэтому мы и переходим к рассмотрению французского утопического социализма.

II. УЧЕНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ «УТОПИЧЕСКИХ» СОЦИАЛИСТОВ XIX В.

Учение об обществе составляет несомненную заслугу французских так называемых «утопических» социалистов XIX века и находится в тесной связи с результатами Великой французской революции: они первые с разительной ясностью показали, что главным началом, объединяющим отдельных индивидов, является не государственно-правовое объединение, но общество, базирующееся на материальном интересе.

Разумеется, это начало не было совершенно неизвестным и до французской революции и следы его можно отыскать даже и в древности. В частности, в XVIII веке Ж. Ж. Руссо в своем сочинении «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства среди людей» видит причину неравенства в возникновении земельной собственности.

«Если мы будем следить за развитием неравенства в этих различных революциях, — замечает Руссо, — то мы найдем,

что установление закона и права собственности было первым началом»²).

Возникновение же собственности, по Руссо, проистекает совершенно неизбежно из одного факта совместного жительства людей.

«Одним словом, — говорит Руссо, — до тех пор, пока люди несли работы, которые мог выполнять один человек, и занимались искусством, не требовавшим содействия многих рук, они жили свободными, здоровыми, добрыми и счастливыми, поскольку они могли быть таковыми по своей природе, и продолжали пользоваться между собой прелестями независимых отношений: но с того момента, когда один человек стал нуждаться в помощи другого, как только заметили, что одному человеку было выгодно иметь запасы для двух, так исчезло равенство, возникла собственность, труд стал необходимым и обширные леса превратились в улыбающиеся деревни, которые надо было поливать людским потом и в которых в скорости было обнаружено, как вместе с жатвами зарождаются и растут рабство и нищета»³).

Таким образом мы видим, что возникновение собственности, по Руссо, является фактом сравнительно поздним, знаменующим разрыв со всем блаженным естественным состоянием и является основанием всего современного социального строя. Поэтому неудивительно, что мы находим у Руссо следующие слова:

«Первый, кто, огородив участок земли, осмелился сказать «это — мое» и нашел достаточно простодушных людей, которые поверили ему, был истинным основателем гражданского общества. От каких бы войн, убийств, бедствий и злодейств сохранил бы род человеческий тот, кто, вырывая колья и засыпая ров, воскликнул бы себе подобным: «Остерегайтесь слушать этого самозванца; вы погибли, если вы забудете, что плоды принадлежат всем, а земля — никому»⁴). «Таково было или должно было быть, — заключает Руссо, — происхождение общества и законов, давших новые оковы слабым и новые силы богатым, разрушивших безвозвратно естественную свободу, установивших навсегда принципы собственности и неравенства, создавших из ловкого насилия незыблемое право и отныне подчинивших, ради выгоды немногих честолюбцев, весь род людской труду, рабству и нищете»⁵).

Также и французские социалисты XVIII века Мабли («De la législation ou des principes des lois»), Морелли («Code de la nature») и Бриссо («Recherches philosophiques sur la propriété et sur le vol») учили, что

---

2) Oeuvres complètes de J. J. Rousseau, ed. 1819. Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes, p. 563.

3) Там же, стр. 555.

4) Там же, стр. 551.

5) Там же, стр. 552.

источником всех социальных зол является частная собственность, которая обуславливает все нынешнее общественное устройство и которая должна быть уничтожена, а Бриссо даже утверждал до Прудона, что собственность есть кража и что в естественном состоянии вор — это богатый, а при нынешних условиях вор — это берущий у богатого. Но события Великой французской революции с особенной разительностью противопоставили государственно - правовому объединению общество и обнаружили глубокую недостаточность первого, а потому и воспользовавшиеся опытом революции французские социалисты XIX века с небывалой дотоле ясностью противопоставили внешнему началу — государственно - правовому объединению — более глубокое начало — общество.

Знаменитая «Декларация прав человека и гражданина» Великой французской революции от 3 сентября 1791 года начинается следующими словами:

«Представители французского народа, организованные в Национальное Собрание, полагая, что незнание, забвение или пренебрежение прав человека суть единственные причины общественных бед, решили изложить в торжественной Декларации естественные, неотчуждаемые и незыблемые права человека — ст. I. Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах и т. д.»

И вот, когда эти права свободного человека были проведены в действительности, то оказалось, тем не менее, что общественные беды далеко не исчезли, но наоборот даже усилились для огромной части людей. Объясняется это увеличение общественных бедствий главным образом применением машин в производстве. До XIX века в мануфактурной промышленности господствовало мелкое ручное производство, но с введением машин был нанесен решительный удар мелкому ручному труду. Машины настолько сокращали труд и издержки, а, стало быть, и цены товаров, что мелкие производители совершенно не могли конкурировать с крупными, пользующимися машинами, и им ничего не оставалось как поступать массами в простые рабочие к крупным. Однако огромное расширение производства привело к понижению цен товаров, а огромный прилив рабочих рук — к понижению цен на труд, таким образом, и то, и другое обстоятельство привели к чрезвычайно низкой ценности рабочего труда и дали возможность промышленникам извлекать из трудового люда наибольшую выгоду, нисколько не считаясь с его положением. Отсюда невероятно бедственное положение рабочего люда — жалкая плата, длиннейший рабочий день (иногда 16-18 часов), изнурительная работа женщин и детей (иногда от 6-летнего возраста и до 12 час. в сутки), отвратительные жилищные условия, частая безработица и проч. Любопытно отметить, что великий английский утопист начала XIX в. Роберт Оуэн, мечтавший преобразовать современное ему общество, управляя в Шотландии крупным фабричным предприятием, сократил рабочий день только до 10 с половиною часов!

На это бедственное положение трудового народа и обратили огромное внимание французские социалисты (а также одновременно с ними и английский социалист-филантроп, фабрикант Р. Оуэн — «Опыт по образованию человеческого характера»). «Современный свободный голодный пролетарий, — замечает Фурье, — иной раз позавидует обеспеченному рабу древнего мира». И Фурье мастерской рукой описывает все беды современного ему свободного общества⁶).

Рабочий должен вечно работать для других, чтобы создавать им наслаждения, но сам никогда не может пользоваться ими. Крестьянин тяжелым трудом едва может прокормить самого себя, но должен еще кормить и других. Всякий, обрабатывая землю, не думает о том, чтобы использовать ее наилучшим образом применительно к данным условиям местности, но думает только о своей выгоде; земля дробится на мелкие участки, затрудняющие рациональное ее использование. 300 семейств имеют 300 плохих сараев — каждое в отдельности, — вместо того, чтобы иметь один великолепный сарай для всех; 300 семейств имеют 300 скверных приспособлений для выработки вина — каждое в отдельности, — вместо того, чтобы иметь одно прекрасное обзаведение для выработки вина для всех. Нетрудно видеть, что подобные примеры постоянно приводили и большевики, желая доказать преимущества коллективных хозяйств (колхозов) перед индивидуальным. В обществе тратится масса совершенно ненужного труда, в виде труда солдат, матросов, чиновников, адвокатов, торговцев, прислуги и проч. «Нищета и разврат» — вот как характеризует кратко Фурье плоды режима, осуществившего права свободного человека. А по замечанию Базара, ученика Сен - Симона⁷), бедняк остался и после осуществления прав свободного человека «рабом своей нищеты, своей бедности, с которой он так же мало может покончить добровольно, как мог это сделать крепостной». И здесь господствует принцип «эксплуатации человека человеком» и «всякий за себя и Бог ни за кого». «Какая польза больному, — спрашивает Луи Блан⁸), — от его права на лечение, если его не лечить», и разъясняет: «Право — это мираж, который с 1789 года обманывает народ».

Словом, французские социалисты с несомненностью показали, что одно голое, формальное право имеет очень мало значения в жизни людей и что есть еще кроме него другое начало, гораздо более важное для их жизни. «Мы придаем слишком много значения формам правления», — заявляет уже Сен-Симон⁹) и приходит к выводу, что всякая форма правления есть все - таки форма, самая же сущность общественного устройства это — **собственность**. Поэтому-то он и утверждал, что

---

6) *Théorie des quatre mouvements*, 1808 и *Théorie de l'association domestique et agricole*, 1822.

7) *Exposition de la doctrine de Saint-Simon*, 1828-30.

8) *L'organisation du travail*.

9) *Vue sur la propriété et la législation*.

для изменения социального устройства и должна быть произведена реформа в сфере собственности. Не был согласен Сен - Симон и с тем, будто бы революция сделала всех равными, а, наоборот, указывал на противоположность интересов и непрерывную **борьбу классов** — промышленного, феодального и промежуточных¹⁰⁾. Другими словами, Сен - Симон на место идеи права, претендующего быть основанием людского общения, ставит понятие материального интереса, прекарным созная, что существующее право враждебно интересам наиболее многочисленного класса общества, а, стало быть, никоим образом не может служить основанием общественного устройства.

«Итак, — приходит к выводу Сен - Симон в «Новом христианстве», — согласно этому началу (люди должны быть между собой братьями. — **А. Ф.**), которое Бог установил для людей, как правило их поведения, они должны **организовать свое общество способом наиболее выгодным наибольшему числу его членов**; они должны поставить целью всех своих трудов, всех своих действий — улучшить как можно быстрее и полнее нравственное и физическое состояние самого многочисленного класса. В этом, говорю я, и только в этом состоит божественная часть христианской религии»¹¹⁾. «Религия должна направлять общество к великой цели возможно быстрого улучшения судьбы беднейшего класса»¹²⁾.

В общем можно сказать, что утопические социалисты XIX века были убеждены в том, что коренное переустройство общества зависит от сознательной воли и разумных соображений, а не от объективных, вне воли человека лежащих факторов. Отсюда и название их — «утопические». Как мы видели, Сен - Симон считал, что силой, которая изменит общественный строй, является проповедываемая им новая религия — «новое христианство». Ученик его Базар полагал, что такой силой является установление центрального государственного банка, который после уничтожения частного наследственного права, будет получать в свое распоряжение имущество умерших лиц и затем передавать их лицам, наиболее всего способным управлять этим имуществом в интересах всего общества. Фурье был убежден, что изменение общественного строя последует вследствие осуществления земледельческих ассоциаций (2000 душ, владеющие участком земли в 1 кв. милю — фаланга — и живущие в одном общем здании — фаланстер), где каждое лицо выбирает себе по своему вкусу род занятий и где труд станет вследствие этого источником наслаждения, ведущего к соревнованию в энтузиазме (энтузиазм и соревнование у большевиков!). Луи Блан рекомендовал организацию труда государством, которое должно убить частных предпринимателей, сосредоточить в руках государства все отрасли производства и таким образом сделать

10) Cotéchisme des Industriels.

11) Сочинения А. де Сен - Симона, Гос. Изд., 1923, стр. 214.

12) Там же, стр. 217.

возможным преобразование общества и проч. Роберт Оуэн полагал, что разумный общественный строй введут правительство и правящий строй, а потому со своими проектами обращался к русскому императору Николаю I, королю Франции и проч.

Так как утопические социалисты XIX века полагали, что радикальное преобразование общества зависит только от разума и воли людей, то представляет большой интерес вопрос — не делались ли попытки к этому преобразованию общества и, если делались, то с какими результатами? Этих попыток делалось немало — обычно делались они в незначительных масштабах. Однако во время революции 1848 года во Франции делались попытки осуществить теорию Луи Блана об организации труда в государственном масштабе. Кончилась эта попытка, как известно, полным крахом. Однако этот крах все же нельзя приписать только недостаткам этой социалистической теории, так как осуществляли ее в значительной мере лица, старавшиеся дискредитировать ее, так что этот опыт осуществления социалистической теории не может рассматриваться как доказательство невозможности ее осуществить. Другое дело осуществление теории Фурье. Этих опытов делалось множество, и никто не мешал осуществлению этой теории. Вскоре после смерти самого Фурье в 60 километрах от Парижа последователи Фурье приобрели имение в 500 гектаров земли, возвели великолепные постройки и т. д., но очень скоро они прогорели и община распалась. В общем, после 30-х годов в Америке и во Франции было сделано около 40 попыток осуществить теорию Фурье. Все эти попытки кончались неудачно, обыкновенно после 3-5 лет существования, что, конечно, свидетельствует о незнании и забвении психологических и социальных законов со стороны Фурье и его последователей.

Насколько безудержно увлекался Фурье своими социалистическими теориями, построенными на несуществующей гармонии в обществе и природе, хорошо показывает то предсказание, которое он делает относительно изменений в природе, каковые наступят в результате гармонически устроенной земли. Гармонически устроенная земля даст необходимые испарения солнцу, и вся жизнь на земле изменится: вредные и дикие животные исчезнут и появятся их антиподы — антильвы, антиакулы и т. д., которые будут служить людям — переносить тяжести на земле и перевозить корабли на море; вода морей обратится в нечто вроде сладкого лимонада; климат станет настолько теплый, что в Петербурге будут произрастать такие пальмы, как в Ницце и т. д. Нетрудно видеть, что все эти фантазии ничем не стлчачаются от сказочной благодатной страны Schlaraffenland, где все нужное и приятное человеку дается самой природой, безо всякого усилия со стороны человека (миф, идущий из древней Греции и дошедший до Польши).

III. УЧЕНИЕ ОБ ОБЩЕСТВЕ Л. ШТЕЙНА И Р. МОЛЯ

Учение французских социалистов об обществе оказалось весьма плодотворным и оказало сильнейшее влияние на историка их учений Лоренца Штейна, который уже в 1842 году выпустил книгу «Der Sozialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs». Л. Штейн объединил их учение об обществе с диалектическим пониманием государства у Гегеля («Begriff der Gesellschaft» и «Die Gesellschaftslehre»). Как известно, Гегель рассматривал государство, как высшее осуществление нравственной идеи, как синтезис семьи (тезис) и общества (антитезис). Однако у Гегеля понятие общества крайне неопределенно; Лоренц же Штейн вкладывает в понятие общества определенное содержание, которое заимствуется им у французских социалистов. Так, Л. Штейн вполне определенно устанавливает, что «данная благодаря распределению имущества зависимость» характеризует «конкретный образ общества», а интерес «представляет движущий принцип общества»¹³). Или в другом месте: «интерес... есть поэтому принцип общества... вместе с этим порядок человеческого общения, которое покоится на движении имущества и его законов, в существенном постоянно и неизменно есть **порядок зависимости неимущих от имущих**»¹⁴). Но так как, по мнению Л. Штейна, общественный строй, базирующийся лишь на материальном интересе, на неравномерном распределении имущества приводит к зависимости слабых и неимущих от сильных и имущих, а стало быть, и к эксплуатации первых вторыми, то имеется необходимость в высшем роде общения, нежели общество, а именно — в государстве, которое стоит над общественными интересами и защищает слабых от сильных. Поэтому, Л. Штейн и утверждает, что «среди всех форм монархия есть самое чистое выражение существования самостоятельного, как лица государства»¹⁵).

Общая картина, рисуемая Штейном, следовательно, такова: «Величайшее противоречие, которое содержат земные вещи — это противоречие между единичным человеком и его назначением»¹⁶). Разрешение этого противоречия дается фактом существования общества. «Эта ограниченность единичной силы и единичной жизни прежде всего уничтожается в неограниченном множестве людей, каковое представляет для достижения цели человека неограниченную силу и неограниченное время»¹⁷). Но мы уже видели, что «принцип общества есть подчинение отдельных лиц другим отдельным лицам»¹⁸). И вот принцип государства и есть «**возвышение всех отдель-**

13) Lorenz Stein. Der Begriff der Gesellschaft, 2. Auflage, Leipzig, 1855, S. XLI.

14) Там же, стр. XXIII.

15) Там же, стр. XXXVII.

16) Там же, стр. XIII.

17) Там же, стр. XIII-XIV.

18) Там же, стр. XLIII.

ных лиц к полнейшей свободе, к полнейшему личному развитию»¹⁹⁾. Учение об обществе Л. Штейна вызвало возражения со стороны Роберта Моля.

По мнению Моля, понимание общества, как начала, основанного на материальном интересе, слишком узко — общество может быть основано не только на материальном, но и решительно на всяком интересе, лишь бы он носил постоянный и серьезный характер, как-то — общность происхождения, образования, религии, местожительства и т. д.

В заключение нужно добавить, что учение Штейна и Моля оказало влияние преимущественно на юристов и государствоведов, какими они были сами.

IV. «УТОПИЧЕСКИЙ» И «НАУЧНЫЙ» СОЦИАЛИЗМ

Мы уже видели, что французские социалисты первой половины XIX века дали глубокое учение об обществе и не менее острую критику современного им общественного устройства. Мы видели также, что они пытались преобразовать общество и что путем к этому для них служила свободная человеческая воля, убеждение в неизмеримом превосходстве социализма перед старым строем и его начала, сознательно проводящиеся тем или иным путем в жизнь. Правда, иногда у французских социалистов появлялось сознание необходимости, в силу самого хода вещей, наступления социалистического строя, напр., у Фурье, когда он всю историю человечества делил на периоды — райский, дикий, патриархальный, варварский и цивилизованный, считая, что каждый из периодов достигает наивысшего своего развития, ветшает и затем уступает место следующему и что ныне период цивилизации достиг дряхлости, а поэтому и должен наступить новый период «гарантизма» (социалистического); или же у Геккера, полагавшего (до Маркса), что средства производства концентрируются, а потому и должна наступить социализация их. Но все подобные соображения далеко не имели решающего значения и отступали, как мы видели, совершенно на задний план перед теми произвольно предпринимаемыми мероприятиями, которые они предлагали осуществить для достижения нового строя. В этом смысле весьма характерно поведение Фурье, который, заявив в одной из своих первых работ, что он в такие-то часы бывает дома и ожидает богача, каковой согласится осуществить его социалистические теории, всю жизнь свою ожидал в эти часы желанного богача, но напрасно. Во времена же К. Маркса уже твердо господствовало убеждение в закономерности самого социального процесса и в ничтожной роли в нем отдельной личности (идушее не только от О. Конта и Кетле, но и от Гегеля, в особенности повлиявшего на Маркса), а потому естественно, что социализм только в том случае и мог быть обоснованным в то время, если бы он был приведен в согласование с этим убеждением. Это согласование идей социализма

¹⁹⁾ Там же, стр. XLIII.

с идеями закономерности самого социального процесса и ничтожности роли в нем отдельной личности и было предпринято Марксом. Понятно, что при таком взгляде на общество, как на естественное явление, в котором исключается роль отдельной личности, Маркс совершенно не может удовлетвориться всевозможными планами французских социалистов, которые надо только признать, чтобы воцарился социализм. Маркс, вместе с французскими социалистами, вполне определенно утверждает наступление социализма, но это наступление у него носит характер совершенно естественного процесса, и отдельная личность не играет в нем никакой роли. Поэтому последователи Маркса и называют его социализм «научным» и противопоставляют его «утопическому» французскому социализму. Однако эти термины должны быть признаны неудачными. И «утопический», и «научный» социализм одинаково находятся в связи с современной каждому из них наукой. «Утопический» социализм не только стоял на уровне современной ему науки, но часто даже опережал ее (в понимании общества, оказавшем глубокое влияние на последующую науку). С другой стороны, многое из «научного» социализма, как мы увидим далее, оказывается ненаучным (это положение менее всего могут отрицать диалектические материалисты). «Утопический» социализм правильнее всего называть «социализмом, основанным на свободе», а «научный» — «социализмом, основанным на закономерности». Но вот как раз это понятие социальной закономерности, лежащее в основе марксизма, и составляет центральный пункт его, и без понимания этого пункта нельзя понять и объяснить марксизм. Между тем, понятие социальной закономерности у Маркса весьма сложное. Учение Маркса можно рассматривать как своеобразный синтез социологии и философии истории: это учение признает абстрактные повторяющиеся социальные законы и вместе с тем оно изображает целостную картину в развитии всего человечества. Отсюда явствует, что, прежде чем приступить к рассмотрению социального учения Маркса, надо предварительно познакомиться с социологией, философией истории и другими социальными учениями, которые повлияли на понятие Маркса о социальной закономерности и о ничтожности роли отдельной личности в историческом процессе. В общем, можно утверждать, что Маркс только продолжает общую научную тенденцию, резко выступающую в первой половине XIX века, и приспособляет ее к своей специальной области.

V. РАЗВИТИЕ ИДЕИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

(Де-Мэстр и историческая школа права)

Руссо в своем «Общественном договоре» с полной ясностью высказывается о государстве, как о продукте сознательной человеческой воли:

«Устройство человека — дело природы; устройство государства — дело искусства. От людей не зависит продление их жизни»

ни; но от них зависит продление жизни государства настолько далеко, насколько это возможно, давая ему наилучшее устройство, которое оно (то есть государство) может иметь»^{19а}).

Что на государство смотрели как на продукт сознательной человеческой воли индивидуалисты, придерживающиеся договорной теории, это вполне понятно. Однако этого же самого взгляда до Великой французской революции держались вполне определенно и противники индивидуализма. Так, Т. Гоббс, уподобляя государство чудовищу Левиафану, тем не менее, ясно говорит:

«Великий Левиафан (так называем мы государство) есть дело искусства или искусственный человек — хотя по объему и по силе гораздо больший, чем естественный человек, который посредством его должен быть защищен и делаем счастливым»²⁰).

Даже великие социологи древности Аристотель и Платон, поставившие индивида в резко подчиненное положение по отношению к государству и наложившие неизгладимую печать на все политические сочинения вплоть до нового времени, и те с полной ясностью рассматривают государство, как продукт сознательной человеческой воли. Так, Аристотель начинает свою «Политику» следующими словами:

«Всякое государство, очевидно, есть общество, а всякое общество образуется не иначе, как ввиду какого-либо блага, ибо люди, какими бы они ни были, никогда ничего не делают иного, кроме того, что им представляется хорошим. Очевидно, все общества направлены к благу какого-либо рода, и наиважнейшее из всех благ должно быть предметом наиважнейшего из обществ, заключающего в себе все прочие; и его именно и называют государством и политическим обществом»²¹). «И первый, кто его установил, — продолжает Аристотель, — оказал огромную услугу»²²). «Следовательно, — приходит к выводу Аристотель, — политическое общество имеет несомненно предметом добродетель и счастье индивидов, а не только общую жизнь»²³).

И в другом месте:

«Прежде всего, наиболее совершенное государство, очевидно, есть то, в котором каждый гражданин, каким бы он ни был, может благодаря законам наилучшим образом осуществлять добродетель и обеспечить себе более всего счастье»²⁴).

Неудивительно поэтому, что Аристотель прилагает оценку к формам государственного устройства и утверждает, что

19а) *Du contrat social*, Paris, 1873, p. 121.

20) *Thomas Hobbes. Leviathan*, 1. Band, Halle, 1794, S. 4.

21) *Politique d'Aristote*, tr. p. J. Barthélemy Saint-Hilaire, Paris, MDCCCLXIV, p. 1.

22) Там же, стр. 9.

23) Там же, стр. 155.

24) Там же, стр. 201.

«все конституции, имеющие в виду общий интерес, суть чистые конституции, ибо они строгим образом выполняют справедливость; те же, которые имеют в виду лишь личный интерес правителей, будучи порочными в своем основании, суть только искажение хороших конституций»²⁵).

Точно так же и Платон в своем «Государстве» устанавливает следующее положение:

«Сократ. То, что порождает общество, не есть ли это наше бессилие удовлетворять нас самими себя и потребность, испытываемая нами ко множеству вещей? Есть ли еще другая причина его происхождения? **Адимант.** Другой не существует. **Сократ.** Таким образом, потребность в одной вещи побудила человека присоединиться к другому человеку и другая потребность — еще к другому человеку и таким образом множество этих потребностей объединило в одном поселении несколько людей в целях взаимной помощи; и они дали этому обществу название **города**. Не так ли? **Адимант.** Да»²⁶).

И еще в другом месте: **«Сократ.** Разве мы не должны необходимо признать, что страсти и нравы общества находятся в каждом индивидуе, составляющем его, ибо они могут перейти в общество лишь оттуда?»²⁷). И подобные взгляды Платон развивает не только в своем «Государстве», которое представляет проект идеального государства, то есть, стало быть, по самой своей сути предполагает возможность построения государства при помощи разумных соображений и путем сознательной воли, но и в своих «Законах», отразивших на себе разочарование автора в своем идеальном «Государстве».

«И действительно, — читаем мы в «Законах», — вследствие этого разнообразия обычаев, нужно было, чтобы различные семейства собрались бы вместе и поручили бы каким-либо своим членам рассмотрение различных частных обычаев. А эти, взявши от всякого из этих обычаев то, что им представлялось лучшим, предложили бы это главам и вождям семейств, как если бы последние были царями, и приобрели бы себе звание законодателей. Затем, назначили бы вождей; и патриархат уступил бы место аристократии или монархии»²⁸).

Такой взгляд на людское общение как на продукт сознательной человеческой воли господствовал приблизительно до Великой французской революции. К этому же времени накопился богатейший материал политических теорий, и во время революции была сделана грандиознейшая попытка осуществить на деле господствовавшие в то время политические теории. Однако результат этой попытки оказался со-

---

25) Там же, стр. 144.

26) *La République de Platon ou Dialogue sur la Justice*, t. 1., Amsterdam, MDCCLXIII, p. 78.

27) Там же, стр. 197.

28) *Lois de Platon*, tr. p. de Grou, Paris, 1842, p. 83.

вершено неожиданным: наступили совсем не те явления, которые хотели вызвать и появления которых ожидали. Отсюда развитая уже в политическом отношении мысль неизбежно должна была сделать вывод, что политические события зависят не от сознательной воли человека.

Нельзя сказать, чтобы этот взгляд не существовал до Великой французской революции. Его прежде всего развивали в XVIII веке Монтескье, Тюрго и Кондорсе — писатели, оказавшие непосредственное влияние на О. Конта. Так, Монтескье в своем «Духе законов» рассматривал законы как «необходимые отношения, вытекающие из природы вещей», и ставил их в зависимость от климата, почвы, величины и положения страны, богатств ее, занятий населения и проч. Точно так же Тюрго в своих «Discours sur l'Histoire universelle» («Речи о всемирной истории») устанавливает, что «масса человеческого рода, находясь попеременно в покое и в волнении, всегда движется, хотя и медленными шагами, к большему совершенству», полагая, что идеи как бы сами собою сталкиваются, и намечая уже знаменитый контовский закон трех стадий в развитии человечества (религиозная, метафизическая и позитивная стадии). А Кондорсе в своем «Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain» («Набросок исторической картины прогресса человеческого ума»), исходя из идей Тюрго о прогрессе, развивает эти идеи еще дальше в смысле независимости этого процесса от свободы индивидуальной воли. Он считает возможным из хода прошлых событий вывести развитие будущих и действительно выводит их, частью неудачно, считая, например, что имущество всех людей стремится к равенству и что между капиталистами и рабочими не может быть розни, или же предсказывая быстрое падение великих религий на Востоке; частью же весьма удачно, предсказывая, например, уничтожение рабства, политическое равенство, уравнивание в правах женщин, неизбежную гибель большей части диких народов при столкновении с цивилизованными и пр.

Говоря об идее закономерности в социальной области, развиваемой в XVIII веке, нельзя не упомянуть и о Вольтере с Гердером. Как известно, Вольтер в своем сочинении «Опыт о нравах и духе народов» смеялся над Боссюэтом, утверждавшим в своем сочинении «Речь о всемирной истории», будто бы сам Бог руководит судьбами народов, в центре которых стоит избранный им народ еврейский. По мнению Вольтера, Провидение не вмешивается в человеческие дела, а каждый исторический факт имеет свои собственные естественные причины. «Во всей этой массе революций, — говорит Вольтер, — происходящих во всем мире, повидимому, господствует роковое сцепление причин, которые гонят людей как вихрь, уносящий тучи песку и морские волны»²⁹). Точно так же и Гердер в своих «Идеях о философии истории человечества» пытается обосновать историю на естество-

29) Oeuvres complètes, 1785, t. XIX, p. 328.

знании, начиная свое рассмотрение с местопребывания людей — земли, этой «звезды между звездами», и утверждая, что «человек подчиняется законам не менее превосходным, чем те, по которым движутся все небесные тела».

Разумеется, подобные же взгляды, ограничивающие роль свободной человеческой воли в политическом устройстве, встречаются и в древности. Так, например, Фукидид в своей «Истории Пелопонесской войны» проводит, между прочим, и такую мысль, что одинаковые причины всегда вызывают и одинаковые следствия и, так как природа человеческая остается неизменной, то те события, которые он наблюдает, будут повторяться и впредь.

Однако и при этих взглядах государственно-правовое объединение все же ставилось в зависимость от разума и воли людей. Так и Монтескье, и Тюрго, и Кондорсе не переставали непрерывно давать совершенно определенные указания, которые, по их убеждению, должны были направить политическое развитие в желаемом ими направлении. Точно также и Вольтер красноречиво осуждает безнравственность большинства исторических событий и твердо убежден, что история могла бы обойтись без этих «насилий и жестокостей», а Гердер связывает закономерность социальных явлений с существованием Божества — «если есть Бог в природе, то он есть и в истории» — и сводит весь ход всемирной истории к развитию неопределенной и туманной идеи гуманности. По словам Шлоссера, каждый немец предпочитал «лежать с Гердером в облаках и с презрением смотреть на ходивших по земле». Наконец, всем известно, какое громадное значение придавал Фукидид роли личности в историческом процессе.

Огромную роль в выработке новых взглядов на природу общества, как мы уже говорили, сыграла Великая французская революция, так как опыт этой революции самым явственным и наглядным образом обнаружил стихийный характер развернувшихся событий, при которых, казалось, роль свободного и разумного индивида сводилась к нулю, а потому и писатели, исходившие из опыта этой революции, с небывалою дотоле резкостью и определенностью отметили бессилие и беспомощность человеческого разума и воли в судьбах человеческого общения. Сюда относятся французские теократы — Ж. де - Мэстр, Бональд и Балланш. Наибольшей оригинальностью и смелостью мысли бесспорно отличается из них Жозеф де - Мэстр³⁰⁾.

---

30) Некоторые взгляды, развиваемые де-Мэстром, встречаются уже раньше, чем у него, в сочинениях английского писателя Э. Берка «Размышление о французской революции» (осуждение априорных прав человека; пренебрежительное отношение к индивидуальному разуму в политической жизни, решающее значение исторической преемственности). Однако между взглядами этих авторов существует огромная принципиальная разница. Берк рассматривает французскую революцию с точки зрения политической, т. е. именно с точки зрения сознательно ставимых людьми разумных целей, и подвергает резкой критике революционное творчество.

«Чем больше рассматривают деятелей революции, — говорит он, — по видимости наиболее активных, тем более находят в них нечто пассивное и механическое. Нельзя в достаточной мере повторять, что совсем не люди ведут революцию, но революция употребляет людей. Весьма удачно говорят, когда говорят, что она идет сама собой»³¹).

К подобному же заключению он приходит и в отношении политических конституций и в отношении политической жизни вообще. В политических конституциях, по его словам, — «можно сказать с равным правом, что человек делает все и ничего не делает»³²), а в политической жизни — «ни один человек не знал того, что он делал в отношении всего, ни предвидел того, что должно случиться»³³). Что же однако происходит? И почему по мнению де-Мэстра человеку кажется, что он действует свободно, а на самом деле он оказывается как бы простой марионеткой в чьих-то руках? На этот вопрос мы находим у него следующее объяснение:

«Так как человек действует, то он думает, что он действует один, и так как он имеет сознание своей свободы, то он забывает о своей зависимости. В физической области он отдает себе отчет; и хотя он может, например, посадить жолудь, поливать его и т. д., но, тем не менее, он способен признать, что он не делает дуба, потому что он видит, как дерево растет и развивается без вмешательства человеческой силы и что, впрочем, жолудь сделан не им; но в социальной области, где он присутствует и действует, он начинает думать, что он в действительности настоящий виновник всего того, что делается им: это, в известном смысле, лопатка каменщика, вообразившая себя архитектором»³⁴).

Читая эти красноречивые слова, нельзя не признать, что трудно выразить с большей силой и определенностью бессилие и беспомощность человеческого разума и воли в социальной области. И хотя де-Мэстр и был теократом, то есть, сводил в конце концов всю жизнь народов к воле и промыслу Вожьему, но чрезвычайно важно отметить то, что Бог у него не вмешивается непосредственно в людские дела, но заранее предустановил ход событий.

«Бог, — замечает де-Мэстр, — не считая подходящим в этом случае употреблять сверхъестественные средства, по крайней мере, ограничил человеческое деяние таким образом, что в образовании конституций обстоятельства делают все и что люди суть лишь обстоятельства. Весьма часто даже, преследуя определенную цель, они достигают другой»³⁵).

31) *Considérations sur la France*, 1853 (1-е изд. 1796 г.). р. 8.

32) *Essai sur le principe générateur des constitutions politiques*, 1853, (1-е изд. 1809), р. 14.

33) Там же, стр. 16.

34) Там же, стр. 12.

35) «*Considérations*», р. 81.

Таким образом Божественный промысл и естественный ход вещей отождествляются, и политический мир становится частью мира физического, подчиненного столь же строгой закономерности, как и последний.

«Но разве можно думать, — восклицает де-Мэстр, — что политический мир движется случайно и что он не организован, не управляем и не одушевляем той же самой мудростью, которая сияет в мире физическом?»³⁶⁾.

Словом, можно сказать, что де-Мэстр с полной определенностью устанавливает совершенно естественный, чисто органический ход развития политического мира и в этом развитии не отводит уже никакой роли разуму и сознательной воле отдельных людей³⁷⁾.

Резко проводимый взгляд на закономерный, чисто естественный характер социального процесса и на ничтожную роль в нем отдельной личности получил весьма сильное обоснование и в области права.

Так, еще с 1789 года немецкий юрист Густав Гуго доказывал, что право не развивается произволом законодателя, но развивается само собой, *von sich selbst*, подобно языку и нравам, сообразно с обстоятельствами. Этот взгляд он развил подробно в 1812 году в статье «Die Gesetze sind nicht die einzige Quelle der juristischen Wahrheiten» («Законы не суть единственный источник юридических истин»). Однако развитие права Гуго ставит в зависимость от случайного стечения обстоятельств и определенно заявляет, что «все они могли быть и иными» («*Sie könnten alle auch anders sein*»). И лишь Савиньи в 1814 г. в своем знаменитом сочинении «*Vom Berufe unserer Zeit zur Gesetzgebung und Rechtswissenschaft*» («О призвании нашего времени к законодательству и науке права») развивает идею об органическом росте права при помощи внутренних сил и о национальном характере, предопределяющем образование права. Савиньи вместе со своим последователем Пухтой разделяет вместе с Гуго его предпочтение обычного права перед законодательством и его взгляд на тождественность характера развития права, с одной стороны, и языка и нравов, с другой, но они сводят развитие права не к случайным обстоятельствам, а ко внутренним силам, развивающимся органическим путем, путем постепенного роста, и связывая этот рост с национальным характером известного народа, предопределяющим образование права («народный

---

36) Там же, стр. 145.

37) Любопытно отметить, что такой же самый вопрос, который ставит де-Мэстр относительно французской революции, ставит относительно русской большевистской революции югославский коммунист А. Цилица, увлекавшийся этой революцией, участвовавший и разочаровавшийся в ней. «Почему русская революция в первом своем этапе, представлявшая наиболее современный социальный прогресс, — спрашивает он, — закончилась в последующем этапе социальной ложью, эксплуатацией и наиболее усовершенствованным подавлением?»; А. Ciliga. *Au pays du mensonge déconcertant*, «Les Jles d'or», Paris, 1950, p. 94.

дух»). Таким образом в XIX веке и в самой области права, в которой в течение целых веков не сомневались, что все зависит от произволения законодателей или от свободной воли договаривающихся сторон, пришли к выводу, что роль личности в развитии права — ничтожна, и что сам процесс этого развития носит чисто естественный характер.

Как известно, взгляды исторической школы права не только оказали сильнейшее, неизгладимое влияние на науку права, но отразились и на политической экономии, породив в ней тоже «историческую школу» (В. Рошер в 1843, Бруно-Гильдебранд и Книс), которая исходит не из деятельности индивида, как классическая политическая экономия, но из хозяйства всего народа, части которого тесно связаны не только друг с другом, но и со всеми сторонами духовной жизни. Из этой же исторической школы политической экономии вышли так называемые государственные социалисты (Бренгано, Шмоллер, Шеффле, Шенберг, А. Вагнер), придающие в политической экономии решающий момент не индивидуальному, а социально-этическому началу, как это требовал уже французский экономист Сисмонди в первой половине XIX века, разочаровавшись в индивидуализме Адама Смита.

VI. СОЦИОЛОГИЯ. О. КОНТ И РАЗЛИЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В СОЦИОЛОГИИ

У основателя социологии Огюста Конта мы впервые встречаемся с гармоническим синтезом идей Ж. де-Мэстра, которого Конт ставит чрезвычайно высоко — о чисто естественном, органическом развитии, поглощающем в себе отдельные личности, и идеями Сен-Симона об обществе: Конт впервые создает социологию — науку об **обществе, развиваемом естественным, закономерным путем**. Конт не понимает общества в таком узком смысле, как Л. Штейн, то есть как начало, базирующееся на одном материальном интересе, но он не берет его и в таком широком, совершенно неопределенном смысле, как Р. Моль, то есть, как начало, базирующееся на любом длительном и серьезном интересе. Конт в полной мере понимает вместе с Сен-Симоном, что право далеко не исчерпывает все принципы, лежащие в людских организациях, но он не удовлетворяется добавлением лишь одного материального интереса, он вводит в понятие общества все стороны культурной жизни людей. Однако он не расплывается, подобно Молю, в этих бесчисленных сторонах, но старается найти для них всех прежде всего определенную связь, найти для них всех определенный consensus. Эту связь и этот consensus он и находит, рассматривая общество как социальный организм. Однако понятие организма и представляет уже переходный пункт к воззрениям де-Мэстра о чисто естественном, органическом развитии, поглощающем в себе отдельную личность.

«Истинный общий дух динамической социологии состоит в том, чтобы понимать каждую из этих последовательных социаль-

ных стадий как необходимый результат предшествующей и как неизбежный двигатель следующей, согласно блестящей аксиоме великого Лейбница: «настоящее чревато будущим». Посему, наука имеет предметом, в этом отношении, открытие постоянных законов, управляющих этой последовательностью, и совокупность коих определяет основной ход человеческого развития»³⁸).

А относительно роли личности в этом организме Конт выражается столь же пренебрежительно, как и де-Мэстр, сравнивавший индивида с лопаткой каменщика, вообразившей себя архитектором.

«В статическом отношении, точно так же и с точки зрения динамической, — заявляет Конт, — человек, собственно говоря, в сущности, есть лишь чистая абстракция; существует в действительности только человечество, в особенности в области интеллектуальной и моральной»³⁹).

Учение О. Конта об обществе получило весьма широкое распространение. Прежде всего надо отметить, что у него нашлось множество последователей, непосредственно разрабатывающих его науку об обществе, обычно развивая какое-либо положение, уже отмеченное самим Контом.

Среди всех этих последователей Конта царит чрезвычайное разнообразие взглядов на природу общества. Одни рассматривают общество просто как настоящий физический организм (Спенсер, Шеффле, Лилиенфельд и др.), другие считают, что общество создается чисто психической связью — подражанием (Тард) или сознанием рода (Гиддингс); одни считают, что социальный процесс протекает чисто естественным, независимым от воли людей образом (объективное направление), другие же находят, что этот процесс зависит и от ставимых самими людьми целей («антропотелеологизм» Уорда, «субъективизм» Михайловского, Южакова, Кареева и друг.); одни считают основной стороной жизни общества, от которой зависят все другие, религию (Кидд) и идеи (Бокль); другие же считают этой основной стороной экономику де-Грефф); одни считают основным фактором эволюции общества разделение труда (Дюркгейм), другие же этим самым фактором считают борьбу за существование и естественный отбор (Бэдджот, Кидд), третьи — плотность населения (Кост, Ковалевский), четвертые — сознательный договор (Фулье), пятые — «душу народа» (Лебон) и т. д., и т. д.

Но тем не менее, несмотря на все это разнообразие взглядов среди последователей Конта, можно указать три черты, общие им всем и ведущие свое происхождение от Конта. Все его последователи неизменно убеждены, во-первых, в закономерной эволюции общества, во-вторых, в *consensus'е* всех социальных явлений и, в-третьих, в строго

38) A. Comte. Cours philosophie positive, Schleicher Fr., Paris, 1908, t. IV, p. 192.

39) Там же, стр. 417.

подчиненном положении индивида в отношении общества. Что современные социологи убеждены в закономерности эволюции общества — это совершенно очевидно, так как все они непременно говорят об эволюционных законах. Относительно же других положений мы приведем свидетельство двух немецких социологов — в Германии влияние Конта чувствуется слабее, чем в других странах, — работы коих представляют в значительной мере сводку всех социологических теорий. Современный немецкий социолог Фиркандт считает первой предпосылкой всякого научного познания общества следующее положение:

«Всякая культура определенного народа и определенной эпохи связана в самой себе однородным образом. Все отдельные стороны и особенности культуры стоят во взаимоотношении друг к другу и взаимно определяют друг друга. Нельзя изменить одну какую-либо сторону, чтобы и другие не потребовали бы изменения»⁴⁰⁾.

Нетрудно видеть, что это основное положение излагает лишь другими словами учение Конта о *consensus'е* в социальном организме. Точно так же относительно второго положения Франц Оппенгеймер в «*System der Soziologie*»^{40a)} говорит:

«Возвращаясь к нашему предмету, мы снова встречаем, стало быть, повсюду наше положение у мыслителей весьма различного направления: психическая отдельная индивидуальность есть не что иное как абстракция, каковой не соответствует настоящая реальность; единичная душа есть продукт общества».

Однако сколь ни влиятельным является контовское направление современной социологии, получившей даже само имя от Конта, но было бы весьма ошибочно полагать, будто бы современная социология исчерпывается лишь одним контовским направлением. Так, прежде всего контовская социология, выросшая на основе позитивной философии и построенная на принципе механической причинности, весьма туго прививается на германской почве — хотя в настоящее время все же больше, чем раньше — с ее мощными и всепроникающими традициями идеалистической философии, покоящейся на принципах свободы, целеполагания, ценности, индивидуальности и творческого синтеза. Поэтому мы и наблюдаем сплошь да рядом, как разработка социальной проблемы в Германии сводится лишь к простому применению к определенному кругу вопросов начал идеалистической философии, напр., феноменологии Гуссерля (Т. Литт — «*Individuum und Gemeinschaft*», Фиркандт, М. Шеллер — «Социология знания»); «Основной науки» Ремке (J. Sonder, «*Allgemeine Gesellschaftslehre*», 1930); психологии целостного образа — *Gestaltpsychologie* — (Койген — «*Der Aufbau der sozialen Welt im Zeitalter der Wissenschaft*», — *Umrisse einer soziologischen Struktur*, 1929; W. Malmsten Schering, «*Gestalttheorie und Sozio-*

40) Vierkandt. *Staat und Gesellschaft in der Gegenwart*, 1921, S. 6.

40a) *Allgemeine Soziologie*, 1. Band, Grundlegung, 1. Halbband, Jena, 1928, S. 93.

logie» Ethos, 1927, Heft II); «Разумеющей психологии» («Разумеющая социология» у Макса Вебера и Зомбарта) и проч. Даже в тех случаях, когда в Германии признается известная самостоятельность за социальной областью и обособленность ее от общей философии, то сплошь да рядом изучается не бесконечное многообразие социальных явлений самих по себе, как это делает позитивная наука, но ограничиваются лишь философским конструированием понятий в этой области и рассуждением об их значимости, словом, отказываются от изучения живого содержания социальной жизни и разрабатывают лишь «чистые формы» общественности. К этой «формальной» социологии относится Зиммель (все содержание социальной жизни уже является предметом изучения множества отдельных наук, на долю же социологии остается изучение чистых форм общественности, независимо от определенного содержания, напр., форма б о р ь б ы, независимо от экономической, политической и религиозной области); Ф. Тэннис, «Gemeinschaft und Gesellschaft» (первое покоится на органической, родственной связанности; второе — на механической связанности при помощи разума, преследующей определенную цель); Р. Штаммлер «Хозяйство и право» (формы упорядочения хозяйственной жизни); Леопольд фон Визе («Allgemeine Soziologie als Lehre von der Beziehungen und Beziehungsgebilden der Menschen») — предмет социологии составляет изучение отношений между индивидами, отношения порождают социальные формы, все формы суть отношения между индивидами, прочные и длительные). Макс Вебер занимает смягченную позицию Риккерта, оказавшего на него сильное влияние. Он также непримиримый враг «натурализма» в социальной области, хотя и признает вместе с Риккертом возможность обобщения в социологии, в противоположность истории. Он исходит из понятия «типа», которое объединяет в себе одновременно и индивидуалистическую точку зрения, и точку зрения обобщения, а поэтому имеет возможность сгладить резкую разницу между историей и социологией, подводя их обе под понятие науки о культуре, изучающей человеческие деяния. М. Вебер считает необходимым объяснить их причинно, однако это причинное объяснение сводится лишь к отысканию цели и средств современного деяния — началу, совершенно неизвестному области естествознания, а поэтому Вебер и утверждает, что область социологии охватывает исключительно лишь вполне понятные деяния, оставляя в стороне все непонятное — «разумеющая социология» («Wirtschaft und Gesellschaft»). Если М. Вебер занимает в отношении социологии несколько примирительную позицию, то многие немецкие ученые совершенно отрицают социологию. Во втором томе «Jahrbuch für Soziologie» за 1926 год в статьях Фиркандта, В. Зауэра, Ф. Ерузалема и Менцеля эта точка зрения проводится настойчиво, как совершенно бесспорная и общепринятая. На этой точке зрения стоит и Troeltsch в своем труде «Der Historismus und seine Probleme», считая за последние и далее неразложимые индивидуальности государства, эпохи, народы и культуры.

Кроме того, отрицают за социологией право на существование Дильтей в статье «Социология», прибавление к «Einleitung in die Geisteswissenschaft», Готтрейм — «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» и Белов — «Soziologie als Lehrfach», рассматривая ее как науку, имеющую дело с путанными и сборными понятиями. Все эти характерные для германской мысли направления мы можем назвать направлениями философскими — здесь позитивной науке, социологии противопоставляется, в той или иной форме, идеалистическая философия.

Необходимо отметить, что немецкая социальная наука не только вполне сознательно противопоставляет свои теории и принципы позитивной контовской социологии, понимая, что механическая причинность и стихийная необходимость «преодолеваются» феноменологией, «творческим синтезом», свободой, целеполаганием и т. д., но и создает специальную логику наук о духе, противопоставляемую обычной логике, логике естествознания, на которой базируется контовская социология. Эта логика намечалась уже у Дильтея и Виндельбанда, но систематически разработана она у Риккерта в его «Границах естественно - научного образования понятия». Риккерт указывает прежде всего, что науки о природе стремятся получить безусловно общие понятия — законы природы, посредством которых преодолевается бесконечное многообразие физического мира⁴¹). И вот, в прямой противоположности к естественно-научному образованию понятия, отбрасывающему от понятия все индивидуальности, стоит историческое образование понятия: оно «берет как раз то, чем отличаются друг от друга различные индивиды» и отбрасывает общее им⁴²). Преодолевается же необозримое многообразие в области истории благодаря новому принципу, неизвестному в естествознании — «отношению к ценности»⁴³). А установленные понятия в области истории и вообще в области наук о духе — индивидуальность и ценность ведут необходимо еще к третьему понятию — цели⁴⁴), так что историческое образование понятия телеологическое в противоположность естественно - научному⁴⁵).

Эта логика наук о духе, выросшая на почве немецкого неокантианства и противопоставляемая обычной логике естествознания, на которой базируется и контовская социология с ее общими законами и механической (естественно-научной) причинностью, получила весьма широкое признание в Германии. Отныне натуралистическим принципам контовской социологии — принципам каузальности и обобщения — принципиально противопоставляются особые принципы наук о духе — целеполагание, ценность и несводимая далее индивидуальность.

41) H. Rickert. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung, 5. Aufl., Tübingen, 1929, S. 61, 62.

42) Там же, стр. 340.

43) Там же, стр. 340.

44) Там же, стр. 342.

45) Там же, стр. 342.

Двумя другими направлениями в современной социологии, находящимися вне зависимости от Конта, являются направления географическое и антропологическое. Географическое направление, опираясь на опытные факты, пытается объяснить все социальные явления прямо или косвенно из влияния внешней природы на человека. Это направление можно подразделить еще на два направления: антропогеографию, представителем коей можно считать Ф. Ратцеля, исходящего из идей К. Риттера, — «Anthropogeographie, 2 тома, и социальную географию, представителями коей можно считать Э. Демолена, исходящего из идей Ле-Плэ, и Г. де-Турвилля — «Comment la route crée le type sociale?» («Каким образом путь создает социальный тип»), 2 тома. Разница между антропогеографией и социальной географией (оба эти направления игнорируют друг друга) в общем может быть сведена к тому, что первая носит аналитический и абстрактный характер (берет какой-либо отдельный географический фактор и рассматривает, какое влияние имеет он в жизни народов), а вторая — характер синтетический и конкретный (берет всю совокупность географических условий данной местности и рассматривает влияние ее на определенный данный народ).

Относительно же другого, находящегося вне зависимости от Конта, антропологического (расового) направления можно сказать, что это направление старается объяснить все социальные явления прямо или косвенно из влияния чисто расовых признаков известного народа или же определенных комбинаций их. Это направление берет свое начало в сочинении французского писателя маркиза де-Гобино «Essai sur l'inégalité des races humaines», 1854 г. («Опыт о неравенстве человеческих рас»). В настоящее время оно представлено Ваше де-Лепужем «Les sélections sociales и Race et milieu social» во Франции и Аммоном «Die Gesellschaftsordnung» в Германии.

В настоящее время особенно процветает разработка социологии в Соединенных Штатах Америки. В этой стране свыше тысячи человек (в научных и высших учебных заведениях) посвящают себя разработке исключительно социологии. Наиболее выдающиеся из современных американских социологов: Conley («Social Organisation», «Social process»), Ellward, Ross, Allport, Thoncas и др. Характерной чертой современной американской социологии является, во-первых, ее обоснование как особой науки на психологических началах, и, во-вторых, преимущественная систематическая разработка специальных конкретных проблем современного общества, напр., деревни, города, воспитания и проч.

Все вышеназванные современные социологические направления — контовское, географическое, антропологическое и философское находятся в сложном отношении друг с другом. Порою они просто игнорируют друг друга, порою они сильно враждуют и, наконец, порою они влияют друг на друга настолько сильно, что иногда бывает весьма трудно определить, к какому направлению надо отнести дан-

ного автора. Так, например, марксистское направление весьма сильно отражается на последователях Конта — Лаврове, Оппенгеймере, Гумпловиче («Grundriß der Soziologie», «Der Rassenkampf», «Soziologie und Politik») — «государство есть организация господства меньшинства над большинством», но не в результате экономического порабощения, а в результате насильственного завоевания, а положение Конта об идеях как о самостоятельном историческом факторе отражается на последователях Маркса — Вейзенгрюне («Законы развития человечества»; «Разные способы понимания истории») и Николаеве («Активный прогресс и экономический материализм»), вносящих это изменение в исторический материализм. Марксизм оказывает сильное влияние на представителей философского направления (Штаммлера, «Хозяйство и право» и Тенниеса), но сам заимствует некоторые положения из антропогеографии и проч. Наконец, бывает и так, что некоторые авторы придерживаются определенного направления, но не в полном объеме, а иные его положения отбрасывают; например, сторонником исторического материализма является Ахилл Лория, но он отбрасывает философские и экономические воззрения Маркса («Les bases économiques de la constitution sociale»).

Все эти направления в современной социологии — недоведенные, впрочем, до наших дней, — так как для нас важно было отметить то, что предшествует марксизму и сосуществует с ним в области социологии, не подлежат здесь нашему рассмотрению. Мы хотели лишь показать, какое огромное влияние оказал Конт на современную социологию, а также подчеркнуть, что, несмотря на это, современная социология все же далеко не исчерпывается контовским учением, но что в ней существуют также другие течения.

Однако, говоря о том влиянии, которое оказал Конт на современную науку, мы должны отметить, что влияние это далеко не исчерпывается только одной социологией, но простирается и на все так называемые гуманитарные науки — историю, этнографию, правоведение, науку о религии, этику, эстетику и проч. Объясняется это тем, что Конт является основателем позитивного метода, то есть метода, основанного на наблюдении и опыте с целью установления последовательности и сосуществования явлений, и этим ограничивающегося, оставляя в стороне претензию познать сущность самых вещей. Рассматривая все теоретические науки, Конт располагает их все в порядке убывающей простоты и в то же время в порядке их возрастающей сложности: математика, астрономия (астрофизика не входит сюда), физика, химия, биология, и, наконец, социология. Так как, по Конту, всякая из более сложных наук нуждается для объяснения рассматриваемых ею явлений в науке предстоящей, более простой (хотя каждая более простая наука и не может вполне объяснить явления науки более сложной, стоящей вслед за нею, ибо всякая более сложная наука состоит из более простой науки плюс своеобразный известный добавок), то и всякая более сложная наука лишь тогда мо-

жет достичь положительной стадии, когда ее уже предварительно достигла наука предстоящая — более простая. И вот, по мнению Конта, все эти науки, кончая биологией, уже достигли положительной стадии и теперь очередь остается лишь за социологией. Как бы мы ни относились к этой классификации наук, надо сказать, что после Конта позитивный метод наблюдения и опыта (опыт Конт признает и в социальной области, как характерное видоизменение, которое производит сама природа или история) во всех социальных науках в общем вытеснил прежний умозрительный априорный метафизический метод, а А. Кетле даже назвал свое сочинение, в котором прилагался точный статистический метод к изучению социальных явлений — «социальной физикой», заимствовав и самый термин от Конта (чем вызвал немалое неудовольствие Конта, видевшего в работе Кетле вульгаризацию его социальной физики).

Особенно сильное и плодотворное влияние оказал Конт на этнографию или этнологию, науку о культуре, преимущественно первобытной. Это влияние объясняется не только тем, что Конт является основателем позитивного метода, но также и тем, что Конт является основателем и метода историко-сравнительного. Сущность этого метода состоит в том, что известное социальное явление сравнивается у различных народов и в различное время с целью обнаружения причин как одинаковости этих явлений (ибо одинаковые явления должны иметь и одинаковые причины, которые мы можем легко усмотреть среди пестрого разнообразия множества предполагаемых причин данного явления у каждого народа — при условии, конечно, отсутствия заимствования), так и различия этих явлений (ибо различные явления должны иметь и различные причины, которые мы можем легко усмотреть на фоне однообразия множества предполагаемых причин данного явления у каждого из сравниваемых сходных между собой народов) и в группировке этих явлений в порядке их исторической последовательности. И вот, множество этнографов, изучая различные культурные явления, как религиозные верования, семью, брак, собственность, право, хозяйственную деятельность и проч., у различных народов, не подражавших друг другу, но разделенных огромным временем и пространством, нашли у них множество общих черт в этих явлениях и установили общие для последних причины, получив возможность сгруппировать эти явления в порядке их исторической (эволюционной) последовательности. Таким образом, работы этнографов (Спенсер, Тейлор, Леббок, Морган, Липперт, М. Ковалевский и друг.) выяснили закономерное происхождение и развитие множества первостепенной важности социальных явлений и оказали этим в свою очередь сильное влияние на социологию, воспринявшую их результаты. Это направление оказало сильное влияние также в частности и на исторический материализм. Так, Ф. Энгельс в своем сочинении «Происхождение семьи, частной собственности и государства» принимает взгляды Моргана, изложенные в его «Пер-

вобытном обществе», сюда относится также работы Г. Кунова. А французский социолог Ш. Летурно утверждал даже, что вся социология и есть этнография («La sociologie d'après l'ethnographie»).

Наконец, говоря об историко - сравнительном методе, ведущем свое происхождение от О. Конта, необходимо добавить, что после Конта в сферу сравнительного изучения социальных явлений вскоре был включен и мир животных — социологи стали изучать также и социальную жизнь животных, сравнивая ее с социальной жизнью людей (Лавров «До человека», Кропоткин «Взаимная помощь в животном мире», Эспинас «Животные общества» и др.).

Если позитивный и историко - сравнительный метод Конта имеет большое научное значение, то этого нельзя сказать о его законе трех стадий. По мнению Конта, человечество в своем развитии неизбежно проходит через три идеологические стадии: религиозную, метафизическую и позитивную. На первой стадии все явления природы представляются действиями живых существ — богов; на второй стадии они объясняются метафизическими сущностями, и, наконец, на третьей стадии человек отказывается от познания сущностей и ограничивается исследованием только отношений между явлениями. Первая стадия характеризует младенческое состояние человеческого ума, вторая — его юность и третья — его зрелость. Эти последовательные стадии, по утверждению Конта, присущи и умственному развитию всякого индивида: в детстве каждый бывает теологом, в юности — метафизиком и, наконец, в зрелом возрасте позитивистом, что объясняется тем, что каждый индивид неизбежно в своем развитии проходит главные фазы, пройденные в своем развитии видом, т. е. человечеством.

Но обращаясь уже к умственным стадиям, которые проходит каждый индивид, мы не можем не видеть всю произвольность контовского закона трех стадий. Сам Конт уже не мог не заметить, что такие позитивные умы, как Ньютон и Ампер, после направления в строго позитивном духе впали в метафизическое и теологическое состояние. Однако как ни сожалел об этом Конт⁴⁶⁾, его собственное развитие, по злой иронии судьбы, представляет еще более разительное доказательство неудовлетворительности его собственного закона трех стадий. После «Курса позитивной философии» Конт почувствовал необходимость создать «Систему позитивной политики», в которой создавалась именно религия «Великого Существа», а сам Конт превратился в верховного первосвященника этой религии. Таким же неудовлетворительным является этот закон Конта и в отношении всего человечества. Первоначальное состояние человечества — не религиозное, но именно позитивное, так как религию создал человек и создал богов, именно наблюдая отношения между реальными вещами, а не интересуясь метафизическими сущностями и не получив какого-либо религиозного откровения. Несомненно, мировоззрение средних

46) Cours de philosophie positive, t. II, Paris, 1908. La philosophie astronomique et la philosophie de la physique, pp. 34, 358.

веков носит в высшей степени теологический характер, однако в истории человечества этому теологическому периоду предшествовал уже целый метафизический период в греческой философии. В самой же греческой философии мы легко можем различать не только метафизическое направление, но и чисто позитивное (например, у софистов), а в конце — теологическое (неоплатонизм). Наконец, в конце XIX века после чисто позитивного мирозерцания появляются опять метафизические учения и т. д.

VII. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЗИКА А. КЕТЛЕ

Тот же вопрос, как у Канта в его философии истории, встречается у Кетле — каким образом возможно, что люди действуют, руководясь своими собственными соображениями и своею свободною волею, но тем не менее совокупность их действий подчинена строгой закономерности? Постановка этого вопроса и у Канта, и у Кетле объясняется тем, что оба они хорошо знали сочинение немецкого писателя середины XVIII в. Зюссмильха «Божественный порядок в изменениях человеческого рода, то есть основательное доказательство божественного Провидения и Промысла по отношению к человеческому роду, из сравнения родившихся и умерших, вступивших в брак и разведшихся, в особенности же из постоянного соотношения новорожденных мужского и женского пола» и т. д., само заглавие которого показывает, что Зюссмильх устанавливает строгую закономерность в области явлений, относящихся к людским индивидам, в том числе и зависящих от их воли. Однако в противоположность Канту, который рассматривал этот вопрос в области истории и решал его в метафизическом и телеологическом смысле, Кетле рассматривает его в области статистики и решает его в позитивном, основанном на обильном, точно установленном материале, смысле. Он с самого начала не сомневается, что человек рождается, развивается и умирает по строго определенным законам. Впрочем, никто не сомневается в этом положении, если рассматривать его со стороны физической и физиологической. Но спрашивается, подчинены ли этим законам явления человеческого мира, касающиеся областей интеллектуальной, моральной и волевой? На первый взгляд кажется, что здесь не может быть никакой закономерности, так как здесь господствует свободная воля и свободное усмотрение индивида. Но Кетле не смущается этим и говорит, что, рассматривая вообще всякие вещи, не имея достаточно широкого кругозора, мы никогда в них не увидим никакого порядка, например, рассматривая круг, нарисованный мелом на доске, не с известного отдаления, а под микроскопом, мы не увидим ничего, кроме массы беспорядочных точек. А потому он и предлагает не рассматривать отдельных индивидов, но обращать внимание лишь на массовые процессы, в которых отбрасываются все индивидуальности.

«Мы должны прежде всего, — говорит Кетле, — не обращать внимание на индивида, взятого отдельно, и рассматривать его

исключительно как частицу человеческого рода. Лишая его индивидуальных черт, мы устраняем все случайное; индивидуальные особенности, оказывающие на массы мало или вовсе не оказывающие никакого влияния, исчезнут при этом сами собой и позволят охватить общие результаты»⁴⁷).

Но каким же образом можем мы достигнуть этого? На это Кетле отвечает: «Чем больше число наблюдаемых индивидов, тем больше сглаживаются индивидуальные особенности как физические, так и моральные и интеллектуальные, и выступает ряд общих фактов, в силу которых общество существует и сохраняется»⁴⁸). Словом, Кетле определенно устанавливает «необходимость отвлекаться от индивидов, чтобы заниматься лишь тем, что относится к массам»⁴⁹). И вот, применяя этот метод исследования, он действительно устанавливает поразительную закономерность в области социальных явлений. Массовые наблюдения путем статистического подсчета, не взирая на индивидуальные особенности, совершенно неоспоримо показывают, например, у Кетле, что смертность у бедных больше, чем у богатых, что среди образованных и состоятельных людей число преступлений против собственности меньше, чем среди бедных, что в зимние месяцы больше преступлений против собственности, чем в летние; что наибольшая склонность к преступлению приходится на 25 лет (пора наивысшего расцвета у человека страстей и силы) и проч. Но особенно замечательна закономерность, устанавливаемая Кетле в области совершения преступлений. Он доказывает, что из года в год повторяются в одном и том же числе одни и те же преступления, совершаемые одними и теми же способами, например, каждый год в данной стране (конечно, в нормальных условиях) имеет место одно и то же число убийств вообще, а затем оказывается, что и способы убийства повторяются в одном и том же числе (ружьем и пистолетом, ножом, камнем, колющими и режущими инструментами, удушением, утоплением и т. д.).

«Существует бюджет, — восклицает Кетле, — выплачиваемый с ужасающей правильностью, это бюджет тюрем, каторг и эшафотов; и каждый год цифры давали подтверждение моим предсказаниям настолько, что я мог бы сказать точнее: существует подать, которую человек уплачивает с большей правильностью, чем дань природе или государственной казне — это дань, платимая им преступлению! Мы можем вычислить заранее, сколько лиц обогреть свои руки в крови своих близких, сколько лиц совершит подлог, сколько лиц будут отравителями; приблизительно так же, как можно вычислить зара-

---

47) *Physique sociale*, 1869, t. I, p. 93, — сочинение, содержащее в себе, по словам Кетле, изложение всех результатов его предшествующих исследований в области статистики.

48) Там же, стр. 98.

49) Там же, т. II, стр. 7.

нее количество рождений и смертей, которые должны следовать друг за другом»⁵⁰).

Можно ли при наличии таких фактов говорить о свободе человеческой воли? Сам Кетле по этому поводу говорит так:

«Стало быть, мы вправе заключить, что в документах, собранных уголовным правосудием, свобода воли не оставляет никакого следа своего влияния»⁵¹).

А потому мы и должны заключить, что вся область социальных явлений составляет сплошную закономерность.

«Вступает ли человек в брак, — говорит Кетле, — воспроизводится ли он или убивает себя, посягает ли он на собственность или на жизнь своего ближнего, всегда, повидимому, он действует под влиянием определенных и поставленных вне его свободной воли причин»⁵²).

Что же, однако, происходит в этом случае со свободной волей? На это Кетле отвечает так:

«Свобода человеческой воли изглаживается и остается без заметного результата в том случае, когда наблюдения простираются на большее число индивидов. Стало быть, отсюда следует, что результаты всех отдельных воль нейтрализуются или разрушают друг друга, абсолютно таким же образом, как результаты, произведенные причинами чисто случайными».

Словом, по Кетле, основное — это общество, индивид же — это лишь нечто вроде простого инструмента для общества.

«Общество, — говорит Кетле, — заключает в себе зародыши всех преступлений, которые совершаются. Это оно в некотором роде их приготовляет, и виновник есть лишь инструмент, который приводит их в исполнение».

Обращаясь к оценке учения Кетле, мы должны сказать, что Кетле действительно доказал путем точных статистических данных закономерность в социальной области. Однако вопроса о противоречии между закономерностью в социальной области и свободой отдельных социальных существ он отнюдь не разрешил. Как известно, именно его труды и вызвали особенное оживление в споре по этому вопросу (Бокль, Льюис, Дробиш, Кнапп, Рюмелин, Шмоллер, Форлендер и друг.). И действительно надо сказать, что Кетле с особенной силой показал как закономерность социальных явлений, так и свободу действий индивида.

VIII. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Второй дисциплиной, помимо социологии, претендующей на исчерпывающее понимание социальной закономерности вообще, является так называемая философия истории.

⁵⁰ Цит. соч., т. I, стр. 93.

⁵¹ Цит. соч., т. II, стр. 336.

⁵² Там же, стр. 223.

Можно сказать, что вся философия истории возникла из настойчивого и непрерывного желания найти разрешение очевидному и все постоянно наблюдаемому противоречию: всякий отдельный человек действует, преследуя свои собственные цели и осуществляя свою собственную свободную волю, а вся совокупность этих свободных действий составляет целостный социальный процесс — стихийный и безусловно необходимый. Это противоречие уже издавна занимало человеческую мысль, которая старалась примирить это противоречие таким образом, что считала свободную деятельность людей лишь за простую видимость, за которой скрывается более глубокое основание этой деятельности — судьба, промысел Божий, известный осуществляющийся план и т. д.

Так, уже Ориген вполне отчетливо отдает себе представление о том противоречии, которое существует между свободной человеческой волей и божественным Промыслом и всемогуществом и примиряет оба эти начала, признавая волю человека свободной, но считая, что Бог использует эти свободные воли людей для осуществления гармонии единого мира —

«но так как разумные твари... одарены способностью свободы, то свобода воли каждого или привела его к совершенству через подражание Богу, или повлекла к падению через небрежение. И в этом... состоит причина различия между разумными тварями: это различие получило свое начало не от воли или решения Создателя, но от определения собственной воли (тварей). Бог же, признающий справедливым управлять своим творением сообразно с его заслугами, направил это различие умов к гармонии единого мира; из различных сосудов или душ, или умов Он создал как бы один дом, в котором должны находиться сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные, и одни сосуды для почетного употребления, другие же — для низкого»⁵³).

В сущности ничего нового ни в постановке вопроса, ни в разрешении его, по сравнению с Оригеном, мы не находим в философии истории Э. Канта.

В конце XVIII века Э. Кант в своей статье «Ideen zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht» ставит вопрос, каким образом возможно, что люди действуют, руководясь своими собственными соображениями и направляясь своей свободной волей и, тем не менее, вся совокупность их действий, весь ход истории строго закономерны? На этот вопрос Кант отвечает, что помимо людских действий, имеется еще и скрытый план природы, так что люди, помимо своего ведения, являются орудиями высших целей природы, и, действуя как бы для себя, на самом деле бессознательно работают над осуществлением известной цели, поставленной природой.

---

53) Творения Оригена в русском переводе, изд. Казанской духовной Академии, в. 1 — «О началах», Казань, 1899, кн. 2, гл. IX, стр. 157.

Эту же цель истории человечества, составляющую выполнение скрытого плана природы, Кант видит в создании наилучшего государственного строя, при котором все врожденные способности человеческого рода могли бы лучше всего развиваться.

Совершенно такую же постановку вопроса в области философии истории и такое же разрешение его, как у Канта, встречаем мы и у Шеллинга; человек действует свободно, но результаты людских действий закономерны, что может происходить лишь потому, что люди, помимо своего ведения, осуществляют определенную цель. Для Шеллинга не подлежит никакому сомнению, что уже из самого понятия истории вытекает, во-первых, то, что в истории наблюдается свободная деятельность⁵⁴), и, во-вторых, что вообще все то, что следует по определенному механизму или имеет свою теорию, априорно совершенно не является предметом истории; теория и история — вполне противоположны:

«человек имеет лишь потому историю, что то, что он делает, не может быть исчислено заранее по какой-либо теории; постольку произвол есть Божество истории»⁵⁵).

Однако, признавая свободную деятельность в истории, Шеллинг указывает, что, если бы мы обращали внимание исключительно только на произвольное и субъективное в истории, то в ней не было бы никакой закономерности и никакой необходимости, и «история сводилась бы к какой-то системе иррелигии и атеизма»⁵⁶). На самом деле история представляется как ряд свободных действий, лишь будучи рассматриваема субъективно, но наряду с субъективным моментом в ней имеется и момент объективный, действие всего человеческого рода⁵⁷); хотя человек и свободен в отношении своих действий, но конечный результат его поступков зависит «от необходимости, стоящей над ним и распоряжающейся даже в игре его свободы»⁵⁸). Однако, указывает Шеллинг, если бы мы обращали внимание в истории лишь на момент объективный, то вся история свелась бы к системе фатализма, где все было бы predeterminedо слепым роком⁵⁹). Поэтому Шеллинг и утверждает, что ни абсолютно незакономерный ряд происшествий, ни абсолютно закономерный ряд происшествий не заслуживает названия истории⁶⁰) и что подлинный характер истории заключается в сочетании свободы и необходимости⁶¹): всякое действие есть сочетание свободы и необходимости —

---

54) F. W. I. Schelling's sämtliche Werke, Stuttgart und Augsburg, 1858, B. III, Abt. I, System des transcendentalen Idealismus, 1800, S. 589.

55) Там же, стр. 589.

56) Там же, стр. 601.

57) Там же, стр. 597.

58) Там же, стр. 597.

59) Там же, стр. 601.

60) Там же, стр. 589.

61) Там же, стр. 593.

субъективно действуем мы, объективно же мы никогда не действуем, но действует другое как бы посредством нас⁶²); посредством нашего действия, возникающего свободно, возникает всегда и еще совершенно неопределенное, не имевшееся в виду и даже не могущее быть осуществленным сознательно⁶³). Следовательно, по Шеллингу, всякий человек в истории действует абсолютно свободно, но наряду с этим имеется абсолютный синтез, который направляет и примиряет заранее эти деятельности⁶⁴). Свое положение Шеллинг иллюстрирует следующим образом:

«Если мы мыслим себе историю, как драму, в которой каждый, принимающий в ней участие, играет роль вполне свободно и по благоусмотрению, то разумное развитие этой игры может быть мыслимо лишь благодаря тому, что имеется один дух, который творит во всех, и что автор, простыми отрывками коего (*disjecta membra poetae*) являются отдельные актеры, уже заранее так привел в гармонию объективный результат всего со свободною игрою всех отдельных лиц, что в конце должно получиться нечто разумное»⁶⁵).

Таким образом Шеллинг возвышается до идеи Абсолюта — основы всякой гармонии в истории и называет эту систему системой Провидения⁶⁶). Необходимо отметить, что Шеллинг отождествляет примирение в истории свободы и произвола с необходимостью и закономерностью — с наличием в ней плана, цели и намерения⁶⁷). Он представляет себе дело так, что абсолютно свободные действия людей, благодаря наличию в них бессознательной объективной закономерности, направляются к одной гармонической цели⁶⁸), могущей быть осуществленной не посредством одного индивида, «а посредством лишь всего рода»⁶⁹). Именно абсолютный дух постепенно открывается и обнаруживается, не независимо от людей, но как раз посредством игры самой свободы индивидов, посредством всякой отдельной интеллигенции, которая действует абсолютно свободно, но потому также и необходимо⁷⁰). В этом откровении Абсолютного Шеллинг отличает три периода, которые, тем самым, являются и тремя периодами истории: период рока, период природы и период Провидения⁷¹). В первом периоде господствует рок, т. е. совершенно слепая

---

62) Там же, стр. 605.

63) Там же, стр. 594.

64) Там же, стр. 598.

65) Там же, стр. 602.

66) Там же, стр. 601.

67) Там же, стр. 587, 590.

68) Там же, стр. 597, 598.

69) Там же, стр. 596.

70) Там же, стр. 602.

71) Там же, стр. 603.

сила, безжалостно разрушающая самое великое и прекрасное — это период трагический⁷²⁾). Второй период, начинающийся с расширения римской республики, характеризуется тем, что в нем, вместо совершенно слепой силы — рока, господствует природа, в которой можно усмотреть уже некоторую закономерность⁷³⁾). Наконец, третьим периодом будет период Провидения, при свете которого и то, что казалось делом рока или природы, представляется началом Провидения, открывающегося лишь несовершенным образом⁷⁴⁾).

Тот же самый вопрос, как Кант и Шеллинг, ставит и Гегель в своей «Философии истории» и в общем дает здесь такой же ответ. Единственная мысль, по мнению Гегеля, которую приносит с собой философия, это мысль разума, мысль о том, что разум господствует над всем миром. Поэтому отсюда Гегель заключает, что разум, дух господствует над мировой историей и управляет ею.

«В этом смысле мы можем сказать, — замечает Гегель, — что всемирная история есть изложение того, как дух приходит к сознанию того, что он означает в себе, и, подобно тому как зародыш несет в себе всю природу дерева, вкус, форму плодов, так и первые следы духа содержат в себе виртуально всю историю»⁷⁵⁾).

Спрашивается, что же представляет собой сущность духа? На это Гегель отвечает:

«Сущность духа есть свобода... Все свойства духа осуществляются лишь посредством свободы, все они суть лишь средства для свободы, все они ищут и производят ее... Свобода есть единственно-истинное духа»⁷⁶⁾).

Отсюда, как известно, Гегель рассматривает всю историю, как постепенное осознание идеи свободы: в древности только один был свободен, в античном мире — некоторые и, наконец, в германо-христианском мире — все. Но, найдя общее начало, лежащее в основе всемирной истории, Гегель все остальное ставит в подчиненное от него положение.

«В отношении этого в себе и для себя общего и субстанционального все прочее является подчиненным, служащим ему и средством для него»⁷⁷⁾).

«Средствами, которыми пользуется мировой дух для осуществления своего понятия»⁷⁸⁾), являются и отдельные личности.

---

72) Там же, стр. 603.

73) Там же, стр. 604.

74) Там же, стр. 604.

75) G. W. Hegel. Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte, Werke, vollständige Ausgabe, Berlin, 1837, Band IX, S. 21.

76) Цит. соч., стр. 20.

77) Там же, стр. 29.

78) Там же, стр. 36.

«Эта неизмеримая масса хотений, интересов и деятельностей суть органы и средства мирового духа для выполнения его цели, для осознания и осуществления ее: а она состоит лишь в нахождении себя, в прихождении к самому себе и к созерцанию себя, как действительности»⁷⁹⁾.

Таким образом, люди действуют как бы руководясь своими собственными соображениями и направляясь своей свободной волей, а на самом деле они просто являются орудиями мирового духа, который использует их для достижения своей цели. «Использование разумом этих орудий мы можем назвать хитростью его», — поясняет Гегель.

Из приведенных уже слов Гегеля становится ясным, какое подчиненное положение занимает индивид в отношении целого. Но это подчиненное положение еще более обнаруживается при гегелевском понимании государства. Гегель прямо утверждает, что государство составляет сущность индивидов и что без государства индивид — ничто.

«Государство, — утверждает Гегель, — составляет их субстанцию, их бытие. Вместе с этим наполняется их представление и их воля является волей этих законов и этого отечества. Именно эта духовная общность является сущностью, духом народа. Ему принадлежат индивиды: всякое отдельное лицо есть сын своего народа и в то же самое время, поскольку его государство понимается в развитии, сыном своего времени; никто не отстает от него и еще менее никто не перепрыгивает через него; его духовное существо есть его существо, он есть представитель его; оно есть то, откуда он происходит и где он стоит»⁸⁰⁾.

При чтении этих слов естественно возникает вопрос, куда же девалась при таком подчиненном положении индивида свобода, составляющая сущность духа? На это Гегель разъясняет, что он понимает под свободой не обычную индивидуальную свободу и что обычная индивидуальная свобода не есть свобода.

«Это вечное неправильное понимание свободы, — говорит Гегель, — знать ее лишь в формальном, субъективном смысле, отвлеченной от ее существенных предметов и целей; таким образом, ограничение влечения, вожеления, страсти, которая принадлежит лишь отдельным индивидам, как таковым, произвола и прихоти принимается за ограничение свободы. Но подобное ограничение гораздо более есть простое условие, из которого происходит освобождение, и общество, и государство

---

79) Там же, стр. 29.

80) Там же, стр. 44.

суть состояния, в которых свобода гораздо более осуществляется»⁸¹).

Однако каким же образом государство, налагая на индивида принудительные веления, делает его свободным? Это Гегель понимает следующим образом:

«В то время как государство, отечество составляет общность существования, в то время как субъективная воля человека подчиняется законам, исчезает противоположность между свободой и необходимостью. Необходимость есть разумное, которое мы признаем за закон, и мы являемся свободными, следуя разумному»⁸²).

Кант, Шеллинг и Гегель являются наиболее выдающимися представителями философии истории, хотя сама философия истории существовала задолго до них, продолжает существовать и после них и, наконец, получила свое название не от них (первый употребил термин «философия истории» Вольтер, который так назвал свой «Опыт о нравах и духе народов»).

Философию истории в самых общих чертах можно определить как деятельность человеческого ума, направленную на установление общего понятия, охватывающего собой все множество и все разнообразие явлений жизни человечества (или народа). И с этой точки зрения можно сказать, что философия истории существует уже очень давно и не переставала процветать вплоть до наших дней. Так, Св. Писание видит во всех событиях еврейского народа волю и промысл Божий, руководящий судьбами его. У Гомера также даже величайшие герои суть только игрушки богов. Учение древних о четырех веках — золотом, серебряном, медном и железном — есть также философия истории. Бл. Августин сводил все множество и все разнообразие явлений человечества к борьбе между царством Божиим и царством дьявола («О граде Божиим»); Боссюэ — к падению и искуплению («Рассуждение о всемирной истории»); Д. Вико — к вечному круговороту одних и тех же явлений у каждого народа, к переходу каждым народом от периода богов к периоду героев и к периоду людей («Новая наука»); Вольтер — к любви к порядку; Тюрго — «Discours sur l'histoire universelle», Кондорсе — «Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain», Конт — «Cours de philosophie positive» и Бокль — «История цивилизации в Англии» — к постепенным успехам человеческого знания; Гердер («Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit») — к торжеству идеи гуманности; Шлегель — к восстановлению утраченного божественного первообраза человека («Philosophie der Geschichte»); Лоран («Etudes sur l'histoire de l'humanité») — к манифестации божественного плана и воспитания человечества и т. д.

---

81) Там же, стр. 42.

82) Там же, стр. 46.

Так как задачей философии истории является установление общего понятия, охватывающего собой все множество и все разнообразие явлений жизни человечества, то философия истории сплошь да рядом видит свою задачу в осмысливании, в нахождении смысла и цели всего этого многообразия и разнообразия исторических явлений. Это мы уже видели на приведенных примерах, это мы можем наблюдать и в наши дни. Так, О. Шпенглер отказывается трактовать историю человечества в духе механической причинности, но пытается обнаружить в ней лишь известное предназначение.

«Каждый высокоразвитый язык имеет ряд слов, — утверждает Шпенглер, — окруженных глубокой тайной: судьба, рок, случай, предопределение, предназначение. Ни одна гипотеза, ни одна наука никогда не сможет прикоснуться к тому, что мы чувствуем, когда углубимся в смысл и звук этих слов. Это символы, а не понятия. Здесь центр тяжести той картины мира, которую я назвал историей»⁸³). «Причинность совпадает с понятием закона, — разъясняет дальше Шпенглер, — законы бывают только основаны на причинности... Настоящая история имеет судьбу, но никаких законов»⁸⁴).

Таким образом, если бы мы захотели установить разницу между философией истории и социологией, то мы бы могли сказать прежде всего, что первая обычно устанавливает известную цель в явлениях истории человечества, вторая же в этой самой области — механическую причинность. Разумеется, отличие это не абсолютное, так как философия истории может также ограничиваться установлением причинности (например, у Сен-Симона и затем у Спенсера — военная и промышленная стадии общества), а, с другой стороны, и социология может признавать известную цель в социальном развитии (например, прогресс у Конта). Вообще же можно сказать, что разница между философией истории и социологией сводится к тому, что первая носит характер конкретный и синтетический, а вторая — абстрактный и аналитический: первая обобщает одну вещь — данный целостный процесс истории, вторая же обобщает множество вещей — повторяющиеся необходимые отношения в истории. Разумеется, обе эти точки зрения не исключают одна другую, а потому и могут встречаться вместе (например, у Конта в «Курсе позитивной философии» имеется и социологическая, и философско-историческая концепция).

IX. ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

После рассмотрения начал социологии и философии истории, а также принципов исторической школы права и «социальной физики» Кетле, получивших общее признание в первой половине XIX столетия, для нас становится совершенно очевидным, что и Маркс уж

83) Закат Европы, т. I, русский перевод, стр. 126.

84) Там же, стр. 127.

никак не мог обойтись в своей теории без признания социальной закономерности и без признания ничтожной роли индивидуума в социальном процессе. Как мы уже говорили, Маркс принимает прежде всего понятие общества французских социалистов: он признает также, что в основании общества лежит его экономическая структура, распределение собственности, борьба классов и проч. Однако с новой точки зрения Маркс уже никак не может согласиться с ними, что все общественное устройство установилось свободным произволением отдельных индивидуумов и что достаточно этим отдельным людям захотеть и они могут изменить все общественное устройство. И вот Маркс вводит как в строение, так и в изменение общества принцип социальной закономерности, в котором роль отдельной личности не играет никакой роли. С его точки зрения совершенно наивно полагать вместе с французскими «утопическими» социалистами, что достаточно только изменить законы, регулирующие собственность, чтобы тотчас же изменилось бы и само общество, или же достаточно начать исповедывать «новое христианство», чтобы тотчас же прекратилась борьба классов. Итак, Маркс определенно вводит в понимание общества французских социалистов на место элемента людского произволения элемент **естественной необходимости**.

«В отправлениях своей общественной жизни люди вступают в определенные, **неизбежные, от их воли независящие отношения** — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития материальных, производительных сил. Совокупность этих производственных отношений, образует экономическое строение общества, реальный фундамент, на котором воздвигается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные общественные формы сознания. Способ производства материальных жизненных отношений обуславливает социальный, политический и умственный процесс жизни. Не сознание людей определяет бытие их, а, наоборот, само сознание определяется общественным бытием»⁸⁵).

«С изменением экономического основания происходит более или менее быстрый или медленный переворот всего здания. При исследовании такого рода переворотов необходимо всегда различать непосредственный, устанавливаемый при помощи естественно-исторических приемов переворот в экономических условиях производства и юридические, политические, религиозные или философские, словом, идеологические формы, в которых люди приходят к упразднению этого конфликта и приступают к его решению»⁸⁶).

---

85) Zur Kritik der politischen Oekonomie, Vorrede.

86) Критика политической экономии, пер. под. ред. И. М а н у й л о в а, Москва, 1896, стр. XI.

В другом сочинении Маркс говорит также:

«С приобретением новых производительных сил люди изменяют и свой способ производства, а с изменением способа производства или способа приобретения средств существования они изменяют и все свои общественные отношения. Ручная мельница порождает общество феодальных властителей, а паровая мельница — общество промышленных капиталистов. Но те самые люди, которые формулируют социальные отношения, сообразно своему материальному способу производства, формулируют также и все принципы, идеи, категории, сообразно своим социальным отношениям»⁸⁷).

Наконец, приведем еще одно следующее место из Маркса. Считаю, что подобно тому, как об отдельном человеке нельзя судить по тому, что он сам думает о себе, так, — полагает Маркс, — нельзя судить по общественному сознанию о том, что происходит в обществе на самом деле:

«Нужно сознание объяснять из противоречия материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями»⁸⁸).

Во всех этих словах Маркс устанавливает безусловную закономерность чисто естественного характера всех социальных явлений. Схематически эту закономерность можно представить в следующем виде: основой всех социальных явлений служат материальные производительные силы или техника как их мерило («история общественного человека есть история развития его искусственных орудий» — «Капитал»; техника указывает на отношение человека к природе и на непосредственный процесс производства); способы производства обуславливают имущественные отношения в обществе («производственные отношения»); имущественные отношения обуславливают правовую и политическую организацию общества; наконец, все эти вышеприведенные моменты обуславливают общественную психику. Необходимо добавить, что в этой социальной закономерности, по убеждению Маркса, еще решающая роль принадлежит борьбе классов — понятие, заимствованное им не только у французских социалистов, но и в особенности у французских историков первой половины XIX века (Тьерри, Гизо, Минье и др.) — «история всех донныне существовавших обществ есть история борьбы классов» («Коммунистический манифест»); «с образом жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным положением меняются также их представления, воззрения, понятия, словом все их мирозерцание; господ-

---

87) Ницета философии, пер. У л ь р и х а, 1905, стр. 93.

88) Критика полит. экономии, стр. XI.

ствующими идеями данного времени всегда были идеи господствующего класса»^{88а}).

Весь процесс истории Маркс представляет в виде процесса диалектического, то есть такого процесса, в котором каждая стадия уже с самого начала несет в себе внутреннее противоречие, «другое самого себя в себе» (по выражению Гегеля), которое с течением времени отрицает, упраздняет эту стадию и дает начало новой стадии, высшей по сравнению с предыдущей. Именно такой стадией Маркс представляет и современную стадию капитализма, которая в силу внутреннего противоречия неизбежно приведет к социализму. Диалектику Маркс заимствовал от Гегеля, но он поставил ее «на ноги», то есть у Гегеля диалектика была присуща идеальным понятиям, а у Маркса — самим вещам⁸⁹).

Останавливаясь здесь только на общих социальных теоретических положениях Маркса, мы должны прежде всего отметить, что схема зависимости одних социальных явлений от других у Маркса довольно туманная и неясная, то есть она может давать возможность различных толкований ее. Поэтому мы предварительно рассмотрим общее и первичное положение исторического материализма — об обусловленности всех социальных явлений экономическим фактором, а затем только перейдем к рассмотрению самой этой схемы.

Обращаясь к положению о том, что экономический фактор всегда обуславливает все остальные социальные явления, мы должны указать прежде всего, что все социальные явления так тесно и неразрывно, так глубоко и разнообразно связаны друг с другом, что никоим образом нельзя указать на какую-нибудь определенную группу у них, которая могла бы быть обособлена от всех других и всегда обуславливать все другие. Соответственно сказанному, мы должны заметить: 1) что экономическая сторона не только является причиной остальной социальной жизни, но весьма нередко является и сама следствием этой остальной социальной жизни, 2) что она одна является недостаточной причиной в этой области и, наконец, 3) что нередко в некоторых проявлениях социальной жизни она не играет никакой роли.

В самом деле, никоим образом нельзя отрицать, что на определенные экономические явления имеют огромное влияние определенные другие социальные явления. Так, государство может уничтожать богатство целых народов (напр., римляне, завоеывая территории окружающих их народов, отнимали у покоренных народов часть,

---

88а) Там же.

89) Относительно диалектики смотри мою работу «Logic and Dialectic in the Soviet Union», изд. Research Program on the USSR, 1952, а относительно материализма и отношения к нему диалектики см. мою статью «Марксизм и материализм» — «Вестник Института по изучению истории и культуры СССР», 1954, №1.

а иногда и всю их землю, обращая ее в собственность римского народа), а также создавать богатство целых классов (напр., римское государство предоставляло в изобилии *ager publicus populi Romani*, завоєванные общественные земли, своим преимущественно уже зажиточным гражданам, создавая латифундии, или короли франков, жалую огромные земельные владения Церкви и частным лицам). Государство может порождать или укреплять известные формы хозяйства (например, мануфактурную промышленность при системе меркантилизма), а также разрушать или подавлять другие (например, разрушение общинного землевладения в Англии, начиная с Мертонского статута 1235 г. и почти повсеместно в Европе, начиная с XVIII в.). Наконец, государство может изменять самый принцип хозяйственной деятельности.— при наличии известных материальных потребностей, оно способно направлять деятельность своих подданных или своих органов не на извлечение выгод из этих потребностей, как это обычно бывает при хозяйственной деятельности, но на предоставление определенных благ своим подданным — напр., открытие больниц, школ, библиотек; проведение и использование шоссейных и железных дорог; защита рабочих от эксплуатации капиталистов; установление обязательных цен и проч.

Религиозные верования, предписывая определенный образ поведения, также не могут не отражаться на экономических отношениях. Например, христианство, проповедуя милосердие к бедным, повело в средние века к запрещению взимать проценты с отдаваемого займа капитала, приравнивая ростовщичество к воровству, разбою и убийству, что и стало законом; проповедуя справедливость, оно же повлияло на установление «справедливых цен», на улучшение положения рабочих и пр. Буддизм, провозглашая доброжелательное отношение ко всем существам, тотчас же отразился на уменьшении налоговой тяжести народных масс и на облегчении путем милосердных деяний их бедственного положения. Как известно, это благожелательное отношение было не только делом частных лиц, но и делом всего государства. Так, царь Асока, чтобы облегчить для всех жизнь, приказал повсюду для всеобщего употребления разводить полезные растения и вырывать колодцы; этот же государь распространяя свое милосердие на животных, запретил убивать их, что, конечно, не могло не отразиться на хозяйственных отношениях. Наконец, не может не быть ясным, какое огромное влияние оказывает, или, вернее сказать, оказывал на хозяйственную жизнь буддизм, отрывая от хозяйственной жизни огромнейшие массы здорового населения, предающиеся лишь праздному созерцанию и живущему за счет других. Почти повсюду ламаиты из трех сыновей одного непременно посвящали на служение Будде, так что, например, в Тибете один лама приходился приблизительно на семь человек населения, а в Монголии — на шесть, а Гюк даже утверждает, что «число монахов в Мон-

голии так велико, что они без преувеличения составляют треть народонаселения; почти в каждой семье дети мужского пола, кроме старшего сына, назначаются в монахи»⁹⁰). Точно так же и Ислам, в числе пяти основных обязанностей для верующих, устанавливает непременный взнос в пользу бедных в общественную казну (зекят) и равным образом определяет, что вся земля Божья и распоряжаться ею имеет право только наместник Бога на земле — султан, что привело к весьма печальному положению турецкой промышленности в до-реформенную эпоху и проч.

Затем нельзя отрицать, что одна экономическая сторона не может считаться достаточной причиной изменений в социальной жизни, даже если она в действительности существует, без принятия во внимание тех явлений, среди которых она действует. Сильнейшее стремление захватывать общинные земли, несомненно, имелось одинаково и у дворянства Англии и Франции. Однако в Англии это стремление к присвоению общинной земли, найдя себе поддержку и в общественном мнении, и в судах, и в правительстве — Мертонский статут 1235 г., признававший права лордов на захват, был издан парламентом, состоявшим из одних баронов — привело к обезземелению крестьянства; тогда как во Франции это стремление дворянства, встретив энергичное сопротивление со стороны общественного мнения, Генеральных и провинциальных штатов, равно как и правительства, не привело к обезземелению французских крестьян.

Наконец, нельзя не видеть и того, что в социальной области могут возникать многие явления, но экономическая сторона в этом возникновении может не играть никакой роли.

Можно указать на целые народные движения, когда народные массы держатся известного вероучения, несмотря на то, что их материальный интерес жестоко страдает от этого и они прекрасно отдают себе отчет в этом. Так, индийские буддисты предпочитают покинуть свою родину и бежать в Индо-Китай, нежели принять браманизм; византийские монахи, почитатели икон (50 000 душ), при преследовании их императорами-иконоборцами, предпочитают бежать на Запад, нежели стать иконоборцами; гугеноты, после отмены Нантского эдикта во Франции, в числе 200 000 человек, предпочитают отправиться в изгнание, нежели переменить свою веру; множество протестантских общин предпочитают выносить притеснение от своих ландгерров, нежели принять католичество; английские сектанты предпочитают бежать в Северную Америку, нежели отречься от своей веры и проч.

Итак, мы убедились, что экономическая сторона отнюдь не может быть признана причиной всех социальных явлений, ибо все стороны

---

90) Путешествие через Монголию в Тибет, Москва, 1866 — перевод знаменитого сочинения *Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine*, стр. 96.

социальной жизни не отделены друг от друга перегородками, а составляют единую жизнь, жизнь необычайно изменяющуюся, сложную и многообразную. По этой же причине нельзя, конечно, признать правильным и тот причинный ряд, по которому располагают все социальные явления, кладя в основание их определенное состояние техники как мерило материальных производительных сил и определенные способы производства.

Прежде всего нельзя не отметить, что сама техника не только является предпосылкой остальных сторон социальной жизни, но также и сама является следствием их. Все технические изобретения неразрывно зависят от науки о природе (то есть именно от «идеологической надстройки»), и в частности от математических, физических и химических знаний, которые в свою очередь подавляются, тормозятся или поощряются известными политическими или религиозными условиями, нравами, обычаями и проч. Мало того, в настоящее время технические изобретения совершенно определенно зависят от тех хотений и намерений, которые ставит себе целью современное общество. Такие изобретения, как передача механической силы на расстояние, телеграфы, телефоны, электрическое освещение, извлечение из каменного угля красок, в последнее время атомная бомба и вообще энергия, получаемая от разрушения ядра атома, и проч. являются результатом долгих и в то же время именно сознательных усилий.

Затем нельзя не отметить, что одна техника далеко не может считаться достаточной причиной в области социальных явлений, без принятия во внимание тех явлений, среди которых она действует. Технические изобретения попадают в среду с определенным укладом жизни, сложившимися привычками, влечениями, испытываемыми нуждами и проч. Несомненно, в зависимости от всех этих условий находятся и судьбы технических изобретений. Так, уже Герон Александрийский за 120 лет до Р. Х. воспользовался упругостью водяного пара, как движущей силой и изобрел золипил — пустотелый металлический шар с двумя противоположно отогнутыми на концах трубками, вращаемый струей вытекающего из трубок пара — однако, прошли долгие века, прежде чем люди стали для своих нужд пользоваться силой пара (XIX в.). Водяная мельница — прообраз всякой машины, была известна уже в Римской империи, но прошли опять-таки долгие века, пока в XVIII столетии стали строить машины, приводимые в движение водой (лесопильные, прядильные, для стрижки овец и пр.). По словам Страбона, в Малой Азии уже во времена Митридата были в употреблении ветряные мельницы, а много позже, в Риме были в ходу ручные мельницы, приводившиеся в движение тяжелым трудом рабов. Уже в XVII веке О. Герике изучал электрическое свечение (тихий разряд), однако только через два века пришли к электрическому освещению. Ленточная машина — предшес-

твенница прядильных и ткацких машин — была изобретена в конце XVI столетия, однако почти все XVII столетие она не допускалась к употреблению усилиями рабочих и правительств — она была воспрещена правительствами почти во всей Европе и сжигалась, сам же изобретатель ее, по приказанию городского совета Данцига, был тайно задушен и утоплен. То же происходило в течение XVII века в Англии с лесопильными машинами, приводимыми в движение ветром или водой — против них постоянно возмущался народ, находивший поддержку в парламенте. Когда Фультон построил маленький пароход и произвел с ним весьма удачный опыт на Сене, то даже такое проницательное лицо как Наполеон отнеслось весьма презрительно к этому изобретению, так что Фультону пришлось покинуть Францию и только в Соединенных Штатах оно было оценено по достоинству.

Еще дальше нельзя не отметить, что сами способы производства далеко не могут считаться только следствием техники или производительных сил, но являются весьма часто следствием множества различных явлений, в том числе особенно часто — имущественных и политических отношений, то есть тех явлений, которые выдаются рассматриваемой теорией лишь за отражение способа производства. В самом деле, для способа производства особенно характерны условия, происходит ли производство коллективным путем или единоличным, происходит ли оно в крупном или мелком размере, и, наконец, предоставляется ли в производстве решающая роль труду и капиталу или же самим силам внешней природы. И вот здесь мы совершенно ясно видим, как часто способы производства зависят именно от имущественных и политических условий.

Если мы посмотрим на причины перехода от общинного производства (то есть производства, где всякий член связан правилами хозяйничания, которые устанавливает община) к единоличному в разных странах, то мы сплошь да рядом увидим эти причины в области имущественных и политических условий. В Китае поземельная община разложилась около IV века до Р. Х., вследствие ставшего с течением времени весьма неравномерным распределения земли между отдельными общинами — в то время как одни общины не могли существовать по причине крайнего малоземелья, другие владели огромными пространствами земли частью пустопорожними, а частью с неопределенными границами. Поэтому было позволено каждому земледельцу селиться на незанятой земле везде, где ему понравится, и проводить границы своего владения, совершенно не заботясь об общинных границах. В Алжире поземельная община берберов и арабов была разрушена в конце XIX века французским правительством, установившим частную собственность с целью ослабления мусульманских общин. Такое же разрушение поземельной общины, происшедшее вследствие политических актов европейских правительств, наблюдается в Индии

и в Вест-Индии. Наконец, в Европе видим, как разрушалось общинное производство под влиянием изменений в имущественных и политических условиях. Прежде всего часто обнаруживалось стремление более богатых общинников превратить свое пользование в собственность (неравенство же в земельном владении общинников обнаруживалось уже всегда при распределении земли — старейшины и начальники всегда получали более значительные куски); затем повсеместно обнаруживался захват в единичную собственность общинной земли со стороны сеньоров, а также приобретение в собственность отдельными состоятельными членами общины пустопорожных земель посредством «заимок»; наконец, с XVIII века правительства всех западноевропейских государств решительно выступили за раздел общинных земель, хотя, конечно, не существует таких земледельческих приемов, которые, будучи доступны отдельному мелкому собственнику, не были бы доступны общинникам.

Точно так же при рассмотрении перехода от крупного производства к мелкому и от мелкого к крупному мы часто убеждаемся во влиянии на этот способ производства имущественных и политических условий. Так, в Англии, со второй половины XIV века после знаменитой моровой язвы, погубившей массу рабочих рук и этим значительно повысившей заработную плату, собственное хозяйничанье помещиков сделалось для них убыточным, а потому они отдавали свои земли в аренду мелким свободным земледельцам, а также продавали их им, так что к концу средних веков количество мелких землевладельцев увеличилось в огромной степени. С другой стороны, в Риме необычайная дешевизна привозного из провинций хлеба сделала **убыточным** занятие хлебопашеством, а потому мелкие землевладельцы гибнут и пахотные земли превращаются в пастбища для скота. Однако государство часто не может смотреть равнодушно на гибель мелкого землевладения и часто снова насаждает его, например, в Риме применение законов Гракха увеличило количество мелких землевладельцев на 76 тысяч; Сулла выселил в колонии 100 000 солдат-ветеран; Румыния в конце XIX века приступила к наделению землею мелких собственников в ущерб крупным землевладельцам и проч.

Наконец, совершенно неоспоримо влияние имущественных отношений на переход от экстенсивного способа производства к интенсивному и наоборот. Так, например, после секуляризации церковной собственности, произошедшей вследствие реформации, дворянство Западной Европы, получившее церковные и монастырские земли, стало заводить на них новые способы хозяйничанья.

«Старые способы извлечения доходов из земли, — повествует о событиях периода реформации Н. Кареев, — конечно, легче всего могли удерживаться там, где собственность сохраняла прежних владельцев, и нигде именно до такой степени не гос-

подставал хозяйственный консерватизм, как на церковных землях. Переход последних к новым владельцам должен был только содействовать переменам хозяйственного характера»⁹¹).

«Дело, однако, в том, — читаем мы дальше у Кареева относительно Англии, — что новые владельцы заводили на бывших монастырских землях новые порядки, применяя луговое хозяйство и разводя овец там, где раньше пахали землю крестьяне, ограничивая право местного населения пользоваться пустошью и лесом, сосредоточивая в руках более крупных фермеров прежние мелкие земельные «держания», так что в истории переворота, совершившегося в формах землевладения и в быту землевладельческих классов секуляризации монастырской собственности принадлежит важное значение»⁹²).

Любопытным примером зависимости способа производства от имущественных отношений может служить китайское землевладение в западном Китае. Как известно, китайцы славятся своим высоко интенсивным способом земледелия. Но вот что наблюдал бывший русский консул в западном Китае Богоявленский:

«Похвала эта должна быть отнесена к тем китайцам, у которых мало земли. А там, где земли изобилие, как в некоторых местах западного Китая, там о кропотливой и тщательной обработке полей нет и речи. Это можно наблюдать в разных местах западного Китая и теперь. Например, около гор. Урумчи наделы у китайцев маленькие, потому и обработаны они хорошо, а в Кульдже и Тарбагатае земли гораздо больше, чем для китайца нужно, и обработка полей стоит на том же низком уровне, как и у местных сартов и киргизов»⁹³).

Обращаясь теперь к утверждению Маркса, что и вся идеология, так же как и всякое историческое событие, имеет своей причиной всегда обязательно производительные силы и производственные отношения, мы должны констатировать, что в этом пункте марксистский метод представляет собой поистине чудодейственное средство, которое дает возможность оценивать любые идеи, не понимая прямого смысла их, и рассуждать о любых событиях, не зная непосредственной причинной связанности их .

Так как мы подробно останавливаемся на марксистском взгляде на идеологию, как на «надстройку» (в работе «The Soviet Concept of Aesthetics», подготовляемой к печати Research Program on the USSR), то мы приведем здесь лишь один пример. Так, по утверждению Эн-

---

91) Н. Кареев. История Западной Европы в новое время, т. II, изд. 2, Петербург, 1898, стр. 340.

92) Там же, стр. 424.

93) Н. Богоявленский. Западный застенный Китай, Петербург, 1906, стр. 39.

гельса, «то, что мы в Германии называем реформацией», — это «великая борьба европейской буржуазии против феодализма»⁹⁴). Будто бы религиозные интересы в эпоху реформации не разделяли людей одного и того же класса и не объединяли людей разных классов и будто бы в реформации играли роль лишь одни экономические моменты, а не сплелись в один клубок моменты религиозные, культурные, национальные, политические, научные и т. д. Но самое замечательное это то, что когда понадобилось марксистам объяснить другое крупнейшее в истории человечества событие — Великую французскую революцию, наступившую через два столетия и носившую совершенно иной характер, нежели реформация, то они опять ничего другого не могли придумать, как то же определение, что это «борьба буржуазии против феодализма».

Переходя теперь к учению Маркса о борьбе классов, мы должны отметить прежде всего неопределенность этого понятия. На вопрос, что именно надо разуметь под классом, рассматриваемая теория не дает нам определенного ответа. Даже у самого Маркса взгляды на классы разбросаны по разным местам и весьма различны. Так, порою он делит общество на два класса — угнетаемых и угнетающих, порою — на три (со средним между ними), порою — на бесчисленное множество (например, отдельные классы — промышленная буржуазия, финансовая буржуазия, мелкая буржуазия и т. д.); порою он утверждает, что классы основываются на различном положении людей в производстве, порою — на факте владения или невладения имуществом; порою — на общем интересе и т. д. Еще более ясной становится для нас неопределенность ответа, даваемого теорией борьбы классов на вопрос о классе, если мы сравним эти ответы у различных авторов, придерживающихся одинаковой классовой теории. Так, если по Марксу класс есть группа людей, связанная общностью своего положения в производстве, то другие его единомышленники (например, Лория, Каутский) видят основу классов в источнике дохода (рента, прибыль, заработная плата), третьи — в факте наличия или отсутствия имущества (Сен-Симон, Луи Блан, Мабли, Лоренц Штейн), четвертые — даже и не в распределении, как две последние группы, но в потреблении: утопающие в роскоши и не имеющие необходимого (Ж. Мелье, Спенс, Вильям Годвин), пятые — в факте завоевания одним народом другого (Сен-Симон, Гумплович) и т. д. Столь же неопределенным, как и понятие класса в рассматриваемой теории является и другое понятие «борьбы». Словом нельзя не отметить, что «борьба классов» является не столько точным научным термином, сколько пошлой метафорой, играющей роль научного термина. Однако даже

---

94) Фр. Энгельс — предисловие к английскому изданию «Развитие научного социализма», Исторический материализм, сборник, составленный С. Семковским, Гос. изд. Украины, 1923, стр. 159.

и в качестве метафоры «борьба классов» представляет грубое искажение действительности. В самом деле, общество состоит из бесчисленного количества групп — статистика насчитывает в конце XIX в. свыше 10 000 различных профессий в обществе, — незаметно и постепенно переходящих друг в друга и связанных тысячами различных нитей друг с другом, таким образом, что все они составляют единое целое — определенное общество. Классовая же теория делит все это общество на две-три резко ограниченных друг от друга группы («классовые перегородки»), связанных лишь одним отношением — взаимной враждебности, вытекающей из их различного положения. Нет ничего удивительного поэтому, что положительные факты стоят в резком противоречии с классовой теорией. Так, прежде всего всякое общество на первоначальной стадии своего развития дается, как нечто целостное и совершенно не знающее каких бы то ни было классов. Первоначальная же стадия развития общества — «первобытная» — является несомненно и самой длительной стадией, неизмеримо превосходящей по своей продолжительности все позднейшие стадии развития вместе взятые. Стало быть, наиболее продолжительная история всякого общества не только не знает борьбы классов, но и вообще не знает никаких классов. Затем, даже в тех случаях, когда мы имеем общество, разделенное на классы, жизнь этого общества — именно благодаря разделению на классы — бывает настолько богатой и разнообразной, что великое множество интеллектуальных, моральных и эстетических переживаний приобретает самостоятельный интерес и развивается совершенно помимо каких бы то ни было классовых интересов. Наконец, даже при имеющейся борьбе классов государственная и политическая деятельность отнюдь не исчерпывается классовыми интересами. Так, власть может осуществлять свою силу не только в интересах господствующего класса, но и прямо в ущерб интересам как этого класса, так и всех остальных вместе с этим господствующим классом. Например, история Англии представляет яркий пример, как могущественная королевская власть именно объединила против себя все общественные группы Англии, которые выступили против королевской власти, как одно целое, как один народ, и выговорили в «Великой Хартии вольностей» известные политические права для «всех свободных людей Англии». Точно так же и в период возникновения в России в конце XVI века Смутного времени деятельность московских государей вызывала недовольство и боярства, и служилого сословия, и крестьян. Существует также не мало примеров, из которых явствует, как власть осуществляет свою силу не только не в интересах господствующего класса, но именно прямо в ущерб его интересам, в пользу интересов более слабых классов. Так, во второй половине XIX века в России при наличии господствующего класса дворян-помещиков государственная власть, вопреки желанию большинства этого класса, освобождает от крепостной зависимости крестьян и этим самым, бесспорно разоряет дворян-землевладельцев

(от освобождения крестьян 1861 до 1907 г. площадь дворянского землевладения уменьшилась на 70%); во второй половине XIX в. в промышленной капиталистической Англии правительство проводит в жизнь целый ряд законов в пользу рабочего класса при сильнейшем противодействии промышленного класса, утверждающего, что эти законы губят и промышленность и промышленников (вроде, например, классического утверждения, что сокращение рабочего времени невозможно, ибо ценность для промышленника создается рабочими только «в последний час» работы и проч.); в большинстве европейских государств, и особенно резко во Франции, монархическая власть открыто ведет борьбу с господствующими феодалами, покровительствуя остальным классам; византийские императоры-иконоборцы и из Македонской династии зачастую проявляют свою власть в пользу крестьянства и открыто в ущерб интересам крупных землевладельцев; точно так же известно, что и ассирийские цари зачастую проявляли свою власть в пользу простого народа и в ущерб интересам знати; в царстве инков существовали специальные чиновники, которые должны были смотреть, чтобы дворяне не притесняли народ, а наказание за преступление в этом царстве полагалось тем тяжелее, чем выше по своему положению был виновный; вавилонский царь Хаммураби в конце своего кодекса прямо говорит, что он начертал законы, «чтобы сильный не угнетал слабого, чтобы сироте и вдове оказывалась справедливость» и т. д.

Как известно, у Маркса и Энгельса нашлось великое множество рьяных сторонников, которые, применяя марксистский метод, часто давали бесподобные по своей нелепости объяснения, так что заставили даже самого Маркса сделать знаменитое признание — «сам я не марксист» («moi-même je ne suis pas marxiste»). Мы не будем останавливаться на этих последователях Маркса, ограничиваясь лишь тщательным изложением и разбором учения самого Маркса и Энгельса. Для нас гораздо большее значение поэтому имеют высказывания творцов теории исторического материализма, в котором содержится признание ими самими ошибочности этого их учения.

«В том, что молодежь, — определенно заявляет Энгельс, — иногда придает больше чем следует значения экономической стороне вопросов, мы с Марксом отчасти сами виноваты. Нам необходимо было подчеркнуть, в противовес нашим противникам, главный принцип, который они отрицали; и при этом не всегда хватало времени, не всегда было уместно и представлялся случай отводить должное место другим моментам, имеющим значение»⁹⁵).

В письме к Ю. Блоху (J. Bloch) Энгельс столь же решительно заявляет:

«Если же кто-либо переворачивает это в том смысле, что экономический момент есть единственный определяющий фак-

95) В журнале «Der sozialistische Akademiker», 10 октября 1895 г., №19.

тор, то он переворачивает это утверждение в ничего не говорящую абстрактную пустую фразу. . . Между всеми этими факторами существует взаимодействие»⁹⁶).

Приведем еще следующий отрывок из письма Энгельса к Мэрингу, говорящий об «вульгаризаторах марксизма»:

«Эти господа часто намерены забывать о том, что, как только историческое явление вызвано к жизни другими, в конечном счете экономическими причинами, так оно тоже воздействует на окружающую среду и даже может оказывать обратное действие на породившие его причины»⁹⁷).

Во всех этих и подобных высказываниях Энгельса мы стоим у марксистских истоков ликвидации, или, по крайней мере, существенного ограничения принципов исторического материализма у Сталина в его «Марксизме и вопросах языкознания» (см. об этом мою «Logic and Dialectic in the Soviet Union»). Самое любопытное это то, что это признают и сами советские марксисты. Приведа вышеупомянутые слова Энгельса из письма к Мэрингу, составители советского «Краткого философского словаря» замечают:

«Мысли о базисе и надстройке, развитые в письмах Энгельса, как и в произведениях Маркса и Энгельса, получили свое глубокое творческое развитие в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»⁹⁸).

Так что же остается после этих признаний Энгельса от исторического материализма? Оказывается, что экономический фактор есть фактор решающий «в конечном счете». По словам Энгельса, Маркс открыл ту великую истину, что

«люди должны прежде всего есть, пить, иметь жилище и одежду, а потом уже они могут заниматься политикой, наукой, искусством, религией и пр.»⁹⁹).

Не подлежит сомнению, что благодаря этой оговорке теория исторического материализма теряет в своей последовательности. Спрашивается теперь — выигрывает она зато в истинности? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Во-первых, никто никогда не подводил «конечного счета» для всех социальных явлений, да и не может этого сделать, так как история человечества далеко не закончена и мы совершенно бессильны сказать, в каком она пойдет направлении. Во-вторых, так как все социальные явления связаны между собой и всякая причина имеет в свою очередь причину и не одну, а много идущих с разных сторон, то, отыскивая не непосредственную

---

96) Письмо Энгельса к Ю. Блоху от 21 сентября 1890 г.

97) Письмо Энгельса к Мэрингу в 1893 г.

98) Краткий философский словарь, под ред. М. Р оз е н т а л ь и П. Ю д и н а, изд. 3-е, 1952, Гос. изд. полит. литературы, стр. 602, статья «Энгельс».

99) Речь на могиле Маркса.

причину любого социального явления, а ее причину в конечном счете мы заходим именно в бесконечность, и при этом наталкиваемся на множество причин самого разнообразного характера, в том числе и желанного для нас. Однако, наряду с этими желанными для нас причинами совершенно точно так же встречаются одинаково и причины другого характера: для тех, для кого желанными являются эти другие явления, то есть не экономика, но, например, право, религия, мораль и т. д., эти другие причины также будут объяснять в «конечном счете» все социальные явления. Например, Т. Гоббс не менее убедительно доказывает, что в «конечном счете» для всех социальных явлений решающую роль играет государство — «смертный Бог»¹⁰⁰). По мнению Гоббса, от государства зависит не только жизнь и имущество людей, но даже религия¹⁰¹), мораль¹⁰²) и идеи¹⁰³).

Так же убедительно, основываясь на множестве фактов, доказывает и Ж. де-Мэстр, что во всех социальных явлениях решающую роль играет религия — «религия, примешиваясь ко всему, воодушевляет и поддерживает все»¹⁰⁴). И, в-третьих, отказываясь от непосредственного объяснения всякого социального явления экономическим фактором и выводя это явление из экономики лишь в «конечном счете», теория исторического материализма отказывается вместе с этим от строгого научного объяснения. В самом деле, научное мировоззрение отнюдь не может довольствоваться признанием лишь общей закономерности в конечном счете — для него безусловно закономерным является и всякое самое ничтожное явление, и все то, что стоит до «конечного счета». Между тем, исторический материализм, признавая значительную роль других факторов, помимо экономики, но совершенно не показывая той закономерности, с которой действуют эти факторы, фактически оставляет в социальной области огромнейшую брешь.

Энгельс вместе с Марксом выделяет экономические акты среди прочих социальных явлений, устанавливая их примат: сначала надо есть, пить, иметь жилище и одежду, а потом уже можно заниматься политикой, наукой, искусством, религией и проч. Однако в этом выделении кроется грубое смешение понятий. Энгельс берет **примитивную** экономику (есть, пить, иметь жилище и одежду) и развитую идеологию (политика, наука, искусство, религия). Разумеется, если мы возьмем развитую экономику, то, несомненно, она совершенно не может существовать без предшествующей ей идеологии. Так, для того, чтобы изысканно и рационально есть и пить, строить величественные

---

100) Thomas Hobbs, Leviathan, 1. Band, Halle, 1794 S. 166.

101) Там же, стр. 55 и 26.

102) Там же, стр. 146.

103) Там же, стр. 106.

104) Considérations sur la France, Paris, 1853, p. 69.

здания, красиво и роскошно одеваться, несомненно необходимо, чтобы для этого предварительно имелась уже и развитая наука, и высокое искусство и утонченные нравы, и развитая политическая организация (заставляющая одних трудиться для других и предоставляющая этим другим возможность обеспеченного существования) и проч. Во всяком же случае и идеология, и экономика всегда неразрывно связаны друг с другом и не могут существовать одна без другой. Так, даже для самой примитивной экономики — есть, пить, иметь жилище и одеваться — и то совершенно необходима и примитивная идеология: чтобы есть, надо уже предварительно знать, что употреблять в пищу, какое действие вызывает эта пища, как надо добывать ее, как надо готовить ее и т. д.

Если же приведенные Энгельсом на могиле Маркса слова мы будем понимать просто, как признание для людей из всех потребностей самыми сильными и неотложными потребностями — есть, иметь жилище и одеваться, то следует сказать, что эту великую истину всегда знали и вполне определенно высказывали и все идеалисты. Так, более двух тысяч лет до Маркса эту истину высказывает — и даже в том же порядке — великий идеалист Платон в своем «Государстве».

«Построим же мысленно город, — говорит здесь Платон устами Сократа, — наши потребности образуют его. Первая и самая большая из наших потребностей, не есть ли это пища, от которой зависит сохранение нашего существования и нашей жизни? **Адимант.** Да. **Сократ.** Вторая потребность — это потребность в жилище, третья — это потребность в одежде. **Адимант.** Это правильно. **Сократ.** Каким же образом сможет наш город удовлетворять эти потребности?»¹⁰⁵).

Знает эту истину и Гегель, которого Маркс поставил «на ноги». Так, по Гегелю, гражданское общество содержит три момента и первый момент А — «система потребностей и удовлетворение их посредством труда»¹⁰⁶). Наконец, эту истину высказывает такой идеалист-мечтатель, как Л. Толстой:

«Обязанность борьбы с природой для приобретения средств жизни всегда будет самой первой и несомненной из всех других обязанностей»¹⁰⁷). И еще: «труд, доставляемый рабочим человеком, первое, необходимое, чем труд производителя умственного труда»¹⁰⁸).

Однако, в противоположность Марксу, все эти мыслители не делали из этого положения какого-либо историко-материалистического

105) La Republique ou Dialogue sur la justice; t. I, Amsterdam, MDCCLXIII, p. 79.

106) G. W. I. Hegel's Werke. Grundlinien der Philosophie des Rechts, B. 8, 2. Auflage, Berlin, 1840, S. 248.

107) Так что же нам делать? Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого, запрещенных в России, издан. «Свободное Слово», под ред. В. Черткова, 1902, т. VIII.

108) Там же.

вывода, и сделать его нельзя, потому, что какой бы сильной мы не признавали потребность есть, иметь жилище и одеваться, во всяком случае мы не можем представить себе человечество как вечно поголовно голодное, вечно поголовно под открытым небом и вечно поголовно голое. С самых первобытных времен человечество научилось удовлетворять эти потребности, во всяком случае настолько, что у него могло развиваться и могло удовлетворяться и множество других самых разнообразных потребностей, а впоследствии в нем выделились повсеместно обширнейшие группы лиц, которым даже и совершенно не приходилось думать об удовлетворении потребностей в пище, жилище и одежде. Словом, мы должны установить строжайшую закономерность в области социальных явлений, куда, в качестве одного из видов, попадают и экономические явления, а не считать эти последние непременно центром всех социальных явлений, а когда социальные явления очевидным образом отклоняются от этого центра, то не нагромождать для удержания этого центра сложных и искусственных эпициклов (подобно тому, как это делали для того, чтобы удержать землю центром всех планетных обращений), вместо того, чтобы под напором неотразимых фактов отказаться от искусственного объяснения и найти объяснение простое и ясное.

Х. ТРУДОВАЯ ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ^{108а)} И ТЕОРИЯ ПРИБАВОЧНОЙ ЦЕННОСТИ У МАРКСА

В своей работе «Развитие социализма от утопии к науке» Энгельс полагает, что Маркс превратил утопический социализм в социализм научный, превратил утопию в науку, посредством создания 1) исторического материализма и 2) теории прибавочной ценности. Равным образом и Ленин чрезвычайно превозносит учение о прибавочной ценности Маркса, считая это учение «краеугольным камнем экономической теории Маркса». Нетрудно понять, почему теория прибавочной ценности играет такую огромную роль у Маркса. Маркс собирается освободить рабочий класс, но для того чтобы его освободить, надо показать, что он подавлен и подвергается эксплуатации. Теория прибавочной ценности является доказательством систематической эксплуатации рабочего класса капиталистами. Ведь прибавочная ценность есть «неоплаченное рабочее время», то есть всю ценность создают рабочие, но капиталисты «присваивают» себе ее, отдавая рабочим в виде заработной, платы лишь жалкие крохи созданной ими ценности, которых хватает только для поддержания их существо-

---

108а) Автор употребляет название «ценность» вместо названия «стоимость», которое было введено, согласно с марксистскими традициями, в Советском Союзе и к которому почти за сорок лет, конечно, уже привыкли. Для кого название «ценность» покажется чуждым, тот может во всех случаях вместо «ценность» поставить «стоимость».

вания. Разработал до Маркса теорию прибавочной ценности немецкий экономист Родбертус в 1842 году в своем сочинении «К познанию наших экономических отношений». Совершенно ясно, что теория прибавочной ценности базируется непременно на трудовой теории ценности, то есть на признании, что всю ценность создает только один труд. Эту трудовую теорию ценности до Маркса разработали уже Адам Смит и Д. Рикардо, и Маркс в своей трудовой теории ценности примыкает к ним, то есть к положениям английской классической политической экономии, (хотя, конечно, трудовая теория ценности и намечающаяся уже теория прибавочной ценности разработана А. Смитом и Рикардо совсем не с такою исключительностью, как у Маркса). Важно отметить, что трудовая теория ценности и теория прибавочной ценности в форме, приданной им Марксом, почти беспредельно господствовала в русской политической экономии до революции — назовем, Чупрова, Исаева, Железнова, и других профессоров университетов и других высших учебных заведений. Противниками этих теорий являлись, в виде исключения, лишь три профессора: Пихно в Киеве, Залесский в Казани и Георгиевский в Петербурге. Русской учащейся молодежи еще до революции усердно вбивали в голову краеугольную экономическую теорию Маркса и доказывали, что кризисы исчезнут лишь после наступления социализма (Исаев).

Сторонники трудовой теории ценности указывают, что она базируется на разумном основании. Человек не обладает беспредельной трудовой энергией, а весьма ограниченной, так что в своем расходовании труда он должен быть бережливым и дорожить им. Та вещь, на которую человек затратил больше труда, приобретает в его глазах и большую ценность.

«Если у какого-нибудь охотничьего народа требуется обыкновенно в два раза более времени для того, чтобы убить бобра, чем для того, чтобы убить дикую козу, то естественно, бобр будет обмениваться на две диких козы» (А. Смит).

«Если я должен употребить месяц труда, чтобы сделать себе платье, и только одну неделю, чтобы сделать шляпу, то, хотя бы мне не пришлось никогда обменять ни того, ни другого, платье имело бы в четыре раза более высокую ценность, чем шляпа; и если бы вор проник в мой дом и унес часть моего имущества, я предпочел бы, чтобы он унес 3 шляпы, чем одно платье» (Д. Рикардо).

«Алмазы стоят очень дорого, но если бы удались опыты искусственного добывания алмазов из угля, то ценность их была бы ниже ценности кирпичей» (К. Маркс).

Обмену подлежит множество вещей, которые по совокупности своих физических свойств несоизмеримы. В самом деле, как сравнивать железо, написанную книгу, кожу, золото, хлеб, дрова, картину и пр. Между тем, для всех этих разнообразных товаров одно физи-

ческое свойство является общим — то количество труда, которое воплощено в них, потрачено на производство их. Следовательно, трудовое начало является единственно пригодным для установления ценности всех вещей.

Наконец, трудовое начало является началом ценности вполне объективным и точным. Количество затраченного труда вовсе не зависит от субъективного усмотрения. Как бы ни были различны конкретные виды труда, тем не менее все они сводятся одинаково к работе человеческого организма — работе мозга, нервов и мускулов. Поэтому и обмен может совершаться по объективному и убедительному для всех признаку.

Как ни старается доказать эта теория, что ценность есть лишь овеществленный человеческий труд, но при более внимательном взгляде на вещи нельзя не увидеть, что всякий, какой бы то ни было **овеществленный** человеческий труд есть прежде всего лишь только **одно из свойств всего вещества**, наряду с бесчисленными другими. Человеческий труд является лишь незначительным видом энергии всей необъятной мировой энергии. Поэтому обособить человеческий труд среди всех других процессов, совершающихся в веществе, является совершенно недопустимым. И, действительно, мы прекрасно видим, как часто ценность блага возникает помимо всякого человеческого труда: выросшие леса, покрытые травой степи и луга, образовавшиеся в недрах земли ископаемые, рыбы, звери, плоды, корни и пр. С другой стороны, мы прекрасно видим, как часто ценность блага не возникает, несмотря на всякий человеческий труд: посевы уничтожаются градом или наводнением, плоды истребляются вредителями, возводимые постройки гибнут от землетрясения или молнии, размножающиеся стада прекращают свое существование от болезней и проч. Кроме того, мы прекрасно видим, как часто ценность блага повышается или понижается совершенно независимо от человеческого труда: сахарная свекла, выросшая при сухих и солнечных условиях, является гораздо более ценной (по содержанию сахара), чем выросшая при влажных и туманных; русская пшеница, выросшая при коротком и жарком лете является гораздо более ценной (вследствие большего содержания клейковины, обуславливающей большую питательность и рыхлость хлеба), чем западная; издревле ценимая за границей русская юфть приобретает ценность не вследствие особых стараний русских, но исключительно вследствие превосходных качеств русского березового дегтя; с другой стороны, лен, разводимый не во влажных местностях (не около морей, озер, больших рек и пр.), а в сухих, теряет в своей ценности в качестве материала для полотна, вследствие возникающей грубости волокна; мак, переходя из знойной Азии в Западную Европу теряет в своей ценности, вследствие весьма значительного уменьшения содержания морфина; хлебные запасы землевладельца теряют в своей ценности, вследствие нового хорошего урожая у окрестных жителей и проч. Наконец, мы прекрасно ви-

дим, как часто ценность благ, создаваемых трудом человека, точно так же может быть создаваема и без человеческого труда, другими факторами: беление тканей может быть достигнуто как разными сложными искусственными химическими процессами, так и просто действием солнечных лучей на ткань, лежащую на влажном лугу; искусственная выварка соли в соляном промысле может быть заменена естественным выпариванием; удобрение, вспахивание и боронование земли под посев заменяется в Египте разлитием Нила. Было бы бесполезно отрицать, что всякого рода механический человеческий труд может быть заменен работой животных, воды, ветра, пара, электричества и проч., так что является вполне возможным вычислить, сколько рабочих рук заменяет данная не людская сила, напр., вычисляя, что в Великобритании в конце XIX века одни паровые машины выполняли работу 80 миллионов рабочих (исходя из того, что в промышленности и транспорте Великобритании в это время применялось до 7 миллионов паровых сил, а каждая паровая сила выполняет работу 12 человек), точно так же можно сказать, что на всем земном шаре в конце XIX в. паровые машины выполняли работу около 700 миллионов человек (принимая число всех паровых сил, применявшихся в то время на земле, около 60 миллионов).

Вопреки утверждению, что вещь тем ценнее, чем более труда затрачено на нее, мы постоянно наблюдаем великое множество весьма ценных вещей на которые, тем не менее, затрачено очень мало человеческого труда, или даже совсем не затрачено. Таковы, например, овечья шерсть, луговое сено, строевой лес, черноземные имения, обнаруживающиеся полезные ископаемые в земле, дачные участки в красивой и здоровой местности, дичь, рыба, меха, мед из дупел в лесу и т. д. И, наоборот, вопреки утверждению, что вещь тем менее ценна, чем менее труда затрачено на нее, мы постоянно наблюдаем великое множество не очень ценных вещей, на которые, тем не менее, затрачено огромное количество человеческого труда. Так, например, земледелец затрачивает огромное количество труда на обработку своей нивы, но ценности, получаемой в результате его труда, хватает лишь, как это часто бывает, на жалкое существование; это же можно сказать относительно огромного труда сапожника, швеи, прачки, портного, слесаря и проч., никем не эксплуатируемых и несущих безусловно необходимый для общества труд по обслуживанию потребностей, связанных с индивидуальными вкусами; такое же несоответствие между огромным трудом и незначительной ценностью, получаемой в результате его, мы наблюдаем постоянно и в области не только простого труда, но и квалифицированного — сколько бедствующих журналистов, художников, газетных работников, поэтов, серьезных ученых, несущих, тем не менее, весьма тяжелый и общественно необходимый труд.

Правда, трудовая теория ценности делает оговорку, что надо обращать внимание не на отдельный индивидуальный труд, а на труд общественно необходимый или труд средне-необходимый при данных общественных условиях. Например, указывается на то, что, когда после введения парового ткацкого станка стало требоваться менее половины прежнего времени для превращения пряжи в ткань, ручной ткач все же затрачивал и после этого прежнее количество времени для выполнения той же задачи, однако, при создавшихся в обществе в связи с этим нововведением условиях, общественно необходимым временем стало время работы с паровым станком, а не труд ручного ткача.

Однако эта оговорка совершенно не меняет дела. Мы сплошь да рядом наблюдаем вещи равноценные, но, тем не менее, несомненно добытые совершенно различным количеством общественно необходимого труда. В самом деле, часто приходится видеть, что, если наблюдаются различные количества труда применительно к добыванию одного и того же предмета (например, в машинном ручном производстве товаров), то они одинаково необходимы, так как общество при существующих условиях не может обходиться как без одного, так и без другого. Так, если мы вспомним, что в начале 80-х годов XIX века в России, включая и Царство Польское, на фабриках и заводах работало около одного миллиона рабочих, выработавших в общей сложности изделий приблизительно на полтора миллиарда рублей, а в то же самое время мелкими кустарными промыслами занималось семь с половиной миллионов человек, выработавших также в общей сложности изделий приблизительно на полтора миллиарда рублей, то, конечно, следует признать, что общественно необходимым трудом является одинаково и тот и другой.

Указание на то, что трудовая теория ценности покоится на разумном начале, ибо человек, обладая ограниченным запасом трудовой энергии, естественно ценит более те вещи, на которые он вынужден затрачивать больше труда, далеко не может считаться основательным. Те примеры, которые приводят основатели трудовой теории ценности, прекрасно могут служить для пояснения сказанного. Конечно, если человек почему-либо ничего не ценит, кроме количества своего труда, то, действительно, если охотнику требуется в два раза более времени, чтобы убить бобра, чем для того, чтобы убить дикую козу, бобр будет обмениваться на две козы (А. Смит). Однако стоит только предположить, что европейцы, приобретая для своих шуб бобровые шкурки, будут давать в двадцать раз больше тканей, пороху, водки и проч., за одного бобра, чем за одну козу, то, конечно, бобр будет обмениваться не на две козы, а на двадцать. Точно так же, если человек почему-либо ничего не ценит, кроме количества своего труда, то, действительно, если мне надо в четыре раза более времени, чтобы сделать одно платье, чем одну шляпу, я предпочту, чтобы у меня украли три шляпы, чем одно платье (Д. Рикардо). Однако

стоит только предположить, что шляпа была украшена драгоценной пряжкой, или что мне нечем заменить украденную шляпу, или что шляпа была особенно удачна и пр., то, конечно, я предпочту не то, чтобы у меня украли три шляпы, а не одно платье, а, наоборот, три платья, а не одну шляпу. Наконец, если человек почему-либо ничего не ценит, кроме количества своего труда, то, действительно, если бы удалось с большим трудом добываемые доселе алмазы добывать искусственным путем из угля, ценность алмазов пала бы ниже ценности кирпичей (К. Маркс). Однако стоит только предположить, что добытые искусственным путем алмазы найдут себе какое-либо широкое и полезное применение, то, конечно, их ценность будет гораздо выше ценности кирпичей (Подобный случай, например, имел место с каменноугольным дегтем, получаемым как побочный продукт при добывании кокса и светильного газа; сперва он не имел почти никакой ценности, но когда из него стали вырабатывать разные искусственные краски, карболовую кислоту, искусственный асфальт и проч., то ценность его стала весьма высокой).

Теперь нам остается указать, что трудовое начало, кроме того, произвольно и неопределенно. В самом деле, указывается, что количество труда выражается работой организма — мозга, нервов и мускулов — которая может быть точно определена. Несомненно работа организма, по крайней мере в принципе, может быть вычислена в точных физических и химических величинах, не исключая и работы мозга (повышение температуры мозга, возникновение резко-кислой химической реакции, вместо слабо-кислой и проч.). Однако именно эти точные физические и химические величины не применяются при установлении количества труда, затрачиваемого на создание какой-либо ценности. Хотя, несомненно, организм человека, работающего целый день молотом или топором, совершает несравненно большую работу в физическом смысле, чем организм человека, работающего иглой или пером, однако ни один сторонник трудовой теории ценности не скажет, что в первом случае создана гораздо большая ценность, чем во втором. Точно также, хотя несомненно, что мозг человека бездарного и тупого, работающий над определенным заданием, совершает гораздо большую работу в физическом смысле, чем мозг человека талантливого и остроумного, работающий над тем же заданием, но ни один сторонник трудовой теории ценности не скажет, что в первом случае создана гораздо большая ценность, чем во втором. В трудовой теории ценности с особой силой подчеркивается, что один час «квалифицированного» труда равен нескольким часам простого труда, а один час квалифицированного труда одного рода равен нескольким часам квалифицированного труда другого рода. Но в таком случае, следовательно, отбрасывается понятие чисто физической энергии, которая именно и может быть вычислена, а вместо нее подставляется понятие воплощенного умения — квалифицированного труда, причем, один вид умения ценится гораздо выше другого. Что же считать соб-

ственно уменьем и почему один вид уменья считается выше другого — на эти вопросы можно дать ответ, лишь принявши во внимание всю совокупность вкусов, наклонностей, привычек и прочих чисто субъективных людских настроений, но отнюдь не по одному объективному признаку. Если мы возьмем целый ряд видов труда в обществе и обратим внимание на оценку этих видов, например, на труд модного врача, дамского портного или сапожника, популярного адвоката, декадента-художника, дамского парикмахера, горничной, услужливого швейцара, актрисы, шансонетки, кондитера, писателя и пр., то, конечно, становится ясно, что оценка этих видов труда зиждется не на объективном признаке — траты трудовой энергии (ибо множество из этих лиц тратит очень мало трудовой энергии, но, тем не менее, их «труд» очень высоко ценится), а исключительно на вкусах, наклонностях, привычках и проч. чисто субъективных людских настроениях.

Установив совершенно ложное положение, будто бы исключительно труд создает ценность, сторонники трудовой теории ценности делают из него и дальнейшие ложные выводы. В самом деле, если только труд создает ценность, то почему большая часть ценностей поступает не носителям труда — рабочим, а именно тем лицам, которые менее всего могут считаться носителями труда — землевладельцам и капиталистам? Утверждается, что и вся прибыль, поступающая к землевладельцам и капиталистам, также создается исключительно трудом рабочих. Если же она поступает не рабочим, а землевладельцам и капиталистам, то это только потому, что последние присваивают ее себе: рабочая сила создает ценность, и притом ценность гораздо большую, чем та ценность, которая необходима землевладельцам и капиталистам, чтобы купить эту рабочую силу; разница между той ценностью, которую создает рабочая сила, и той, которая необходима, чтобы оплатить рабочую силу, и создает «прибавочную ценность», которая и является прибылью землевладельцев и капиталистов. Один простой вопрос разрушает всю эту хитроумную теорию. Почему же рабочая сила, создающая ценность, связывается с землевладельцами и капиталистами, а не создает эту ценность сама, сохраняя ее для себя? На это отвечают, что рабочая сила не может обойтись без средств производства — земли и капитала, которые находятся не у них, а в руках землевладельцев и капиталистов. Однако, если рабочая сила не может создать ценность без земли и капитала, то тогда нельзя не признать, что земля и капитал являются причиной или частью причины при создании ценностей, ибо причиной именно и называется такое явление, невозникновение которого делает невозможным возникновение данного. Но, конечно, если земля и капитал являются причиной или частью причины создания ценности, то тогда нельзя сказать, что прибыль создается исключительно трудом. И, действительно, мы можем непосредственно убедиться, что труд не является исключительно причиной возникновения прибыли. В

области прибыли мы постоянно видим, как, несмотря на одинаковый труд, более плодородная земля или лежащая ближе к рынку дает и гораздо большую прибыль, чем земля менее плодородная или более отдаленная от рынка; как капитал, несмотря на одинаковый труд, ранее вложенный в землю, дает гораздо большую прибыль, чем капитал позже затраченный (ибо позже затраченные капиталы должны окупаться в цене продукта, но, тем не менее, как известно, последующие затраты на землю всегда дают меньшую прибавку, чем предшествующие); как одинаковые капиталы при застое или расцвете торговли дают совершенно различную прибыль. Те многие сотни тысяч гектаров земли в Шотландии, которые обращены их владельцами под охотничьи парки, иногда приносят больше прибыли их собственникам, чем при обработке их, но, тем не менее, те богатые любители, которые, чтобы удовлетворить свою страсть к охоте, приносят огромную прибыль землевладельцам, менее всего создают своим трудом этим владельцам «прибавочную ценность».

Указывая на то, что землевладельцы и капиталисты получают прибыль от разницы между той ценностью, которую произведет рабочая сила, и той, которая необходима для покупки рабочей силы, сторонники теории прибавочной ценности не могут не коснуться конечно, и вопроса о ценности самой этой рабочей силы. Рассматривая рабочую силу, как товар, они утверждают, что рабочая сила продается, как и всякий товар, «по издержкам производства», необходимым для производства рабочей силы, то есть ценностью этой силы равняется ценности предметов потребления, необходимых для работника и его семьи (чтобы рабочие не погибли, а могли поставить нужный труд). Разумеется, и это положение неправильно. При продаже товара продавец, находящийся в выгодном положении, не только хочет покрыть издержки производства, но и получить еще выгоду. Если же покупатель, находящийся в выгодном положении, приобретает товар, то он готов часто оценить его и ниже издержек производства этого товара. Конечно, сказанное применимо и к рабочей силе. И действительно, в зависимости от разнообразных условий мы видим совершенно различную меновую ценность рабочей силы, которую менее всего можно себе представить везде и всегда однообразной и безличной. В разных странах и в разных отраслях производства одной и той же страны оценка рабочей силы совершенно не одинакова — в Соединенных Штатах и в Англии плата рабочим, например, в некоторых производствах в 3-4-5 раз выше платы в соответствующих производствах в дореволюционной России (не говоря уже о Советском Союзе); в дореволюционной России плата рабочим в некоторых производствах в 3-4 раза больше, чем в других (например, в сталелитейных и машиностроительных по сравнению с рогожными и спичечными). На этом основании среди рабочих можно постоянно встретить как получающих по несколько тысяч франков в год, живущих в домах из 4-5 комнат и откладывающих по несколько

сотен франков в год сбережений (напр., в Соединенных Штатах в сталелитейной, железоделательной и каменноугольной промышленности или приобретающих недвижимость (типично для Франции), так и влачащих самое бедственное существование, которое обуславливает их преждевременную и частую смертность. При возникновении капиталистического производства в Англии во второй половине XVIII в., когда английские мануфактурные изделия завоевали иностранный рынок и произошло быстрое расширение фабричного производства и небольшой прилив рабочих рук, ткачи благоустраивали и зарабатывали в неделю до 60 шиллингов, но те же ткачи в 1815 г. сильно бедствовали и зарабатывали всего около 3 шиллингов. Словом, ценность рабочей силы может быть и выше ценности предметов, необходимых для работника и его семьи, и гораздо ниже ее. Единственно, что является справедливым в этом утверждении относительно оценки рабочей силы, это то, что, в общем, оценка рабочей силы является все же низкой. Однако это справедливое признание является совершенным ниспровержением трудовой теории ценности. Оказывается, что труд, являющийся единственным источником всей ценности, сам обладает лишь весьма малой ценностью, тогда как если бы труд действительно был единственным и исключительным источником ценности, то ничего не было бы для нас ценнее самого труда. Трудовая теория ценности, а стало быть и теория прибавочной ценности, кроме того, находится в противоречии с учением о проценте с капитала. В самом деле, оказывается, что в се капиталы в разных отраслях промышленности приносят, в общем, одинаковую прибыль. В разных же отраслях промышленности один и тот же капитал затрачивается на наем рабочей силы в совершенно различных дозах: в одних отраслях промышленности большая часть всего капитала затрачивается на наем рабочих, в других же на эту же цель затрачивается только малая или умеренная часть, большая затрачивается на материалы, машины, здания и проч. До сих же пор постоянно утверждалось, что всякая меновая ценность и всякая прибыль создаются исключительно трудом, рабочею силою. А, следовательно, отсюда надо было бы заключить, что прибыль создается лишь тою частью капитала, которая употребляется на наем рабочей силы. Поэтому должно было бы получаться, что те предприятия, которые затрачивают большую часть своего капитала на наем рабочей силы должны были бы создавать большую ценность, а, следовательно, и получать большую прибыль, чем те предприятия, которые затрачивают большую часть своего капитала такого же размера на машины, материалы, здания, а не на наем труда. Например, громадная булочная, употребляющая множество рабочих, должна была бы приносить на один и тот же капитал гораздо большую прибыль, чем бумагопрядильная фабрика со множеством машин. Однако в действительности мы этого не видим. Капиталисты, вкладывая в свое предприятие капитал, хотят и в действительности получают прибыль, равную прибыли с капи-

талов в других отраслях, как бы ни была различна та доля во всех этих капиталах, которая идет на наем рабочей силы. Таким образом, прибыли, получаемые с одинаковых капиталов в разных отраслях промышленности, оказываются равноценными, хотя количество труда, затраченного на разнообразные прибыли, могут быть весьма различны. Но так как прибыль есть прежде всего не что иное, как создаваемые продукты или их ценность, то оказывается, что продукты могут быть равноценными, хотя количество труда, затраченного на них, может быть совершенно различным. Таким образом, экономисты, в том числе впоследствии и К. Маркс, приходят к выводу, что труд не является непосредственной причиной ценности. Теперь оказывается, что товары обмениваются не по количеству труда, затраченного на них, а по их цене производства (то есть издержки производства + средняя прибыль, исчисленная на весь капитал, затраченный в производство). Оказывается, что то начало, которое должно объяснить известную область, именно, в этой области не применяется. Этим самым сами экономисты, в том числе и К. Маркс, разрушают то трудовое начало, из которого они исходят и к которому они постоянно возвращаются.

Учение о трудовой теории ценности и о прибавочной ценности изложено Марксом в I томе его «Капитала». Признание же того, что капиталы во всех отраслях производства дают одинаковую прибыль, не взирая на то, какое количество рабочей силы применяется в производстве, делается Марксом в III томе «Капитала». Нельзя не видеть, что оба эти положения, более раннее и более позднее, находятся в непримиримом противоречии. Второе положение упраздняет теорию трудовой ценности и теорию прибавочной ценности. Очень красноречиво выразил эту мысль итальянский социолог Ахилл Лория, познакомившись с III томом «Капитала» Маркса и сравнивая его с I томом: «Это — теоретическое банкротство, настоящее научное самоубийство».

XI. УСЛОВИЯ НАСТУПЛЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА ПО МАРКСУ

Условия наступления социализма изложены Марксом в заключительной главе I тома «Капитала». Необходимо, впрочем, отметить, что эти условия набрасываются Марксом уже и в его «Критике политической экономии». Так, в предисловии к этому сочинению Маркс определенно утверждает следующее:

«На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которой они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил, эти отношения пре-

вращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции»¹⁰⁹).

Эти мысли, высказанные в «К критике политической экономии» (в 1859 г.), развиваются подробно Марксом в его I томе «Капитала» (в 1867 г.), в заключительной главе.

В общем, эти условия наступления социализма изображаются Марксом в «Капитале» следующим образом. В результате капиталистического развития произойдет такая концентрация средств производства, что все эти средства будут находиться в руках немногих лиц, тогда как вся остальная людская масса не будет владеть ничем, а будет только организованно работать на пользу этих лиц. В таком положении, по мнению К. Маркса, имеется глубокое противоречие: основная людская масса в своем производстве будет организована на общественный лад, тогда как имущественные отношения будут носить характер частной собственности. Выход из этого положения может быть только один: все имущественные отношения, концентрирующиеся в немногих руках, приобретут характер общественных, станут общей собственностью.

Этому процессу концентрации средств производства должен предшествовать, по Марксу, прежде всего переход имущества от многих капиталистов к немногим. Крупные капиталисты, в силу уже одного хода капиталистического развития, разоряют более мелких собственников и приобретают себе их имущество. Таким образом происходит постоянный рост наемных пролетариев за счет разоряющихся более мелких собственников и в особенности разоряемых крестьян. Одновременно с этим повышается и без того уже высокая техника в производстве и увеличивается и без того широко идущее разделение труда. Однако Маркс подчеркивает, что все возрастающее применение машин в производстве отнюдь не является для капиталистов средством экономии труда, а, наоборот, дальнейшим средством для все возрастающей эксплуатации рабочих: машины служат не для облегчения труда наемных рабочих, а для присвоения капиталистами все большей прибавочной ценности, создаваемой рабочими. Таким образом капиталисты удовлетворяют свою «волчью жадность к прибавочному труду». Равным образом и все увеличивающееся разделение труда приводит к тому, что труд каждого отдельного индивида все больше и больше превращается в несамостоятельную частичку общественного труда. Наконец, эта бешеная погоня капиталистов за прибавочной ценностью приводит неминуемо ко все возрастающей эксплуатации пролетариев: удлиняется рабочий день, безжалостно заставляют работать детей, калечатся миллионы рабочих и т. д. В очень красноречивых словах Маркс утверждает:

---

109) Критика политической экономии, перевод под ред. И. Мануилова, Москва, 1896, стр. X.

«Накопление богатства на одном полюсе есть в то же самое время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, то есть на стороне класса, который производит свой собственный продукт, как капитал».

Все это приводит к тому, что бьет последний час капиталистической собственности и «экспроприаторов экспроприируют».

Читая эти предсказания Маркса о все большем ухудшении положения рабочих, которое неминуемо должно произойти вместе с развитием капитализма, нельзя не удивляться, насколько неудачно это предсказание. Например, Маркс говорит о труде шестилетних детей, работающих на фабрике 12 часов, и о труде взрослых, работающих на фабрике 14-16 часов. И это положение, по Марксу, должно еще ухудшиться! Между тем, в настоящее время во всех передовых странах существует 40-часовая рабочая неделя (то есть 5 дней в неделю — кроме субботы и воскресения — по 8 часов). Само собою разумеется, это не относится к Советскому Союзу — «рабочему государству». Конечно, в этих же странах строжайше охраняется работа детей и подростков, и утверждение о работе 6-летних детей на фабрике в течение 12 часов просто кажется совершенно невероятным и преувеличенно смешным. К сожалению, впрочем, этого нельзя сказать об охране труда подростков и женщин в Советском Союзе. Впрочем, уже к концу XIX века стало совершенно очевидным, что те предпосылки, которые, по мнению Маркса, неминуемо ведут к социализму, на самом деле, не имеют места. Положение рабочего класса не стало ухудшаться и ухудшаться, а, наоборот, несомненно значительно улучшилось во всех цивилизованных странах: сократился рабочий день, повысилась заработная плата, улучшились жилищные условия, строго стал охраняться труд женщин и детей, возникло страхование рабочих на случай болезни, старости, увечья, смерти и т. д. Количество бедняков не только не возросло, но во всех цивилизованных странах значительно уменьшилось, как ясно показывает финансовая статистика, говорящая о все возрастающем количестве лиц со средними доходами. Богатство лиц с весьма крупными доходами попрежнему составляет незначительную часть богатства всей страны. Если даже и образуются крупные предприятия, то зачастую они образуются в виде акционерных компаний, участие в которых доступно и лицам с очень скромным имуществом. Земля от крупных помещиков все больше переходит в руки мелких крестьян. Наконец, использование легко добываемой электрической энергии стало давать возможность возникать целому ряду средних и мелких предприятий, в противоположность использованию паровой силы, которая, действительно, способствовала разорению мелких предприятий.

Все эти и им подобные факты настолько очевидны, что их не могли отрицать и сами разумные марксисты. В 1899 году вышла в свет книга немецкого социал-демократа Эдуарда Бернштейна «Предпосылки

социализма и задачи социал-демократии», положившая начало реформизму или ревизионизму марксизма. Помимо Германии это направление получило распространение и в других странах: в Австрии — австромарксизм (Фр. Адлер), «экономисты» и «меньшевики» в России, лейбористы в Англии, «социалисты» во Франции. Представители этого направления не считают основательными те предпосылки, которые, по Марксу, должны неминуемо привести к социализму. Развитие капитализма не произошло так, как это предсказывал Маркс: «отрицать это, — замечает Бернштейн (в предисловии к французскому изданию своей книги), — было бы не только бесполезно, но просто очень глупо». Сообразно этому все эти реформисты не ожидают наступления социализма в силу «железных законов развития капитализма», но считают, что рабочий класс должен сам уже теперь бороться за постепенное введение социализма путем законной парламентской деятельности, проводя законы, улучшающие экономическое, политическое и культурное положение рабочих, насаждая рабочие кооперативы, предоставляя рабочим часть прибыли и т. д. Впрочем, можно отметить, что сходное направление возникло еще в 1884 году в Англии под названием «фабианский социализм», которое стремится к постепенному введению социализма, считая возможным сотрудничество рабочих с буржуазией. «Фабианское общество» получило название от имени римского полководца Фабия Кунктатора (медлителя), который основывал свою стратегию (во время второй Пунической войны) на осторожности и медлительности.

Довольно часто можно встретиться с утверждением, что концентрация капиталов, действительно, не наблюдается в Европе, но зато несомненно наблюдается в Северной Америке, в Соединенных Штатах. Однако никто не будет отрицать, что, несмотря на эту концентрацию, невиданную в Европе, положение рабочего класса в Америке не только не ухудшается, но находится на таком высоком уровне, как нигде на земном шаре. Во всяком случае и эта концентрация капиталов в Соединенных Штатах менее всего напоминает ту концентрацию капиталов, которую предсказывает К. Маркс, то есть несколько крупных капиталистов присваивает себе имущество менее крупных капиталистов, которые пополняют собою армию несчастных пролетариев, а последние подвергаются все большей и большей эксплуатации. Дело в том, что и в Соединенных Штатах так же, как и в Европе, капиталы концентрируются не в немногих руках частных капиталистов, но концентрируются в акционерных компаниях, число членов которых все увеличивается, захватывая лиц со средними и малыми состояниями. Вот довольно известные примеры на этот счет, которые встречаются в американской экономической литературе. Так, общество Пенсильванской железной дороги поглотило 26 других железных дорог, арендует еще 26 других железных дорог и контролирует еще 23 железных дороги. Американская телефонная и Телеграфная Компания (American Telephone and Telegraph Company) имеет

почти безраздельную монополию в своей сфере; капитал этого общества равняется 3 миллиардам долларов, а имущество — 3¹/₂ миллиардам долларов. То же самое можно сказать и о таких обществах, как Standard Oil Co., Steel Corporation, General Motors и др. И вот, число акционеров за период с 1900 года до 1945 г. возросло: в обществе Пенсильванской ж. д. с 25 тысяч до 214 тысяч, Telephone and Telegraph Co. — с 10 тысяч до 688 тысяч; Standard Oil Co. — с 4 тысяч до 155 тысяч и проч., и это число акционеров с 1945 года все продолжает возрастать непрерывно; так, в первом обществе в настоящее время число акционеров равняется одному миллиону. В общем, с 1900 года по 1939 год капитал всех акционерных обществ в Соединенных Штатах возрос с 62 миллиардов долларов до 93 миллиардов, т. е. увеличился на 50%, а число акционеров за это время в этой же стране увеличилось с 4,4 миллионов до 26 миллионов, то есть увеличилось в 6 раз. Все это очень мало похоже на предсказание Маркса о неизбежном характере капиталистического развития!

ХII. ПРЕДСКАЗАННЫЙ МАРКСОМ И ОСУЩЕСТВИВШИЙСЯ НА ДЕЛЕ СОЦИАЛИЗМ

Маркс последовательно предсказывал наступление социалистической революции в 1847 году, затем — в 1855 году, в 1861 году, в 1876 году и в 1885 году. Ни одно из этих предсказаний не исполнилось, и только в 1917 году в России произошла социалистическая (большевистская) революция, однако в обстановке, не только не соответствовавшей совокупности условий, предсказанных Марксом для наступления ее, но в полном противоречии с ними. Как мы уже отмечали, социалистической революции, по Марксу, предшествует и обуславливает ее огромная концентрация средств производства. Как хорошо известно, концентрация средств производства в России до революции была сравнительно незначительна, гораздо меньшая, чем в Англии, Германии, Франции и Соединенных Штатах Северной Америки, в каковых странах, тем не менее, никакого социализма в смысле Маркса не наступило. Буквально то же самое надо сказать и о технике и разделении труда в России по сравнению с Англией, Германией, Францией и Соединенными Штатами Северной Америки. К этому надо добавить, что и рабочий класс, пролетариат, играющий, по Марксу, первенствующую роль в социалистической революции, в России играл совершенно подчиненную роль по сравнению с крестьянами-собственниками. Перед социалистической большевистской революцией в России 5/6 трудящегося населения занималось земледелием и только 1/6 работала в промышленности и на транспорте, а также занималась различными ремеслами. До революции Россия была экономически страной отсталой, с мелким производством и довольно невысоким «буржуазно-капиталистическим» производством. Основная масса населения России стояла на низком культурном уровне и даже

большинство этой массы было безграмотно. Три года очень тяжелой для России войны с Германией, кроме того, сильно разрушили страну: сильно уменьшилась засеянная площадь пахотной земли; сильно уменьшилась добыча железа, стали, угля, меди; уменьшилось производство различных машин и т. д. С захватом власти большевиками экономическое положение страны еще значительно ухудшилось: возникла настоящая экономическая разруха, частью как следствие тяжелой гражданской войны, частью, как следствие саботажа и нежелания известных кругов населения сотрудничать с большевиками. И, тем не менее, в 1920 году произошла национализация промышленности, хотя, конечно, русские рабочие не обладали никаким опытом в управлении предприятиями. Насколько мало условия, указанные Марксом для наступления социализма (концентрация средств производства, высокая техника, далеко идущее разделение труда, многочисленный класс сознательных пролетариев) соответствовали практике введения социализма в России большевиками, это лучше всего видно из официального советского документа — настоящего большевистского катехизиса — «Краткого курса истории коммунистической партии (большевиков)».

Вот что говорит этот большевистский источник об условиях первоначального внедрения социализма в России:

«Общая продукция сельского хозяйства в 1920 году составляла лишь половину довоенной. . . Вдобавок в 20 году многие губернии были охвачены неурожаем. Крестьянское хозяйство переживало тяжелое положение»¹¹⁰).

«Еще хуже было положение промышленности, находившейся в состоянии разрухи. Продукция крупной промышленности в 1920 году была почти в семь раз меньше довоенной. Большинство фабрик и заводов стояло, рудники и шахты были разрушены, затоплены. В особо тяжелом состоянии находилась металлургия. Выплавка чугуна за весь 1921 год составляла всего лишь 116,3 тысячи тонн, то есть около 3 процентов довоенного производства чугуна. Нехватало топлива. Транспорт был разрушен. Имевшиеся в стране запасы металла и мануфактуры были почти исчерпаны. В стране был острый недостаток самого необходимого: хлеба, жиров, мяса, обуви, одежды, соли, керосина, мыла»¹¹¹).

«Появилось недовольство среди крестьян. . . Вся система военного коммунизма, как отмечал Ленин, пришла в столкновение с интересами крестьянства. Стихия недовольства задела и рабочий класс. . . Но глубочайшая хозяйственная разруха

---

110) История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс., Гос. издат. политической литературы, 1938, глава 9, 1921-1925, стр. 237.

111) Там же, стр. 237.

оказала влияние и на рабочий класс. Рабочие вынуждены были заниматься кустарничеством, выделкой зажигалок, мешечничеством. Стала ослабевать классовая база диктатуры пролетариата, рабочий класс расплылся, часть рабочих уходила в деревню, переставала быть рабочими, деклассировалась. На почве голода и усталости появилось недовольство части рабочих»¹¹²).

«Но классовый враг не дремал. Он пытался использовать тяжелое хозяйственное положение, пытался использовать недовольство крестьян. Вспыхнули организованные белогвардейцами и эсерами кулацкие мятежи в Сибири, на Украине, в Тамбовской губернии (антоновщина)»¹¹³).

Наконец, в 1921 году вспыхнуло Кронштадтское восстание, чуть ли не опрокинувшее всю советскую власть. Большевики поняли, что их попытка ввести социализм кончилась полной неудачей, и вернулись к старому, более или менее нормальному порядку, предоставив некоторую свободу промышленной, торговой и сельскохозяйственной деятельности и назвали этот возврат к старому, со своей обычной наивностью — «новой экономической политикой» (нэп). Что в этой неудаче были виновны они сами, этого большевики все же не могут отрицать.

«Военный коммунизм, — говорится в цитируемом издании, — был попыткой взять крепость капиталистических элементов в городе и в деревне штурмом, лобовой атакой. В этом наступлении партия забежала далеко вперед, рискуя оторваться от своей базы. Теперь Ленин предлагал отойти немного назад, отступить на время поближе к своему тылу, перейти от штурма к более длительной осаде крепости, чтобы, накопив силы, вновь начать наступление»¹¹⁴).

Это место — замечательно: оно указывает не только на признание большевиками своей вины, но и на то, что большевики не отказываются от своей цели, но готовы всегда, как в этом можно убедиться, пойти по иному, любому пути, лишь бы он вел к их цели.

Это противоречие марксистского социализма осуществленному большевистскому социализму настолько очевидно, что его признают иногда и сами коммунисты, желая, конечно, беспрдельно прославить большевистских вождей за их деяния. Так, французский коммунист Фернар Гренье, безмерно восхищаясь большевистской индустриализацией, коллективизацией сельского хозяйства, высоким жизненным уровнем советских граждан, замечательно свободными выборами в Верховный Совет, необыкновенным миролюбием Советского Союза и даже пактом Сталина с Гитлером, отмечая, что Сталин «осуществил марксизм», характеризует в следующих — конечно, очень преувеличенных — словах, Россию до большевистской революции:

112) Там же, стр. 238.

113) Там же, стр. 239.

114) Там же, стр. 246.

«Страна, которая обладала в момент революции 1917 года только отсталой промышленностью и земледелием, каковое оставалось без изменения со средних веков, страна, о которой можно утверждать без всякого преувеличения, что только одна пятая часть населения ее тридцать лет тому назад ела дыня»¹¹⁵).

Конечно, в этих словах сквозит беспредельный пиетет и необузданное восхищение перед Сталиным, но в то же время отсутствие всякого пиетета перед К. Марксом и совершенное незнание с его учением!

Правда, большевики утверждают, что Ленин, развивая марксизм и учитывая новые обстоятельства, неизвестные Марксу, доказал возможность наступления социализма в одной стране. Именно, главным образом, в своем сочинении «Империализм, как высшая стадия капитализма», написанном в 1916 году, Ленин, исходя из империалистического капитализма (последней стадии капитализма), считает, что победа социализма во всех странах одновременно является невозможной, а победа его в отдельной капиталистической стране вполне возможна. Конечно, такое учение Ленина вполне противоречит учению Маркса: во-первых, потому что Маркс говорит о законах развития капитализма вообще и, во-вторых, потому что наступление социализма в одной из самых отсталых капиталистических стран в существе своем в корне противоречит учению Маркса, у которого социализм необходимо вытекает из самой развитой капиталистической формы. Учение о вполне возможном наступлении социализма в одной из самых отсталых стран принадлежит французскому социологу Густаву Лебону — резкому противнику марксизма и социализма, который таким образом предвосхитил учение Ленина (о взглядах Г. Лебона мы будем говорить дальше).

Совершенно противоположным предсказаниям Маркса оказался и социализм в Китае с его 600-миллионным населением. При введении социализма в Китае после 2-й мировой войны и победы Мао Цзедуна над Чан Кай-ши там вообще не существовало ни сколько-нибудь развитой промышленности, ни сколько-нибудь значительного рабочего пролетариата. Конечно, смешно говорить о диктатуре пролетариата, когда во всем Китае в 1926 году насчитывалось всего около 2 000 членов рабочих профессиональных союзов! Чрезвычайно интересны мнения советских и китайских деятелей о возможности установления коммунистического строя в Китае. Карл Радек насмешливо заявляет, что нельзя говорить о диктатуре пролетариата в Китае, когда в нем вообще нет пролетариата¹¹⁶); то же самое говорит и Троцкий:

---

115) Fernard Grenier. Au pays de Staline, Edition „Social“, Paris, 1950, p. 50.

116) Chinese Communism and the Rise of Mao by Bengamen, J. Schwarz. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1951, p. 36.

в Китае нет подходящих классов для пролетарского коммунистического режима¹¹⁷). Такого же мнения держится и китайский вождь Ch'en Tu-ri'ip и вместе с ним все «правое крыло»:

«Китайский пролетариат незрелый, как в качественном, так и в количественном отношении. Большинство рабочих еще до сих пор напитано патриархальными понятиями; а их семейные связи и местный патриотизм чрезвычайно сильны; эти прежние ремесленники несут привычки своего прежнего существования даже в том случае, если они становятся промышленными рабочими»¹¹⁸).

P'eng утверждает, что крестьянство могло бы принять участие в национальной революции, но, как часто пояснял Маркс, оно не может вести революцию, вследствие своей отсталой природы¹¹⁹). Приведем еще мнение Ch'en'a:

«Крестьянство составляет преобладающее большинство китайского народа и есть, стало быть, великая сила в национальной революции; если китайская революция не будет вербовать крестьян, то для нее будет чрезвычайно трудно достигнуть успеха, как великой национальной революции»¹²⁰).

Это положение хорошо понимает и Мао Цзе-дун. В своей работе «Отчет об исследованиях аграрного движения в Китае» еще в 1927 году он определенно утверждает, что главная сила революции — в крестьянах, и желает строить свой коммунизм на крестьянах. После второй мировой войны и после своей победы над Чан Кай-ши он и построил коммунизм на крестьянской базе. Все это так, кроме того, китайское крестьянство имеет, несомненно, какие-то исторические корни в коммунизме. Но при чем же тут марксизм?

Необходимо отметить, что соответственно тому, как условия осуществления социализма оказались полной противоположностью условий наступления социализма по Марксу, так полной противоположностью оказались на деле и те принципы социализма, приписывавшиеся ему Марксом, тем принципам, которые получились в реальности. Так, Маркс предсказал, что после введения социализма государство отомрет; в Советском же Союзе после введения социализма государство усилилось в такой степени, как этого никогда не было. В 1874 году Маркс утверждал, что государство «исчезает вследствие будущей социальной революции»; в 1877 году он сказал, что пролетариат, обращая средства производства в государственную собственность, уничтожит государство именно как государство: этот захват средств производства пролетариатом и будет в то же самое время последним самостоятельным актом государства — государство «само

117) Там же, стр. 43.

118) Там же, стр. 48.

119) Там же, стр. 61.

120) Там же, стр. 65.

собою отомрет». Очень решительно говорит об отмирании государства при коммунистическом строе Энгельс: «Машина государства будет помещена в музей древности, вместе с прялкой и бронзовым топором». Не менее определенно высказывается и Ленин об отмирании государства в своем сочинении «Государство и Революция», написанном в августе 1917 года. Здесь Ленин утверждает, что государство, освобожденное от классовых противоречий, от эксплуатации одних членов общества другими, станет уже более ненужным; при социализме наступит полная гармония в общественных отношениях, и люди будут придерживаться правил поведения без принуждения, а, стало быть, и без того принудительного аппарата, который называется государством, то есть без постоянной армии, полиции, бюрократии и т. д. С этими взглядами Маркса и Ленина на отмирание государства при социализме совершенно не согласен Сталин, главным образом потому, что социалистический Советский Союз находится в капиталистическом окружении и должен быть готов к отражению империалистов. На XVIII съезде Всесоюзной коммунистической партии в 1939 году Сталин говорит относительно Советского Союза:

«Отпала, отмерла функция военного подавления внутри страны, ибо эксплуатация уничтожена, эксплуататоров нет больше и подавлять некого. . . Сохранилась полностью функция военной защиты страны от нападения извне».

В дальнейшем Сталин подчеркивает, что в то время как во всех капиталистических странах органами государственной власти являются армии, карательные органы, разведка, тюрьма, в Советском Союзе государственные органы выполняют мирную хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную работу, а также охраняют социалистическую собственность.

О возможности построения социализма в одной стране, во что Маркс и Энгельс не верили, и об усилении советского социалистического государства вместо отмирания государства после установления социализма, как этому учили Маркс и Энгельс, Сталин говорит еще в 5-м письме по языку в «Правде» от 28 июля 1950 года. Нельзя сказать, что объяснение, даваемое Сталиным усилению советского социалистического государства, может считаться сколько-нибудь удовлетворительным. Если Советский Союз находится в капиталистическом окружении и желает защитить себя от возможного нападения, то это обстоятельство может объяснить только существование огромной прекрасно вооруженной армии или народной милиции. Но почему же в Советском Союзе имеются все атрибуты капиталистических государств, только возросшие в огромном масштабе, помимо армии, — «карательные отряды, разведка, тюрьмы»? Ведь все это предназначается не для иностранных держав, а для советских граждан. Стало быть, советский гражданин опасней для советского государства во много тысяч раз, нежели гражданин капиталистического государства для

своего государства. Кроме того, странно говорить об отмирании советского государства еще и потому, что в советском государстве не только не обнаруживается тенденция расширения сферы деятельности общества, но, наоборот, вся деятельность общества поглощается деятельностью государства. Только советское государство направляет и управляет всей промышленной, торговой, транспортной, воспитательной, учебной, нравственной, общественной и даже философской, научной, литературной, художественной и музыкальной деятельностью. Советское государство — это полицейское государство, доведенное до абсурда. Почему советское государство должно было усиливаться во много раз по сравнению с обычным «буржуазным» или «капиталистическим» государством, — это мы сейчас увидим, рассматривая все те, противоположные Марксову предсказанию, черты советского социализма.

Почти все социалисты, начиная с Кампанеллы (XVII в.), через Фурье (XVIII в.) и вплоть до Маркса и Энгельса, не переставали утверждать, что труд людей, освобожденных от эксплуатации и работающих на все общество, ставших хозяином всей собственности, а не на отдельных частных предпринимателей, станет необыкновенно привлекательным и поразительно интенсивным, так как ведь всякий рабочий будет чувствовать себя хозяином всей собственности. На деле все вышло совершенно иначе: в течение целого десятилетия производительность труда советских рабочих была гораздо ниже, чем она была до революции 1917 года, когда они работали на частного предпринимателя. Вследствие этого советская власть стала принимать чисто полицейские меры в отношении своих рабочих, и с июня 1931 года перешла даже к сдельной системе оплаты труда, к той системе, которая так осуждалась в капиталистических предприятиях. Эти полицейские мероприятия в отношении труда рабочих принимаются непрерывно вплоть до наших дней (обо всех этих мероприятиях подробно в следующей главе). Кроме того, в Советском Союзе применяется еще рабский труд заключенных. По официальному сообщению британского делегата в Экономическом и Социальном Совете Объединенных Наций Corley Smith'a в Советском Союзе рабский труд заключенных охватывает 10 000 000 человек, или 1/10 всего трудоспособного населения в Советском Союзе (данные относятся к 1949 году).

Все эти факты очень красноречиво говорят о действительном характере интенсивности и привлекательности труда рабочих в социалистическом советском государстве и являются злой насмешкой над соответствующими предсказаниями социалистов, и в частности Маркса и Энгельса.

В 1882 году Маркс, говоря об отмирании государства при социализме, толкует наступление социализма, как «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы». На деле получилось наоборот: советский социализм есть скачок из царства свободы (относительной) в царство необходимости (универсальной принудительности).

В самом деле, там, где при царе в деревнях был один стражник или урядник, там при советской социалистической власти оказалась сотня милиционеров (полицейских), а там, где при царе были в больших городах сотни полицейских, там при советской социалистической власти оказались десятки тысяч, целые корпуса милиции (полиции). Соответственно с этим неизмеримо возрос и аппарат политической полиции при советской социалистической власти по сравнению с царской жандармерией. Если при царе были десятки тысяч заключенных, в том числе несколько тысяч политических, то число заключенных и ссыльных при советском социализме превосходит 15 миллионов, в числе которых огромное большинство политических. Безо всякого преувеличения можно утверждать, что за все время существования дома Романовых в течение свыше 300 лет гораздо меньше было ссыльных и заключенных, чем при социалистической советской власти за ее существование свыше 30 лет. При царском режиме всякий мог служить на государственной службе или не служить, а заниматься своим частным делом; при советском социалистическом режиме никто не может уклоняться от выполнения возложенной на него советским государством функции. При царском режиме писатели, художники и музыканты могли творить так, как им это указывал их творческий гений, а философы и ученые — мыслить так, как это вытекало из необходимой связанности мыслей и из доступных им фактов; при советском социалистическом режиме писатели, художники и музыканты вынуждены были творить в духе советского социалистического реализма, а философы и мыслители вынуждены были мыслить в духе большевистской партийности, причем, если кто-либо из этих лиц уклонялся от данных им партией предписаний, то вмешивался ЦК партии и заставлял их униженно «каяться».

К. Маркс хорошо понимал, что всякое государство есть насилие и что только с отмиранием государства наступит полная свобода (писал он это в 1875 году). Что «буржуазное» государство есть насилие — это хорошо понимал и Ленин, рассматривая его, как форму господства эксплуататоров-капиталистов над угнетенными трудящимися. Когда же дело дошло до советского государства, то Ленин определяет **диктатуру пролетариата**, как **высшую форму демократии**. Между тем, эти понятия — несовместимые: диктатура есть всегда **насилие над народом**, а демократия есть всегда **власть самого народа**. Другими словами, Ленин утверждает, что насилие над народом есть высшая форма власти этого народа. Конечно, это утверждение столь же абсурдно, как если бы утверждать, что выколоть глаза — это значит сообщить высшую форму зрения этим глазам. Подобные утверждения, разумеется, возможны лишь со стороны тех, кто неумеренно увлекается диалектикой, то есть организует погоню за парадоксальным абсурдом и имеет склонность к жонглированию неоднозначными понятиями.

Социализм К. Маркса носит выраженный интернациональный характер. В «Коммунистическом Манифесте» он призывает: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» и считает, что у пролетариев «нет отечества». Вначале так понимали дело и советские социалисты, пытавшиеся вызвать мировую коммунистическую революцию. Однако, после неудачных попыток этого рода в Германии, Венгрии и Баварии, они пришли к заключению о необходимости «строить социализм в одной стране», то есть в одном Советском Союзе. Поэтому уже на XV съезде коммунистической партии осенью 1926 года Сталин открыто заявил, что социализм может быть построен в одном Советском Союзе и что без этого убеждения вся программа индустриализации Советского Союза была бы просто бессмысленной. Именно этот момент и можно считать поворотным пунктом в жизни Советского Союза — отказ от интернационализма и переход к национализму, который так ярко сказался впоследствии в области советской истории, литературы, искусства, науки и философии. Сообразно с изменившимся положением, Сталин определяет теперь понятие «интернационалист» следующим образом.

«Интернационалист тот, — говорит Сталин, — кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР потому, что СССР есть база мирового революционного движения, а защищать, двигать вперед это революционное движение невозможно, не защищая СССР».

Как далеко ушел Сталин от Маркса в понимании социализма и интернационализма!

ХIII. ОСНОВНАЯ РАЗНИЦА МЕЖДУ МАРКСОВЫМ СОЦИАЛИЗМОМ И СОЦИАЛИЗМОМ СОВЕТСКИМ: СОЦИАЛИЗМ ЗАКОНОМЕРНЫЙ И СОЦИАЛИЗМ ИСКУССТВЕННЫЙ И НАСИЛЬСТВЕННЫЙ

Как мы уже неоднократно замечали, Маркс рассматривает социализм, как вполне закономерную фазу в развитии человеческого общества. В той же заключительной главе I тома «Капитала», о которой мы уже говорили, Маркс считает, что наступление социализма происходит настолько строго закономерным путем, что это наступление произойдет легко, с необходимостью закона природы, гораздо легче даже, чем переход к капитализму от феодализма. Как известно, эти слова Маркса породили даже спор среди последователей: зачем же в таком случае человеческие усилия, направленные к установлению социализма, если он все равно наступит и без этих усилий? Конечно, с точки зрения Маркса можно дать вполне удовлетворительный ответ на этот вопрос. Даже если какое-нибудь явление природы наступает безусловно необходимо, например, весна после зимы, человек все же подготавливает это наступление, чтобы сделать это наступление менее

опасным и более удобным для себя, например, счищает и вывозит снег, чтобы избежать наводнения и т. д. Поэтому Маркс и Энгельс признавали диктатуру пролетариата, как переходную ступень от капитализма к коммунизму. Так, в 1875 году Маркс писал:

«Только в коммунистическом обществе, когда существование капитализма окончательно уничтожается — только тогда уничтожается государство и можно говорить о свободе. Только тогда может быть возможна и будет осуществлена действительно полная свобода».

Эти слова Маркса находят себе объяснение в следующих словах Энгельса в его письме к Бебелю от 18-28 марта 1875 года:

«Поскольку пролетариат пользуется еще государством, он делает это не в интересах свободы, но, разумеется, для того, чтобы преодолеть своего противника, и, начиная с того времени, когда можно будет говорить о свободе, государство, как таковое, исчезнет».

Во всяком случае, и Маркс и Энгельс, несомненно считали, что диктатура пролетариата наступает **только после того**, как человеческое общество достигает наивысшей формы капиталистического развития с ее непримиримым противоречием между способом производства (общественным) и производственными отношениями (частное имущество немногих).

Из совсем иных предпосылок исходит социализм советский. Его не только нельзя назвать явлением закономерным, но он просто носит характер противоестественный. Так, большевики сначала «построили социализм», а потом стали, по официальному советскому выражению, «подводить фундамент» под построенный уже социализм, то есть сначала произвели следствие, а потом стали производить причину, порождающую это следствие. Поэтому и диктатура пролетариата возникает у них **не после** наивысшей формы капиталистического развития, как у Маркса, а до этого развития и **служит средством** для установления этой наивысшей формы экономического развития общества, которое не было достигнуто при капитализме. Поэтому и можно сказать, что если социализм Маркса должен строиться на базе закономерности, то советский социализм может строиться только на базе ЧК-ГПУ (как бы большевики ни называли это полицейское учреждение: ЧК, ГПУ, НКВД, МВД, МГБ и т. д.). Конечно, ГПУ — это альфа и омега всего советского строя и без него большевики не построили бы своего социализма. Мы не будем останавливаться здесь на том, как ГПУ, постоянно вмешиваясь в индустриализацию и коллективизацию и сурово карая правых и виновных инженеров и техников, а также агрономов и крестьян, строило социализм (об этом дальше). Здесь мы хотим только отметить, что ГПУ держало рабочих и крестьян в постоянном страхе и трепете, как и всех остальных советских граждан. Малейшие рабочие протесты и манифестации все-

гда жестоко подавлялись, как «бандитские» и «кулацкие» выступления, причем, советская власть всегда преуменьшала число покаранных рабочих. Так, за участие в «голодном марше», устроенном рабочими текстильных фабрик Иваново-Вознесенска, официально было сослано только двое участников; когда английская печать писала об этом голодном марше, то «Известия» обрушились на «клеветников»; на самом же деле, через два месяца после этого марша тысячи рабочих попали в ссылку, где их видели другие ссыльные¹²¹). При коллективизации сельского хозяйства было сослано или уничтожено до 10 миллионов крестьян. Любопытно отметить, что Ленин на IX съезде Всесоюзной коммунистической партии в апреле 1920 года заявил, что число кулаков в СССР равняется приблизительно 500-м тысячам, а Ежегодник Сельского Хозяйства СССР в 1935 году констатирует, что число кулаков с 5 миллионов 600 тыс. в 1928 г. уменьшилось к 1 января 1935 г. до 149 тысяч. Откуда же взялись и куда делись эти 5 миллионов крестьян? Надо сказать, что с 1935 года и до войны с Германией в 1941 г. «раскулачивание» производилось также очень усиленным темпом.

Итак, первым признаком социалистического общества является индустриализация страны. В царской России она была мало развита, так как дореволюционная Россия была преимущественно страной аграрной. Чтобы построить социализм, надо индустриализировать страну — решили большевики и приступили к выполнению своего решения. И вот этот план уже воочию показывает всю искусственность и насильственность советского социализма. Во-первых, индустриализация Советского Союза не вытекала из определенных данных экономических условий страны, а являлась лишь «подведением фундамента» под уже построенный социализм и наивной погоней за рекордами (такой-то сталелитейный завод в Донецком бассейне больше, чем все сталелитейные заводы Франции, Германии и Японии и т. д.). Все жившие в Советском Союзе постоянно наблюдали весь болезненный характер этой индустриализации и могут многое рассказать на этот счет. Например, когда построили самый большой дом в Союзе — Харьковский 14-этажный «Дом государственной промышленности» («Госпром»), то оказалось, что забыли устроить в нем центральное отопление; когда хотели построить в Харькове тракторный завод, то за консультацию по этому поводу уплатили одной американской фирме 5 000 000 рублей золотом, день и ночь работало в Харькове проектное учреждение и пр. Когда же, наконец, все дорогие и трудные подготовительные работы были окончены, то пришло постановление отбросить все это и построить в Харькове тракторный завод точь-в-точь такой же, как и в Царицыне (Сталинграде), и т. д.

---

121) A. Ciliga. Au pays du mensonge déconcertant, Paris, „Les Iles d'or“, 1950, p. 175.

Во-вторых, индустриализация Советского Союза проводилась за счет удовлетворения самых насущных потребностей населения, в том числе и самого рабочего класса. Потребность в пище, одежде и жилище советского населения и в частности рабочих, никогда не удовлетворялась сколько-нибудь удовлетворительным образом советской властью. Мы не будем говорить здесь об этом, так как об этом уже много писалось и так как это признает и сама советская власть (оправдываясь тем, что, если бы она заботилась о легкой и пищевой промышленности, а не о тяжелой и оборонной, то Советский Союз давно бы пал жертвой «империалистов»). Мы можем, пожалуй, только отметить мимоходом, что те достижения советской власти в области удовлетворения потребностей населения, которыми она страшно гордилась и о которых она возвещала на весь свет, могут вызывать только смех во всем остальном мире. Так, народный комиссар тяжелой промышленности С. Орджоникидзе, говоря о стахановском движении, сообщает, что такая-то стахановка в результате своей стахановской работы купила себе туфли молочного цвета. А номер «Правды» за 1948 год, говоря о заботе советской власти об инвалидах войны, возвещает 200-миллионному населению СССР, что такому-то инвалиду, живущему в такой-то области и в таком-то районе, купили кожаные ботинки на кожаной подошве. Как тут не вспомнить малайскую поговорку о том, что курица снесет одно яйцо и кричит об этом на весь мир, а крокодил несет тысячу яиц и молчит об этом? Здесь можно только отметить, что удовлетворение потребностей советского населения, а в частности рабочих, остается таким же недостаточным и в наши дни. После смерти Сталина преемники его власти полностью признали неудовлетворительное положение с продовольствием и одеждой в Советском Союзе и обещали его исправить. «Правда» от 9 августа 1953 года помещает речь Маленкова от 8 августа, в которой Маленков отмечает, что в период с 1940 г. до 1953 г. производство тяжелой промышленности в Советском Союзе увеличилось более чем в три раза, а товары широкого потребления достигли лишь 72% — это положение совершенно неудовлетворительно: впредь надо широко развивать производство легкой и пищевой промышленности. В некоторых отношениях условия жизни советских рабочих еще ухудшились по сравнению с довоенными, например, вследствие уничтожения множества домов во время войны советским рабочим приходится жить и в землянках. (Я наблюдал жизнь рабочих в землянках лет за 15 до войны около Харькова). Вот что говорит один швейцарский писатель относительно жизни советских рабочих в землянках:

«Если бы в Швейцарии держали скот в таких условиях, то вмещалось бы Общество покровительства животных и даже полиция, и это безобразие было бы устранено»¹²²).

---

122) Karl Steger. Im Banne des Kommunismus, Rex Verlag, „Luzern“, 1950, S. 140.

Насколько построение социализма в Советском Союзе было искусственным и насильственным, хорошо показывает советское законодательство относительно рабочих, то есть того класса, который считался самым главным в Советском Союзе и от имени которого исходили все распоряжения в Советском государстве. Действительно, в начале советской власти рабочие играли первенствующую роль и положение их было благоприятным. За рабочими было признано право управлять предприятиями и они были организованы в профессиональные союзы, которые были независимы от государства и заботились об интересах рабочих. Молодежи до 16-18 лет запрещалась сверхурочная и ночная работа. Женщинам запрещалось работать в шахтах, и беременные женщины освобождались за 2 месяца до родов и получали отпуск еще на два месяца после родов. В случае болезни рабочие получали полностью свою заработную плату. Впоследствии все эти положения были упразднены. В 1931 году была признана полностью власть директора предприятия, который должен был следить за рабочими и управлять ими. В 1929 году Томский, выступавший в защиту самостоятельности профессиональных союзов, был заменен Шверником, и с той поры профессиональные союзы стали выполнять правительственные распоряжения и перестали заботиться об интересах рабочих. Запрещение сверхурочной и ночной работы для молодежи было отменено в 1941 году; в 1940 году было отменено запрещение работы женщин в шахтах, так что теперь число рабочих женщин на шахтах больше, чем мужчин (около 60%); отпуск для беременных женщин вместо 4 месяцев был сведен только к двум. В случае болезни, начиная с 1938 года, рабочим стали выплачивать полностью заработную плату только в том случае, если они проработали в одном и том же предприятии не менее шести лет, и только 50%, если они проработали меньше 2 лет. В случае, если рабочий причинял ущерб производству, то в начале 30-х годов с него можно было вычесть до 1/3 заработной платы; с 1 июня 1932 г. — до 2/3 заработной платы; в случае кражи предметов на предприятии он должен был платить в 30-х годах в 5 раз больше стоимости их, а с июня 1942 — в 10 раз больше. В начале советской власти советский рабочий, как и в других странах, имел право покинуть старую работу и поступить на новую; с 1930 года это самовольное оставление работы рассматривалось уже как нарушение рабочей дисциплины, и принцип свободного труда начинает с этого времени рассматриваться, как принцип «буржуазный». Закон 20 ноября 1932 года постановляет, что неприбытие на работу без уважительной причины влечет за собой увольнение рабочего, лишение его продовольственных карточек и выселение из квартиры (предприятия). Закон 26 июня 1940 года постановляет: за самовольный уход со службы рабочего следует заключение в тюрьме за опоздание на службу на двадцать минут (даже по уважительной причине) — принудительная работа на месте

службы до 6 месяцев с уменьшенной заработной платой. Кроме того, до войны советская власть установила: за употребление простого ругательного слова и за самовольное взятие какой-либо мелочи на производстве — тюрьма на один год; насильственный перевод рабочих в любое, самое отдаленное место Советского Союза и т. д. Неудивительно, что Вольфганг Леонгард — советский коммунист немецкого происхождения, не выдержавший в конце концов советского социализма и бежавший за границу, приведя эти или подобные законы советского трудового права, делает следующее замечание:

«Если слова Коммунистического манифеста о том, что рабочим нечего терять, кроме своих цепей, и применяются полностью к какой-либо стране, так это к Советскому Союзу»¹²³).

Не менее явственно выступает вся искусственность и насильственность советской системы и при коллективизации сельского хозяйства. Захватив власть в свои руки, большевики, чтобы привлечь на свою сторону многомиллионное крестьянство, провели эсеровскую программу земельной реформы. Правда, уже при Ленине начинается введение коллективных сельских хозяйств, но это введение было основано на добровольном согласии крестьян, и крестьян старались привлечь разного рода преимуществами — давали лучшую землю, щедро субсидировали их деньгами, снабжали машинами, давали скот и т. д. Однако, несмотря на все эти меры, крестьяне очень неохотно вступали в эти коллективные хозяйства. О каком же социализме можно было говорить в Советском Союзе, если основная масса населения — крестьяне — обладала на правах частной собственности землей и сельскохозяйственным инвентарем? Поэтому в конце концов советская власть решила приступить к насильственной коллективизации, раз крестьяне не желают добровольно принять эту коллективизацию. 5 января 1930 года ЦК большевистской партии постановил приступить к коллективизации, причем через один или два года коллективизация должна была быть осуществлена на Украине, Северном Кавказе и Среднем Поволжье, то есть в самых богатых сельскохозяйственных областях Советского Союза. Совершенно очевидно, что такую быструю коллективизацию можно было осуществить лишь насильственным путем. Поэтому она и осуществлялась примерно таким образом — приезжал представитель коммунистической партии из города и просто заявлял: «Кто желает вступить в колхозы, пусть станет направо, а кто хочет отправиться в Сибирь, пусть станет налево». В это время горожане были поражены доселе невиданным зрелищем: под эскортом полиции (милиции) гнали в тюрьмы толпы почтенных на вид крестьянок (крестьянки выступали против колхозов более резко и более открыто, чем крестьяне). Не будет преувеличением сказать, что

---

123) Wolfgang Leonhard. L'Union Soviétique. Apparences et réalités, Edition Fusean, Paris, 1953, p. 28.

жизнь крестьян при крепостном праве в России была несравненно легче, чем жизнь в колхозах. В царское время при крепостном праве крестьяне работали три дня на помещика и три дня на себя, в воскресенье же обязательно отдыхали. При большевиках же в колхозах крестьяне работали всю неделю, даже без воскресного отдыха, в пользу колхоза. Причем работа эта носила такой изнурительный характер, с которым раньше крестьяне никогда не были знакомы. Так, например, крестьянки, работающие на свеклосахарных плантациях и желающие добиться высокого урожая свеклы (так называемые «пятисотницы», то есть должныствующие получить 500 центнеров сахарных бураков с гектара), должны были обмывать мыльной водой всякий листик сахарной свеклы. Наряду с такой тяжелой работой, которую они не знали во время крепостного права, крестьяне теперь были несравненно менее обеспечены, чем при крепостном праве. Неудивительно поэтому, что дореволюционная жизнь в царское время, после советского эксперимента, представляется крестьянам райской. Заплатив небольшой государственный налог с десятины (немного больше гектара), рубля 2-3, крестьянин не знал уже никаких других обязательств в отношении государства; при большевиках же помимо денег, крестьяне должны были вносить натурою — зерно, семена, плоды, яйца, масло, мясо, растительное масло, шерсть, перья и т. д. При царе основная масса продуктов со своего хозяйства оставалась у крестьян; при большевиках почти все вырабатываемые продукты поступали в пользу государства, так что крестьянину приходилось очень мало. Кроме того, при царе за свои продукты крестьянин мог купить все необходимые ему товары и даже, заветная мечта крестьянина — землю в собственность; при большевиках он не мог купить почти ничего.

Насколько насильственной и искусственной была коллективизация сельского хозяйства, с полной очевидностью показывает официальный «Краткий курс истории партии».

«В результате допущенных, — читаем мы в этом документе, — партийными организациями ошибок и прямых провокационных действий классового врага, во второй половине февраля 1930 года на фоне общих несомненных успехов коллективизации в ряде районов появились опасные признаки недовольства крестьянства. Кое-где кулакам и их агентам удалось даже подбить крестьян на прямые антисоветские выступления»¹²⁴).

Как всегда в таких случаях, большевистские вожди нашли нужным свалить вину с себя на других. 2 марта 1930 года появилась статья Сталина в «Правде» «Головокружение от успеха», где «со всей силой подчеркивался принцип добровольности колхозного строительства»¹²⁵), и в результате которой пострадало много коммунистов, не-

124) Краткий Курс, укр. изд., стр. 294.

125) Там же, стр. 295.

посредственно проводивших коллективизацию в деревне. В результате этого принципа «добровольности» колхозного строительства в первые же месяцы 1930 года число колхозников уменьшилось с 15 миллионов до 5 миллионов (несмотря на все препятствия, чинимые советскими властями выходу из колхозов!). Несмотря на торжественные декларации о «добровольности» вступления в колхозы и даже наказания тех, кто выполнял директивы, сверху, усиленная коллективизация деревни продолжалась принудительным путем. Как продолжалась эта коллективизация и какие результаты давала она, об этом также очень хорошо сказано в «Кратком курсе истории партии». Передается все это для того, чтобы выдвинуть заслуги большевистской партии — показать, какую она «помощь оказала колхозам», принявши решение в январе 1933 года об организации политических отделов при машинно-тракторных станциях, обслуживающих колхозы, и послав в деревню 17 тысяч коммунистов¹²⁶). Для всех же это изображение положения в колхозах прекрасно объясняет возникновение страшного голода на юге России (главным образом Украина и Северный Кавказ), унесшего 10 000 000 крестьян.

«Но колхозное строительство, — говорит «Краткий курс истории партии», — развивалось пока что не вглубь, а вширь, не по линии улучшения качества работы колхозов и их кадров, а по линии увеличения количества и охвата колхозами все новых и новых районов»¹²⁷).

В работе колхозов устанавливаются следующие недостатки.

«Выяснилось, что плохо еще был организован в колхозах труд, слаба была трудовая дисциплина. Во многих колхозах доход делился не по трудовым дням, а по едокам. Часто выходило так, что лодырь получал больше хлеба, чем старательный честный колхозник. В связи с такими недостатками колхозного руководства понижалась заинтересованность колхозников в работе, было много невыходов на работу, даже в самую горячую пору, часть колхозных посевов оставалась необработанной до снега, а сама уборка производилась небрежно, давала огромные потери зерна. Обезличка машин и лошадей, отсутствие личной ответственности в работе ослабляли колхозное дело, уменьшали доходы колхозов»¹²⁸).

О роли кулаков, то есть только хозяйственных крестьян, говорится следующее:

«Проникая в колхозы, они тихой сапой наносили вред колхозам. Всюду они старались разложить колхозы изнутри, развалить колхозную трудовую дисциплину, запутать учет ура-

---

126) Там же, стр. 303.

127) Там же, стр. 301.

128) Там же, стр. 302.

жая, учет труда. Кулаки поставили ставку на истребление конского поголовья в колхозах и сумели погубить много лошадей. Кулаки сознательно заражали лошадей сапом, чесоткой и другими болезнями, оставляли их без всякого ухода и т. д. Кулаки портили тракторы и машины»¹²⁹).

В результате таких порядков возник страшный голод на юге России. Однако в 1933 году большевикам все же удалось справиться с крестьянами на юге России. Часть из них они сознательно предали смерти, не оказав им никакой помощи, часть же разошедшихся по городам крестьян вернулась домой в деревню, не найдя себе работы в городах. В этот период большевики открыто заявляли — «пускай, кто не хочет работать в колхозах, подыхает, остальные будут работать» и в то же время наглядно показывали крестьянам, что они могут без них обойтись: именно они мобилизовали в городах всех трудоспособных рабочих и служащих и послали их на уборку урожая: будучи поставленными в прекрасные условия и будучи в изобилии снабжены всеми нужными сельскохозяйственными машинами, рабочие и служащие справились с возложенной на них задачей. Крестьянам ничего не оставалось, как работать в колхозах. Теперь начинается самый счастливый период в советской истории: в 1935 году на съезде стахановцев Сталин официально провозгласил: «жить стало лучше, жить стало веселей». Насколько жить стало лучше и веселее для колхозников, об этом свидетельствуют следующие советские данные. Перед самой войной с Германией советская власть отрезала усадебную землю у крестьян, которые, по ее мнению, недостаточно работали в колхозах, то есть отобрала сады и огороды, оставив им лишь то место, где стоял дом. Но зато во время войны и после нее, по словам Андреева, на основании наблюдений 90 % колхозов, произошло 2225 случаев захвата колхозной собственности и всего было захвачено 5 780 000 гектаров колхозной земли¹³⁰). В 1946 году в сентябре издается декрет Совета Министров и ЦК коммунистической партии, отмечающий «серьезные нарушения колхозного устава: а) неправильное начисление трудодней и б) расхищение колхозной земли и другого колхозного имущества; декрет отмечает наличие в колхозах «рвачей» и «дармоедов», содержание множества лишних лиц, как сапожников, портных, парикмахеров, а также нарушение колхозной «демократии» (председатель колхоза не выбирался колхозниками, а назначался властями, колхозники не принимали никакого участия в решении дел колхоза и т. д.). Декрет 1948 года подтверждает необходимость изгнания из колхозов «лишних работников». 19 апреля 1948 г. выходит постановление Совета Министров СССР о повышении устарелых норм выработки и о введении новых расценок

---

129) Там же, стр. 303.

130) «Правда» от 19 сентября 1947 г.

для зачета трудодня (обычно трудодень равен нескольким рабочим дням); это значит, например, что колхозник отныне обязан за день вспахать на 1/3 гектара больше, а за каждый вспаханный гектар получает теперь на 1/3 меньше. С того же 1948 года колхозники не имеют права иметь свои сельскохозяйственные машины, а должны нанимать их за дорогую цену в МТС. До 1950-51 года работа в колхозах выполнялась бригадами (примерно 60 человек), а бригада распадалась на звенья (примерно 10-12 человек); после же нашли, что бригады и звенья подрывают основные принципы колхозного земледелия и разлагают единство колхоза, а потому их распустили и увеличили роль председателя колхоза. 8 марта 1950 года Хрущев провозгласил необходимость укрупнения колхозов и сселение крестьян из их прежних домов агрогорода (где уже не будут иметь своего огорода, своей птицы, своей коровы и т. д.). Конечно, это укрупнение и в особенности сселение встретило большие затруднения, но, тем не менее, по советским данным, 254 тысячи колхозов, существовавших в 1950 году, были сведены к 94 тысячам колхозов. До смерти Сталина представители советской власти не переставали восхищаться достижениями советского земледелия и скотоводства — вопреки всякой очевидности, но 15 сентября 1953 года в «Правде» был напечатан доклад Хрущева, в котором он показал плачевное положение и советского земледелия, и советского скотоводства. Нам остается только остановиться на материальной обеспеченности колхозников. До войны колхозник получал на один трудодень обычно 1¹/₂-2 килограмма зерна. Как обстоит дело теперь? В журнале «Крокодил» от 10 декабря 1953 года, № 34 в рассказе Федора Кравченко «Савва Терентьевич» (председатель колхоза) повествуется, как этот председатель добился того, что колхозники получают 4 килограмма зерна на один трудодень. «Шутка сказать: четыре килограмма зерна» — наивно замечает автор, а колхозники, обращаясь к этому председателю, замечают: «зачитно мы живем при тебе» (стр. 12). Сколько же получают обычно колхозники? Теперь мы можем понять, что такое «советское социалистическое государство рабочих и крестьян». Это — такое государство, в котором рабочие и крестьяне являются настоящими рабами советских социалистов.

XIV. СОЦИАЛИЗМ НАСТОЯЩИЙ И СОЦИАЛИЗМ ДЕКОРАТИВНЫЙ

Социализм, как мы могли убедиться из краткого рассмотрения этого понятия, и из понимания его Марксом и Энгельсом, есть такое общественное устройство, которое покоится на высшей степени социальности, предполагаемой у людей. Социализм, по самому своему смыслу, есть высшая степень социальности. И вот этого понятия социальности мы совсем не встречаем в советском социализме.

Прежде всего советский социализм имеет в виду не известные отношения между людьми, а совершенную технику и высокую производительность труда. Капитализму прежде всего противопоставляется с советской стороны «самая лучшая техника в мире» и «самая высокая производительность труда» — «стахановщина». Конечно, и то и другое отражает не действительное положение вещей, а только желаемое и рекламируемое: это — не реальность, а только в значительной степени видимость. Большевики не переставали кричать, что у них «техника — первая в мире». Как-то народный комиссар промышленности Орджоникидзе открыл секрет, почему в советской России «самая передовая техника в мире»: большевики не жалеют никаких средств и покупают во всех странах только все самые совершенные машины, тогда как в этих странах, наряду с совершенными машинами, работает и много старых машин. Таким образом передовая большевистская техника свидетельствует лишь о богатстве страны ими захваченной, а отнюдь не о наличии у них самостоятельного творческого духа. К этому надо добавить, что, покупая самые совершенные машины, большевики весьма часто не умели работать на них, не умели обращаться с ними. Поэтому и получается такое парадоксальное положение, что, заключая незадолго до второй мировой войны торговые договоры с такими земледельческими странами, как Венгрия и Болгария, большевики экспортировали туда лишь свое сырье.

Вполне естественно, что наряду с техникой большевики непрерывно хвастались своей высокой производительностью труда. Действительно, так называемое стахановское движение¹³¹⁾, показывает такие высокие образцы производительности труда, понять которые сначала почти не представлялось возможным. Например, в 1 типографии в городе Харькове в царское время один наборщик за 10 часов работы набирал 6 000 знаков; примерно в 1929 году в той же типографии за 8 часов работы один наборщик набирал 8 000 знаков; в 1937 году один наборщик в той же типографии — стахановец — набирал за 8 часов 24 000 знаков. Когда однажды один каменщик-стахановец уложил за один день работы 5 000 кирпичей, то я обратился с вопросом к одному знакомому каменщику, как это возможно; в ответ на это он сказал, что он сам этого не понимает, так как если представить себе 5 000 кирпичей, то это обозначает обоз тележек, на которых возят в России кирпичи, заполняющих целую длинную улицу, и что, если бы он сам не уложил, а только перетащил эти 5 000 кирпичей, то его руки, — он показал свои грубые и мозолистые руки, — обратились бы в сплошную кровавую массу. На самом же деле секрет высокопроизводительной стахановской работы заключал-

---

131) Стахановское движение началось 31 августа 1935 года — забойщик Алексей Стаханов добыл из своей шахты «Центральное Ирмино» в Донецком бассейне, вместо обычных 7 тонн угля, 102 тонны угля.

ся в том, что перед стахановской работой происходило строжайшее разделение труда, так что сам «стахановец» выполнял одну какую-нибудь функцию, все же связанное с этой функцией и необходимое для нее выполняли другие. При таких условиях и производительность труда стахановца, разумеется, повышалась во много раз, но так как для выполнения этой функции привлекались и многие другие рабочие, которые раньше, до «стахановского» выполнения этой функции, не работали здесь, то отнюдь не было ясно, что «стахановская» работа в **общем масштабе была выгоднее обычной**. Впрочем, для большевиков это и не было важно. Всякий раз, когда какой-нибудь стахановец устанавливал какой-нибудь «рекорд», повышая производительность труда на 2 000-3 000 %, большевики обращались ко всем рабочим этой специальности с такого рода заявлением: конечно, вы повысить так производительность своего труда не можете, однако, на 100-200 % вы можете и обязаны повысить вашу производительность, разумеется, при старых условиях. Таким образом, стахановцев можно назвать также «орудием эксплуатации масс».

Однако, даже эта «самая передовая техника в мире» и «самая большая производительность труда» были не только в значительной степени простой видимостью сами по себе, но, кроме того, являлись искусственно выдернутыми из общей техники и производительности труда всей страны: получалась очень странная картина — эта «самая передовая техника в мире» и эта «самая высокая производительность труда» постоянно и повсеместно уживалась со средневековой техникой и самой примитивной и отсталой производительностью труда. Легко себе представить, сколько труда требуется в холодном и необъятном Советском Союзе, чтобы напилить и наколоть дрова. И вот крестьяне до настоящего времени пилят и колят дрова — не только в деревнях, но и в городах — ручными пилами и топорами так, как это делалось многие сотни лет тому назад в России. Между тем, например, в Германии пилят дрова механическими пилами, (приводимыми в движение электричеством или же специальными моторами), а колят их специальными машинами, в которые человек только подкладывает поленья и собирает на земле выброшенные туда машиной дрова. Вследствие этого та работа, на которую в Советском Союзе тратят долгие часы, в Германии выполняется буквально в несколько минут. Сколько же дорогого времени теряется на эту работу во всем Советском Союзе? В Советском Союзе стирают белье — даже в городах — до сих пор руками в тазах. Живя в Советском Союзе в общественной квартире, я слышал каждый день звуки стирки белья, начиная с раннего утра и до позднего вечера. Прачечных в Советском Союзе крайне мало, так что нелегко отдать туда белье. Кроме того, это стоит очень дорого, моют там белье плохо и портят его. До войны я разговаривал с голландками, которые страшно удивлялись ручному — долгому и трудному — способу мытья белья

в Советском Союзе и тогда уже рассказывали, что в Голландии все моют белье машинами. Конечно, теперь в Советском Союзе уже имеются стиральные машины, но ими могут пользоваться лишь очень немногие привилегированные лица: во-первых, потому что они очень дороги и совершенно недоступны для огромного большинства обнищавшего населения Советского Союза, и, во-вторых, электрическая проводка в большинстве городов Советского Союза настолько плоха что она не может выдержать работу стиральной машины (часто она не выдерживала работу простого кипятильного прибора). Между тем в Соединенных Штатах Америки никто не моет белье ручным способом дома: американская семья либо имеет свою собственную стиральную машину, либо стиральная машина имеется в подвале всякого большого дома, либо отдают белье в прачечные, которые попадают на каждом шагу, либо отдают белье в прачечные со стиральными автоматами, которые через полчаса дают выстиранное уже белье. Сколько же дорогого времени теряется на стирку белья во всем Советском Союзе? Эта расточительность труда в Советском Союзе постоянно бросается в глаза. Например, в Советском Союзе варят гречневую кашу 3 часа, а в Соединенных Штатах Америки обработанную уже гречневую крупу варят 10 минут; в Советском Союзе на чистку туфель идет 10 минут, а в Соединенных Штатах — 2 минуты и т. д.

Однако не только техника и производительность труда в Советском Союзе не свидетельствует о наличии в этой стране настоящего социализма, но об отсутствии этого социализма еще гораздо более ярко говорят отношения людей между собой. Здесь мы не только не встречаемся с высшей формой социабельности, но, наоборот, здесь мы встречаемся с высшей формой антисоциабельности, которой не было в царской России и нигде нет в остальном свободном мире. Об этой антисоциабельности ясно свидетельствует и вся общественная советская жизнь с ее непрерывными доносами на самых близких людей, с ее постоянной критикой, носящей всегда характер травли неугодных начальству лиц, с ее неумеренным подхалимством перед вождями и т. д. Разумеется, эту антисоциабельность проявляют не только советские граждане, но в особенности и сама советская власть. Так, во время ежовщины в 1937 году иностранные рабочие, приверженцы Сталина, бежавшие в Советский Союз, были большей частью расстреляны (не меньше $\frac{3}{4}$ этих рабочих), так как они не имели защиты от своего государства¹³²). В это же самое время советская власть выдавала немецких рабочих-коммунистов Гестапо, рассылая совершенно открытые послания, в которых разоблачалась

---

132) Franz Berkenau. Der europäische Kommunismus. Seine Geschichte vom 1917 bis zur Gegenwart, München, Leo Lehnen Verlag, 1951, S. 210-211. Автор бывший видный немецкий коммунист, игравший роль в Советском Союзе.

деятельность этих лиц, как троцкистов и антисталинцев, с указанием их имен и адресов; Гестапо получало эти циркулярные послания и расстреливало указанных лиц; часто их выселяли из Советского Союза в Германию и сейчас же уведомяли об этом Гестапо¹³³).

Классическим образцом антисоциальности советского социализма является ГПУ или НКВД, или МГБ и т. д. Это учреждение было не только карательным органом, но и органом до некоторой степени творческим: оно хватало не только виновных, но и невиновных, тех, которые, по их мнению, должны бы быть виновными. Как известно, при царе господствовало общепринятое юридическое правило — «onus probandi» (бремя доказательства лежало на том, кто обвинял кого-либо в чем-либо). При большевиках это правило с самого начала властвования не имело силы — «onus probandi» лежало на самом обвиняемом, например, «докажи, что ты не был белым офицером». Впоследствии в своей юстиции большевики пошли еще дальше: обвиняемый должен был только безоговорочно признаться в том, в чем находили нужным его обвинять, например, в том, что он немецкий или английский шпион, что он намеренно портит машины, что он думал убить Сталина, что он (если это был врач) намеренно отравляет население и т. д. (сравни, например, все громкие показательные судебные процессы). Отсюда и проистекают невероятно рафинированные пытки ГПУ (например, долговременное лишение сна, ломающее волю и сопротивление, избивание и калечение, угрозы сослать или уничтожить семью, впрыскивание таких средств, как актедрон, уничтожающих собственную волю и т. д.), при помощи которых большевики всегда, без исключения, добивались желательного для них признания. Разумеется, всегда найдутся люди, которые будут утверждать, что все это клевета на «орган пролетарского правосудия», (пока они сами не попали в лапы этого органа). Однако на основании самих советских документов можно доказать то, что ГПУ: а) придумывало фиктивные обвинения и б) разными насилиями заставляло признаваться в этих вымышленных преступлениях. Дело в том, что, когда в 1938 году ГПУ так сильно развило свою творческую деятельность, что затронуло прямо или косвенно почти все советское население и этим вызвало грозное негодование этого населения, Сталин и руководящие большевики, как всегда в таких случаях, стали выгораживать себя и сворачивать всю вину на исполнителей их воли, то есть на органы ГПУ. Был уничтожен «все-народный любимец», как официально назывался Ежов, были арестованы и большею частью расстреляны почти все выдающиеся деятели ГПУ и даже против них проводились открытые судебные процессы, на которых их обвиняли в создании фиктивных процессов и в при-

---

133) Там же, стр. 213.

менении насилия для вынуждения показаний. Конечно, деятели ГПУ сознавались во всем, в чем их обвиняли, и подвергались расстрелу¹³⁴): Подобный же случай произошел после смерти Сталина с Кремлевскими врачами, по преимуществу евреями. Вначале они сознавались, что они отправляли на тот свет и намеревались отравить еще целый ряд видных советских деятелей. Затем они были выпущены на свободу, и официально было провозглашено, что они ни в чем невиновны и признание у них было получено недозволенным насилием.

Хотя невероятно аморальная и безудержно насильственная деятельность в течение 37 лет того советского органа, который родился под названием ЧК, и не может подвергаться сомнению, но ввиду попыток советской власти иногда переложить на него с себя ответственность, мы приведем для образца постановления самой советской власти, которые неопровержимо свидетельствуют о ее глубочайшей антисоциальности. Так, закон от 7 апреля 1935 года постановляет, что несовершеннолетние, начиная от 12-летнего возраста, в случае совершения преступления, предаются уголовному суду с применением к ним всех мер уголовного наказания, вплоть до смертной казни. Этот закон не только не отменен, но 7 июля 1941 г. распространен в том смысле, что все эти меры уголовного наказания применяются к детям в случае совершения преступления не только умышленно, но и по неосторожности. Или вот другой подобный закон от 8 июня 1943 года: в том случае, когда находящийся на военной службе **убегает за границу**, то взрослые члены его семьи, если они каким-либо образом содействовали этому акту измены **или же только знали об этом и не сообщили об этом властям**, наказываются заключением в тюрьму от 5 до 10 лет с **конфискацией всего их имущества**. Поэтому нет ничего удивительного в том, что югославский коммунист Цилига, побывавший в Советском Союзе и наблюдавший на тамошние порядки, делает характерное замечание, что тот, кто не знаком с советскими тюрьмами, каторгой и концентрационными лагерями, «где люди мрут, как мухи, где их убивают, как собак, где их заставляют работать, как рабов», тот не имеет никакого представления о советской России и о сталинском «бесклассовом обществе»¹³⁵).

«Если бы я сам там не был, — добавляет он, — если бы я не видел все это своими глазами, то я никогда бы не поверил, что эти вещи возможны в стране Октябрьской революции»¹³⁶).

Советский социализм носил характер антисоциальный не только по отношению к гражданам Советского Союза, но и к другим го-

---

134) Напр., процесс Молдавского ГПУ во главе с народным комиссаром внутренних дел; украинская правительственная газета «Вісті» от 30 и 31, XII. 1938 и 1. I. 39 г.

135) Ciliга. Указ. соч., стр. 94.

136) Там же, стр. 94.

сударствам. Хорошо известно, как в начале октябрьской большевистской революции советская власть сурово осудила прежнюю царскую политику и, в противоположность ей, отказалась отныне от всякого рода захвата чужой территории, тайной дипломатии и привилегий в чужих странах, например, в Китае или Персии. Мало-помалу, однако, она вернулась ко всему этому, превосходя не только царскую Россию, но и все другие «капиталистические» и «империалистические» страны своим цинизмом и своим непомерным аппетитом в области иностранной политики. Очень характерен уже пакт о ненападении советского социалистического государства с фашистской Германией в августе 1939 года, в котором в секретном протоколе, в пункте 2-м говорится о размежевании сфер влияния в Польше между Советским Союзом и фашистской Германией и ставится даже вопрос, «желательно ли в интересах обоих договаривающихся сторон сохранить независимое польское государство?» И вот в сентябре того же года Советский Союз перешел границы разбитой уже Польши и захватил ее восточные области. По совету Риббентропа (в письме к Молотову от 15 сентября 1939 г.) советская власть мотивировала свое вторжение в Польшу заботой о своих братьях — украинцах и белорусах, хотя, как передает немецкий посланник, еще накануне вторжения в Польшу, то есть 16 сентября Молотов открыто сознался ему, что «Советский Союз никогда не беспокоился о положении этих меньшинств в Польше». В сентябре того же 1939 года Советский Союз заключил договор с тремя балтийскими государствами (Латвией, Эстонией и Литвой) и установил в них свои воздушные и морские базы, а в июне 1940 года занял своими войсками эти государства и установил в них советский режим. В ноябре 1939 года Финляндия «напала» на Советский Союз, и после позорной для Советов войны у нее отторгли Карельский перешеек с Выборгом, берег Ладожского озера и части восточного берега. В июне 1940 года, после ультиматума Румынии, Советский Союз занял Румынию и северную Буковину (которая никогда не принадлежала России). После успешной войны с Германией Советский Союз занял части Восточной Пруссии с Кенигсбергом, Закарпатскую Украину (входившую в состав Чехословакии), южную часть Сахалина и Курильские острова (принадлежавшие Японии). После этой же войны в сферу влияния Советов вошли: Польша, Восточная Германия, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария и Албания, превратившиеся в «народные демократии», в которых постепенно вводятся советские порядки: национализация промышленности, осторожная коллективизация сельского хозяйства и т. д.

Однако, несмотря на такой явно выраженный антисоциальный характер советского социализма, советские вожди все же усиленно утверждают, что Советский Союз уничтожил все антагонистические классы, сравнил всех своих граждан и все они живут в тесной дружбе и единении. Очень ясно говорит об этом Сталин:

«Особенность советского общества нынешнего времени в отличие от любого капиталистического общества состоит в том, что в нем нет больше антагонистических классов, враждебных классов, эксплуататорские классы ликвидированы, а рабочие, крестьяне и интеллигенция, составляющие советское государство, живут и работают на началах дружественного сотрудничества. . . Советское общество, освобожденное от ига эксплуатации, не знает таких противоречий (как в капиталистическом обществе. — А. Ф.), свободно от классовых столкновений и представляет картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции»¹³⁷).

Конечно, этой идиллии, нарисованной Сталиным, резко противоречат положительные факты. Действительно, в начале большевистской революции все получали приблизительно одинаковую заработную плату, однако, уже 23 июня 1931 года сам Сталин на конференции экономистов провозгласил, что одинаковая плата для всех «несправедливая», что ее надо выкинуть за борт, словом «долгой уравниловку». С этого времени начинается расслоение советского общества на бедных и богатых. Еще до войны с Германией, как я сам наблюдал, уборщица получала ежемесячно 70 рублей, хороший инженер — 2 000 рублей и сотрудник «Правды» — 8 000 рублей. С тех пор расслоение советского общества на бедных и богатых шло все дальше и дальше. Вот довольно известная таблица денежного вознаграждения в Красной Армии (о ней говорит Артур Кестлер (Koestler) в своей книге «Der Jogi und der Kommissar»): солдат получает 10 рублей в месяц, лейтенант — 1 000 р. и полковник — 2 000 рублей; в современной британской армии оплата солдат и оплата офицеров относятся, как 1 к 4, в американской, как 1 к 3, а в советской, как 1 к 100. Советские несколько не скрывают, что у них имеются миллионеры, например, писатели и артисты (Алексей Толстой, артист-певец Утесов и др.). В 1944 г. в Англии даже вышла брошюра под названием «Советские миллионеры». Разницу между советскими миллионерами и миллионерами в капиталистических странах большевики усматривают в том, что их миллионеры не «эксплуатируют рабочих и крестьян». Разница в получаемом содержании в Советском Союзе огромная. Простой рабочий получает 3 000 рублей в год, а председатель и вице-председатель Совета Союза — 300 000 рублей. Нет ничего удивительного, что народился особый слой советской аристократии. Генералы, маршалы, писатели и артисты получают в свое владение поместья, дворцы и дома. В Суворовское военное училище принимают почти исключительно детей офицеров, а офицеры обязаны жениться только на воспитанных и образованных женщинах. Впрочем, все советские вожди побросали своих прежних жен и переженались на женщинах «буржуазного» происхождения, которые стремятся занять в

---

137) И. Сталин. Речь на XVIII съезде партии в 1939 г.

советском обществе видное положение, занять прекрасную квартиру, иметь свой автомобиль, роскошно одеваться и т. д.¹³⁸). Это наблюдение бывшего коммуниста, игравшего роль в Советском Союзе, вполне совпадает с тем, что и мне пришлось наблюдать и слышать в Советском Союзе. Очень любопытны наблюдения этого же югославского коммуниста, жившего в Ленинграде в доме партии, где жил тогда и Киров, над советской аристократией: здесь «уважали» только лишь тех, кто «занимал важное положение в обществе» и ценность человека измерялась «его квартирой, его мебелью, его одеждой, его положением в административной иерархии»¹³⁹), советские аристократки «думали только о том, чтобы поразить своими туалетами, своими ложами в театре, эlegantностью своей квартиры, разговорами о своем пребывании на курортах и путешествии за границу»¹⁴⁰). Замечательно то, что, подобно тому как советская власть пыталась закрепить наследственным образом полученные привилегии (обучение в Суворовских училищах, в высших учебных заведениях, где была введена плата за учение), так старалась она закрепить по наследству и положение рабочих: 2 октября 1940 года вышел закон о ремесленных училищах — всякий год мобилизовалось 800 000 — 1 000 000 молодых людей, которые после обучения обязаны были работать на производстве. Об ужасном положении простых рабочих и крестьян мы уже говорили. К этим кадрам рабочих, живших на свободе (условной) надо добавить еще 15-миллионную армию рабочих, живущих в концентрационных лагерях и исполняющих рабский труд.

Теперь, после всего приведенного выше, мы можем по достоинству оценить цитированные выше слова Сталина о том, что советское общество не знает эксплуатации, в нем нет антагонистических классов и все советское общество представляет картину дружественного сотрудничества. Конечно, эксплуатация рабочих и крестьян в нем процветает немилосердная, доселе нигде невиданная. Но даже если мы возьмем не советских эксплуататоров, а советских миллионеров, «неэксплуатирующих рабочих и крестьян», например, писателей, артистов и проч., то картина социальной несправедливости в Советском Союзе вырисовывается еще гораздо более ярко, чем в других странах, ибо это богатство выделяется более ярко на фоне общей нищеты. Конечно, эти советские миллионеры сами не эксплуатируют рабочих и крестьян, подобно тому, как содержанка богатого помещика, фабриканта и ростовщика тоже не эксплуатирует их, но она только получает плоды этой эксплуатации и прокучивает и прожигает их — для нее их эксплуатируют другие. Нельзя согласиться с тем, что советское общество представляет картину дружественного сотрудничества, раз плоды труда отнимаются у одних и передаются другим, раз отнимается от недостатка одних (многочисленных) и добавляется к излишку других (малочисленных).

138) Ciliга. Указ. соч., стр. 38.

139) Там же, стр. 80.

140) Там же, стр. 81.

ХV. ЧТО ВНЕСЛИ НОВОГО В МАРКСИСТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ ЛЕНИН И СТАЛИН?

Еще задолго до захвата власти Ленин постарался переделать марксизм в том смысле, чтобы в процессе наступления социализма придать решающую роль сознательной воле и умению отдельных индивидуумов. Так, уже в 1902 году в своей книге «Что делать?» Ленин, признавая огромное значение революционной теории для революционного движения, полагает, что только партия, руководствуясь этой теорией, может выполнять роль передового борца в деле освобождения рабочих; классовое политическое сознание рабочих может быть принесено им только извне, и принесено именно партией; полагаться на стихийность революционного процесса совершенно невозможно; должна быть создана боевая, единая, централизованная партия, которая только и способна развивать революционное рабочее движение и разрешить стоящие перед рабочим классом задачи. В 1904 году выходит новая книга Ленина «Шаг вперед, два шага назад», в которой он обосновывает учение о партии, как о руководящей организации пролетариата в его борьбе за установление своей диктатуры. В этой книге Ленин доказывает что революционная марксистская партия есть часть рабочего класса, причем его наиболее сознательная и передовая часть, хорошо знакомая с законами развития общества и борьбы классов; эта партия есть как бы вождь рабочего класса и его боевой штаб; она не полагается на стихийность рабочего движения, но ведет это движение; она находится в первых рядах борющегося пролетариата, вносит в него организованность и дисциплинированность; поэтому и сама партия должна быть спаяна единством воли и строжайшей дисциплиной; эта партия может выполнить свою задачу только в том случае, если она будет организована на началах централизма с единым уставом, единой партийной дисциплиной и единым руководящим органом. В 1905 году в своей новой книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции», Ленин, повторяя свои мысли о роли партии и считая пролетариат основной силой в революции, выставляет и часто повторяет весьма важное положение о союзе рабочего пролетариата с крестьянством, который необходим для успешности революции. Очень важна и работа Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», написанная в 1916 году, в которой Ленин доказывает, что при развитии империалистического капитализма, одновременная победа социализма во всех странах является невозможной, а возможна победа социализма в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Наконец, говоря о политике, Ленин как будто бы признает, что экономическая структура общества определяет политику, но с другой стороны, он утверждает, что «политика есть концентрированное выражение экономики. . . Политика не может не иметь первенства над экономикой».

Сходные идеи высказывает вслед за Лениным и Сталин. В своей работе «Анархизм или социализм?» (серия газетных статей в 1906-1907 г.). Сталин доказывает, что подлинными социалистами и революционерами являются только марксисты, признающие необходимость для переустройства общества диктатуры пролетариата; социалистическая революция не придет сама, но ее надо организовать, надо внести извне сознательность в рабочий класс, надо создать единую дисциплинированную марксистскую партию для всего этого и т. д. Как мы уже отмечали, на XV съезде коммунистической партии осенью 1926 года Сталин высказал убеждение, что социализм может быть построен в одной стране. Наконец, отметим речь Сталина перед работниками социалистической промышленности 4 февраля 1931 года, в которой он говорит, что **«все объективные условия и возможности»** для развития в Советском Союзе имеются: а) природные богатства, б) политическая власть рабочего класса, в) советский строй и г) партия, и считает, что развитие зависит **«только от нас»**, не упоминая ни единым словом о **закономерно развивающемся обществе**.

Очень любопытно, что Ленин постарался, несмотря на свой интернационализм, придать большевистскому социализму некоторый русский характер.

Вместе с этим наблюдением мы естественно подходим к русским источникам учения Ленина и Сталина. Возникает вопрос: не есть ли революционный большевизм чисто русское явление, ведущее свое происхождение от таких русских революционеров, как Бакунин, противник Маркса, или русских социалистов-революционеров, сторонников крестьянских масс, в своем учении и в своей тактике игнорировавших марксизм. И действительно, может показаться, что большевики в значительной мере осуществили программу этих русских революционеров. В революционном журнале «Народное Дело» (1868-70), выходящем сперва под редакцией Бакунина, в программе журнала значится:

«Мы сторонники атеизма и материализма... Мы хотим: 1) упразднение права собственности; 2) уравнение прав женщины... уничтожение семейного права и брака как церковного, так и гражданского; 3) воспитание детей должно лежать на попечении свободного общества... Земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своими руками — земледельческим общинам; капиталы и все орудия производства — работникам, рабочим ассоциациям»¹⁴¹).

Партия же «Народная Воля» вела политическую борьбу с целью завоевания социалистического строя, прибегая для этого к террористическим актам (например, брат Ленина — Ульянов покушается на жизнь императора Александра III, иногда они грабят банки и каз-

---

141) «Народное Дело» — статья в Энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона, дополнительный том II, Петербург, 1906, стр. 241.

начейства). При этом партия исходила из убеждения, что русский народ

«находится в состоянии полного рабства, экономического и политического. . . Его облегают слои эксплуататоров, создаваемых и защищаемых государством. . . Государство составляет в стране крупнейшую капиталистическую силу; оно же составляет единственного политического притеснителя народа. . . Этот государственно - буржуазный нарост держится исключительно голым насилием. . . Русский народ по своим симпатиям и идеалам является вполне социалистическим; в нем живы его старые традиционные принципы — право народа на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федеративного устройства, свободы совести и слова».

Ввиду всего этого партия «Народная Воля» ставит задачей «политический переворот с целью передачи власти народу». Орудие переворота, по мнению партии, учредительное собрание. Приведем из программы партии еще следующие пункты: «. . . 4) принадлежность земли народу; 5) система мер, имеющих передать в руки рабочих все заводы и фабрики»¹⁴²).

Впрочем, были русские революционеры, которым даже и Бакунин с народовольцами казались отсталыми, — ведь у них все же оставались крупницы обычной нравственности. Известный революционер Нечаев (1848-82) говорит о настоящем революционере, что «он презирает общественное мнение, презирает и ненавидит. . . нынешнюю общественную нравственность». Как известно, сам Нечаев вместе с другими убил студента Иванова за то, что он обнаружил неповиновение его воле. «Даже Бакунин, ближайшим последователем которого был Нечаев, пишет о нем в одном письме (напечатанном в сборнике писем изд. Драгоманова), как о бесчестном человеке, способном шпионить, вскрывать чужие письма, лгать и т. д.»¹⁴³). С другой стороны, и эти революционеры считали (Бакунина и Лаврова «буржуазными псевдо-революционерами»¹⁴⁴). Эти революционеры Нечаев и Ткачев своей полной аморальностью вполне антиципируют Ленина и Сталина, а также и своим революционно-социалистическим радикализмом. «Народная Расправа», журнал, издаваемый с 1869-71 Нечаевым в Женеве, в номере 1 говорит:

«Всенародное восстание замученного русского люда неминуемо и близко. . . Мы хотим народной мужицкой революции. . . Мы беремся сломать гнилое общественное здание. . . До начала всеобщего народного восстания нам необходимо придется истребить целую орду грабителей казны, подлых царских льсте-

---

142) «Народная Воля» — статья в том же томе того же словаря, стр. 239-240.

143) Статья «Нечаев», там же, стр. 274.

144) Статья «Набат», там же, стр. 233.

цов, народных тиранов... Надо избавиться от лжеучителей, доносчиков, предателей, грязнящих знамя истины»¹⁴⁵).

А журнал «Набат», издаваемый в Женеве с 1875 по 1881 Ткачевым и являющийся продолжателем журнала «Народная Расправа», ставит своей задачей:

«1) преобразование нынешней крестьянской общины в общину - коммуну; 2) постепенная экспроприация орудий производства и передачи их в общее пользование; 3) введение учреждений, устраняющих необходимость частного посредничества при обмене продуктов... 4) постепенное устранение физического, умственного и нравственного неравенства между людьми... 5) уничтожение существующей семьи, основанной на рабстве женщин и детей; 6) развитие общинного самоуправления и постепенное ослабление и упразднение центральных функций государственной власти. Последнее отодвигали в далекое будущее»¹⁴⁶).

Таким образом, по видимости, можно было бы утверждать, что Нечаев и Ткачев являются такими же учителями Ленина и Сталина, как и Маркс и Энгельс. Действительно, было бы бесполезно отрицать русское влияние при возникновении большевизма. Однако при этом возникает вопрос, можно ли только русским влиянием объяснить возникновение большевизма? Конечно, возникновение революционного большевизма гораздо сложнее и коренится, кроме того, в общереволюционных и общесоциальных предпосылках.

Мы уже отмечали, что характерной чертой учения Ленина и Сталина является выдвигание на первый план, в противоположность принципу стихийности, принципа неограниченной активности. Откуда это? Есть ли это специфическая русская черта? В свое время знаменитый хирург Н. Пирогов писал о приверженцах коммунизма в России следующее:

«Упорство, настойчивость, выдержка, самоотвержение и вообще энергия зла — замечательны в этих деятелях — в этом надо им отдать полную справедливость. Откуда все это? Совсем не узнаешь своих соотечичей в этих адски энергических деятелях».

При этом Пирогов замечает, что к группе этих коммунистов относятся лица разных сословий и национальностей, хотя больше всего великороссов и украинцев¹⁴⁷). Из этого замечания Пирогова так же, как и из современных наблюдений, следует, что «энергия зла» вытекает и у наших революционеров не из принципа национальности

---

145) Статья «Народная Расправа», там же, стр. 241.

146) Статья «Набат», там же, стр. 233.

147) Сочинения Н. И. Пирогова. Дневник старого врача, т. I, С.-Петербург, Типография М. М. Стасюлевича, 1887, стр. 281.

(Ленин — великоросс, Сталин — грузин, Троцкий — еврей, Дзержинский — поляк, Скрышник — украинец), а из принятого принципа революционности. Это — хороший пример того, как воспринятые идеи, завладевши целиком сознанием, совершенно меняют человека.

Вторым элементом, повлиявшим на возникновение учения Ленина, надо признать глубокий кризис в социальной науке. Мы видели, что в новое время прочно укоренился взгляд на строжайшую закономерность самого социального процесса и на ничтожную роль в ней отдельной личности. Однако как бы мы ни считали отдельную личность за простую абстракцию, но все же действует-то ведь отдельная личность, а абстракция действовать не может, ибо это вещь воображаемая, и, если мы отбросим действие отдельных личностей, то от общества не останется ровно ничего. Стало быть с личностью нельзя так легко разделаться, и это мы видим в настоящее время. Силою вещей наука об обществе все более и более вынуждается, признавая закономерность и естественный ход самих социальных явлений, признавать в этом процессе и роль личности (Тард, Бернгейм, Фиркандт, Эйленбург, Массарик, Плеханов и другие) — держаться, как говорит Оппенгеймер «ни крайне индивидуалистического, ни крайне коллективистического понимания»¹⁴⁸). Второй слабой стороной в современной социальной науке является совершенная неопределенность самого понятия об обществе. Как известно, оно допускает бесконечно различные понимания. Конечно, выдвигая на место государственно-правового объединения общество, современная социальная наука дает более глубокий принцип объединения людей, но зато это принцип гораздо менее определенный, чем прежний, подобно тому, как, выдвигая на место свободного произволения разумного соображения людей естественную необходимость, эта наука дает, хотя и более научное начало, но зато и гораздо менее понятное, чем оно (ибо действуют все люди, все же руководствуясь свободным произволением и разумными соображениями).

Таким образом было бы бесполезным отрицать наличие глубокого кризиса в новой социальной науке. Если можно так выразиться, с Лениным, вначале безусловным поклонником «Капитала» К. Маркса, произошла такая же история, как с главою исторической школы права Савиньи. Вначале Савиньи отрицал вместе с Пухтой роль законодателя в развитии права, но постепенно в своих последующих работах он стал признавать эту роль, и, наконец, по странной иронии судьбы, тот же самый Савиньи, который отрицал вначале пользу брачного законодательства, сам стал разрабатывать проект именно брачного законодательства, когда он стал во главе Министерства законов в Пруссии.

148) Oppenheimer, Allgemeine Soziologie, 2. Halbband, Der soziale Process, Jena, 1923, S. 791. Вся его общая социология носит в значительной мере характер сводки.

Наконец, третьим элементом, повлиявшим на возникновение учения Ленина, является кризис в самом марксизме — именно ревизионизм, о котором мы говорили выше. Конечно, Ленин так же, как и Плеханов, не был ревизионистом. Он твердо и упорно держался учения Маркса, и, конечно, защищал его предвидение хода развития общества, неминуемо ведущего к социализму. Разумеется, в защиту чего бы то ни было всегда можно сказать что-нибудь, в особенности, если эта защита сводится к брани и упрекам по адресу нападающих, как это постоянно бывает у Ленина. Однако, все же **развитие общества пошло совсем не так, как это предсказывал Маркс, и стало быть оно само не могло привести к социализму.** Конечно, все это Ленин хорошо признавал в глубине своей души, быть может даже до некоторой степени бессознательно. И тогда перед ним возникла дилемма: либо ждать хода развития общества, которое никогда не приведет к социализму, либо самому вмешаться в ход этого развития и ввести этот социализм. Ленин выбрал последнее.

И тем не менее все же закономерность социальных явлений существует и на примере с самим Лениным. Он может выставить как решающий фактор в создании и развитии социализма свои желания и свои соображения. Однако и сами желания, и сами соображения Ленина закономерно обусловлены, уже, во-первых, в своем возникновении; закономерно обусловлены, во-вторых, и те реакции в обществе, которые последовали за осуществлением этих желаний и соображений в этом обществе; наконец, закономерно обусловлены и все дальнейшие процессы в развитии общества, которые были приведены в ход как осуществлением этих желаний и соображений, так и реакцией на них в обществе — процессом развития общества, где все прошлое развитие его вместе со всем настоящим состоянием его давит и перерабатывает по-своему все вновь введенные факторы. Этим-то и можно только объяснить то парадоксальное положение, что между желаниями и соображениями Ленина, положенными в основу создания советского социализма, и тем, что получилось на деле в созданном советском социализме, имеется полная противоположность, иногда лишь маскируемая прежними выражениями, но с новым содержанием.

XVI. ПОЧЕМУ ДОЛЖНО СЧИТАТЬ БОЛЬШЕВИКОВ ВСЕ ЖЕ НАСТОЯЩИМИ МАРКСИСТАМИ?

Таким образом мы видим, что между учением К. Маркса, изложенным в заключительной главе I тома «Капитала», и учением Ленина и Сталина, а также большевистской практикой существует полная противоположность. Неудивительно поэтому, что социалисты, оставшиеся верными этому учению Маркса, вроде наших русских меньшевиков, постоянно подчеркивают это, указывая на «извращение» марксизма со стороны большевиков. Это мнение получило на-

столько широкое распространение, что его постоянно высказывают и немарксисты. Так, профессор В. Ростов отмечает, что превращение Лениным русской буржуазно-демократической революции 1917 года в социалистическую было просто «искажением марксизма»¹⁴⁹); что, захватив власть «независимо от существенных марксистских целей», Ленин «упростил марксизм»¹⁵⁰), что Ленин «отбросил марксистское понимание» о проходимых обществом фазах¹⁵¹) и т. д.

Сходное мнение высказывает и Н. Бердяев. Он утверждает, что, хотя большевистская революция и провозглашает осуществление марксизма, но

«она никоим образом не соответствовала вполне идеям Маркса, больше того, она стояла в поразительной противоположности к тому, что он учил, и основательно меньшевики обвиняли большевиков в измене марксистским идеям»¹⁵²).

Хотя большевизм и вырос на почве марксизма, но он вернулся к элементам народничества¹⁵³). «Русский марксизм Ленина побеждает западный марксизм Плеханова, и таким образом Ленин стоит ближе ко взглядам Ткачева, нежели ко взглядам Маркса и Энгельса»¹⁵⁴). Уже у Ленина имеют место «две русских традиции»: «русский социализм» Чернышевского, Нечаева, Ткачева и «государственная власть» Иоанна Грозного и Петра Великого»¹⁵⁵). «В Сталине же это слияние выражается еще сильнее: еще в большей степени он — муж государственной власти. Методы большевистской власти были традиционнорусскими»¹⁵⁶).

И вот, в противоположность этим мнениям, большевики утверждают, что только они — настоящие марксисты, а меньшевики и другие западные социалисты «извратили» марксизм.

Каким образом могут высказываться столь противоположные мнения по одному и тому же вопросу? Объясняется это тем, что у Маркса два лица и одни смотрят на одно лицо у Маркса, а другие — на другое.

В таком положении дел нет ничего необыкновенного и оно постоянно встречается. Нам уже приходилось останавливаться неоднократно на этом вопросе, а потому здесь мы приведем лишь один пример.

---

149) *The Dynamics of Soviet Society* by W. W. Rostow, W. W. Norton and Co, Inc., New York, 1953, p. 20-21.

150) Там же, стр. 24.

151) Там же, стр. 28.

152) *Schweizer Rundschau*, 48. Jahrgang, Heft 2, «Kommunismus», Verlagsanstalt Benziger, Einsiedeln, *Wandlungen des Marxismus in Russland*. Von N. Berdiaeff, S. 194.

153) Там же, стр. 195.

154) Там же, стр. 197.

155) Там же, стр. 198.

156) Там же, стр. 198.

Лев Толстой в своих философско-исторических взглядах в «Войне и Мире», — впоследствии выделенных в особую книжку, — утверждает, что в социальной жизни господствует безусловная необходимость, так что допустить, будто бы люди руководятся своим свободным произволением, это значит превратить всю историю в сплошной хаос — это допущение столь же нелепо, как если бы мы допустили, что в своих движениях небесные тела руководствуются своей свободной волей. В своих же последующих произведениях по моральной и анархической философии Л. Толстой утверждает совсем противоположное, а именно, что человек обладает разумной и свободной волею, так что только от него самого зависит измениться и изменить все общество. И тем не менее, и первый взгляд — это взгляд Толстого, и второй взгляд — это взгляд Толстого. Есть многочисленные противники и сторонники, как первого взгляда, так и второго. Нечто подобное произошло и с Марксом и Энгельсом. Маркс и Энгельс были не только учеными, писавшими книги со ссылками на Гегеля и Аристотеля, придумывавшими различные замысловатые формулы и т. д., но также, и прежде всего, политическими агитаторами, раздувавшими среди обездоленных и обозленных масс пламя ненависти к богатым и власть имущим, устраивавшими везде, где только могли, беспорядки, направленные против существующего строя, и всегда и везде готовыми установить коммунистический строй (начиная уже с революции 1848 года). И в этой своей деятельности Маркс и Энгельс ничем не отличались от Нечаева и Ткачева. Само собою разумеется, что это второе лицо Маркса и Энгельса нашло свое отражение в их литературных произведениях, и в первую очередь, конечно, в «Коммунистическом Манифесте». Большевики как раз и считают «Коммунистический Манифест» своим евангелием и совершенно открыто говорят об этом. Советский профессор Г. Обичкин говорит о «Коммунистическом Манифесте» следующее: «Оценивая историческое значение «Коммунистического Манифеста», товарищ Сталин назвал его «песнью песней марксизма»¹⁵⁷). Не менее восторженно отзывается о нем и Ленин. Ленин говорил, что

«эта небольшая книжечка стоит целых томов: духом ее живет и движется до сих пор организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира» (Ленин, соч., т. II, стр. 10)¹⁵⁸).

Наконец, приводятся еще следующие слова Ленина:

«Мы должны повторить, что мы марксисты и за основу берем «Коммунистический Манифест», извращенный и преданный социал-демократией» (Ленин, соч. т. XXIV, стр. 62)¹⁵⁹).

---

157) Проф. Г. Д. Обичкин. О «Манифесте Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, Москва, 1952 г., Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, стр. 5.

158) Там же, стр. 5.

159) Там же, стр. 18.

И надо прямо сказать, что в этом сочинении Маркс и Энгельс стирают различие между своим учением и учением русских революционеров, в том числе и социал-революционеров, придающих решающее значение крестьянской общине.

Маркс и Энгельс написали свой «Манифест коммунистической партии» в 1847 году, но в своем предисловии к немецкому изданию в 1872 г., то есть уже после выхода в свет первого тома «Капитала» (1867 г.) они замечают:

«Как ни сильно изменились условия за последние двадцать пять лет, основные положения, развитые в этом «Манифесте», остаются в общем и целом совершенно правильными и в настоящее время»¹⁶⁰).

В своем же предисловии к русскому изданию этого «Манифеста» в 1882 году Маркс и Энгельс высказывают свое мнение и относительно возможности возникновения социализма в России. Начинают они с комплиментов русским революционерам: «Теперь (в противоположность периоду 48 года) он (то есть царь) находится в Гатчине, как военнопленный революции, а Россия представляет собою передовой отряд революционного движения Европы»¹⁶¹). Далее Маркс и Энгельс останавливаются на общинном владении крестьян в России и на возможности построить в России коммунизм.

«Возникает вопрос, — пишут они, — может ли русская крестьянская община... непосредственно перейти в высшую коммунистическую форму общей собственности или же она должна сперва пройти тот же процесс разложения, который она проходит в историческом развитии Запада. Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом рабочей революции на Западе, так что обе будут дополнять друг друга, тогда современное русское общинное землевладение сможет послужить исходной точкой коммунистического развития»¹⁶²).

Таким образом, Маркс и Энгельс допускали возможность в России коммунизма даже на основании наличия одной первобытной крестьянской общины. Правда, они обуславливали это также и возникновением вместе с русской революцией и рабочей революции на Западе. Однако ведь за революцией на Западе дело не станет — существует же «солидарность трудящихся всех стран мира», которая к тому же еще более подогревается огромными суммами, идущими из России. Надо иметь еще в виду, что после написанных слов до воз-

---

160) К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, Партийное издательство, Москва, 1933, стр. 3.

161) Там же, стр. 6.

162) Там же, стр. 6.

никновения большевистской революции прошло 35 лет (1882-1917), за какой период в России произошло пышное капиталистическое развитие, так что с марксистской точки зрения и подавно становится возможным возникновение в России коммунизма, тем более, что большевики приняли все меры, чтобы возникла рабочая революция. Впрочем, даже то условие, что для перехода русских общин в коммунизм требуется возникновение революции на Западе не считается самим Марксом обязательным. В 1881 году известная русская революционерка Вера Засулич обратилась к Марксу с письмом, в котором спрашивала его, что он думает о роли русской поземельной общины: может ли эта община развиться в сторону социализма, минуя капиталистическое развитие, или же это просто «архаическая» форма, которая должна неминуемо погибнуть, а к социализму должны привести развившиеся капиталистические порядки. Карл Маркс придавал чрезвычайно большое значение этому письму. Он много занимался этим вопросом сам, прежде чем ответить Вере Засулич, и кроме письма его Вере Засулич и материалов к нему сохранились обширные проекты этого ответа¹⁶³). В окончательном тексте письма Маркс отмечает, что развитие, изображаемое им в «Капитале», относится исключительно к Западной Европе, а отнюдь не к России. Относительно русской поземельной общины Маркс замечает, что ей присущи недостатки — а именно: русские общины это какие-то изолированные мирки, и для того, чтобы спасти общину, «необходима русская революция», таким образом она «может постепенно освободиться от своих примитивных признаков и развиться непосредственно в виде элемента коллективного производства на национальной скале»; в общем, после внесения улучшений, русская поземельная община «является опорой социального возрождения России».

Впрочем, даже и эти уступки, делаемые Марксом русским революционерам, не имеют особого значения, если мы примем во внимание, что Маркс и Энгельс готовы везде и всегда насаждать коммунизм. «Одним словом, — говорит «Коммунистический Манифест», — коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего политического строя. Во всех этих движениях они выдвигают на первое место вопрос о собственности, как основной вопрос движения, независимо от того, принял ли он более или менее развитую форму»¹⁶⁴). Короче говоря, марксисты хотят ввести коммунистический строй путем жесточайшего насилия.

«Коммунисты считают излишним, — говорится открыто в «Коммунистическом Манифесте», — скрывать свои взгляды и

---

163) Об этом см. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими», 2 изд., Москва 1951 и «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», том I, Москва, 1924 под ред. Рязанова.

164) Там же, стр. 51.

намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существовавшего доселе общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией»¹⁶⁵).

Кто же эти «господствующие классы», которые должны «содрогаться» перед коммунистической революцией? Маленькая кучка крупных капиталистов, которые собрали у себя все богатство? Нет, конечно, нет! Совершенно так же, как и большевики, Маркс и Энгельс считают, что

«средние слои — мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник, крестьянин» — они, следовательно, не революционны, а консервативны; даже больше — они реакционны»¹⁶⁶).

В дальнейшем мы можем убедиться, что программа, намечаемая Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом Манифесте», полностью была осуществлена большевиками.

«Пролетариат, — читаем мы здесь, — использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, то есть пролетариата, организованного как господствующий класс и как можно быстрее увеличить совокупность производительных сил. Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные производственные отношения, то есть при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны, как средства для переворота во всем способе производства»¹⁶⁷).

И вот какие конкретные мероприятия рекомендует применять «Коммунистический Манифест» в случае успешной революции.

1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.
2. Высокий прогрессивный налог.
3. Отмена права наследования.
4. Конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков.
5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.
6. Централизация всего транспорта в руках государства.
7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашни и улучшение качества земель по общему плану.
8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий,

---

165) Там же, стр. 51.

166) Там же, стр. 25.

167) Там же, стр. 26.

в особенности для земледелия. 9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению противоположности между городом и деревней. 10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством» и т. д.¹⁶⁸⁾.

И вот, на стр. 36 цитируемого «Коммунистического Манифеста» в примечании редакции значится следующее¹⁶⁹⁾:

«По поводу этих требований, которые были выставлены также и в «Принципах коммунизма» Энгельса, Сталин на XV партконференции в 1926 году, сопоставив их с достижениями нашей революции, указал, что «девять десятых этой программы уже осуществлено нашей революцией».

Дальнейшим произведением К. Маркса, оказавшим непосредственное влияние на идеологию и практику большевиков, является произведение Маркса «Критика Готской программы», написанное Марксом в 1875 году и опубликованная впервые Энгельсом в 1891 году. Это — критический разбор проекта программы германской социал-демократии к Готскому съезду. В этом произведении Маркс развивает принципы «Коммунистического Манифеста». Он прежде всего подчеркивает, что в программе отсутствует основной пункт пролетарского движения — необходимость диктатуры пролетариата. Именно суровая диктатура пролетариата является переходной фазой от капиталистического к коммунистическому обществу, и именно она служит средством для достижения коммунизма. Само же коммунистическое общество проходит две фазы. В первой фазе оно не свободно от пережитков капитализма, оно носит на себе «родимые пятна» старого общества. Само производство и распределение благ подчинено принципу: от всякого по его способностям и всякому по его труду. Во второй фазе коммунистического общества производительность труда настолько поднимается, и создается такое великое изобилие продуктов, что отныне господствует принцип: каждый работает по своим способностям и получает по своим потребностям. Нетрудно видеть, что все эти мысли постоянно повторяются Сталиным, который первую фазу называет социализмом, а вторую коммунизмом и ожидает только накопления хозяйственных благ, чтобы перейти к коммунизму, хотя в этом отношении все капиталистические страны, а в особенности Соединенные Штаты Америки со своим изобилием продуктов, как будто бы стоят несравненно ближе к коммунизму, нежели Советский Союз со своей постоянной скудостью.

Наконец, даже и само понятие «советы» выработалось под непосредственным влиянием К. Маркса. Как известно, «советы впервые

---

168) Там же, стр. 37.

169) См. «Об оппозиции», ГИЗ, 1928, стр. 378.

были осуществлены в 1871 году в форме Парижской коммуны, которую так превозносил К. Маркс; ежегодно в Советском Союзе происходило празднование дня Парижской коммуны именно как первое в истории осуществление советской власти. Проповедывал же «советы» как форму правления победившего пролетариата еще раньше К. Маркс в своих статьях в «Rheinische Zeitung», причем он указывал как структуру, которую они должны иметь (состоять из одних революционно настроенных рабочих), так и политику, которую они должны проводить (прежде всего всесторонне дискредитировать возникшее в результате переворота новое революционно-демократическое правительство, не только не отвращать гнев революционных масс против отдельных лиц, связанных с павшим режимом, или даже ненавистных этим массам зданиям (!), но, наоборот, всячески подогревать этот гнев, направленный на уничтожение этих ненавистных объектов и проч.). Все это в точности было выполнено большевиками, причем то, что они в «советах» выполняют указания К. Маркса, это прекрасно сознавалось большевиками (см. например, советскую книгу Горина «История социализма»). Отсюда видно, что «советы» это — воплощение революционных социалистических теорий Запада, а отнюдь не какая-то политическая форма, коренящаяся в глубине русского духа. Русское здесь лишь одно название. Этот продукт революционного социализма Запада принимался одинаково во время революций русскими революционерами и в 1917, и в 1905 году.

Как известно, большевики очень гордились тем, что они марксисты. Действительно, справедливость требует признать, что они — марксисты. И я охотно делаю им этот комплимент, хотя и не думаю, что это будет хороший комплимент для Маркса.

XVII. ОТНОШЕНИЕ НАУКИ ОБ ОБЩЕСТВЕ К НАУЧНОМУ СОЦИАЛИЗМУ

Как мы уже подробно показали, научный социализм К. Маркса образовался под непосредственным влиянием новой науки об обществе. Но, тем не менее, между этими обеими дисциплинами имеется и огромная разница, которая зачастую доходит до полной противоположности. Так, контовская социология признает прежде всего consensus, согласованность всех сторон социальной жизни — этому положению полностью противоречит положение научного социализма о решающей роли во всей социальной жизни лишь одной стороны, а именно экономики. Контовская социология признает постепенное эволюционное развитие общества — этому положению полностью противоречит положение научного социализма о диалектическом развитии общества путем «скачков» и «прыжков». Наконец, контовская социология покоится на принципе органическом, на принципе исторической обусловленности — этому положению полностью противоречит положение научного социализма о революционном преобразо-

вании общества, о разрушении всех его устоев до основания. Нетрудно видеть, что и немецкая социальная наука, кладущая в основу устройства общества и его истории принципы свободы индивидуальности и ценности человеческой личности, находится в полном противоречии с научным социализмом с его безусловным подчинением индивида деспотической власти социалистического общества. Наконец, в полном противоречии с научным социализмом находится и новая философия истории (Шеллинг, Гегель), резко признающая принцип свободы и усматривающая во всей истории действие разумного духа, а не слепых материальных сил.

Мы не будем утверждать, что все эти приведенные принципы новой науки об обществе вполне определены и не требуют никаких разъяснений. Но все же они имеют под собой твердое основание и представляют надежный пункт, который дает возможность оценивать как социальные явления, так и социальные теории. И вот, в то время как научный социализм в своих предсказаниях о наступлении социалистического строя рисовал развитие общества совершенно неправильно, то же, что действительно наступило в осуществившемся социализме, полностью противоречило всем его предвидениям, — представители науки об обществе заранее предсказывали наступление социализма в точности таким, каким он и оказался. Мы, разумеется, не имеем в виду предсказания о наступлении социализма, вроде удачных пророчеств Достоевского в его «Бесах» или предсказания святых подвижников, которые за несколько лет до революции собрал духовный писатель Нилус в своей книге «Святыня под спудом» (то есть неопубликованные откровения), книге, которую все искали в советское время, чтобы прочесть и убедиться в правильности предсказаний, и которую искали большевики, чтобы уничтожить ее. Мы имеем в виду предсказания о грядущем социализме и о том, что он несет с собою, лишь строго мотивированные, доказуемые. И здесь мы должны отметить, что эти предсказания являются самым обычным в новой социальной науке (а отнюдь не чем-то исключительным). Этих предсказаний, и притом совершенно правильных, можно найти великое множество. Можно было бы написать целую книгу, посвященную этим предсказаниям. Сюда относятся: Лоренц Штейн, О. Конт, Герберт Спенсер, Шопенгауер, Э. Гартман, Нитцше, Аммон, Г. Лебон, Л. Толстой, маркиз де-Кюстин, Чаадаев, Салтыков-Щедрин, Бальзак, Прудон, Никитенко, Пирогов, Леонтьев, Б. Чичерин и многие другие. О соответствующих предсказаниях Л. Толстого, Чаадаева, де-Кюстина и Салтыкова-Щедрина мы уже говорили в другом месте. Здесь мы остановимся лишь — как на образчиках — на предсказаниях Лоренца Штейна, Г. Лебона и Б. Чичерина. Из всех этих высказываний станет совершенно ясно, насколько отчетливо они представляли себе наступление грядущего социализма и как правильно рисовали они его ужасный характер, с точностью осуществившийся в Советской России.

ХVIII. ПРЕДСКАЗАНИЯ О ГРЯДУЩЕМ СОЦИАЛИЗМЕ

1. Лоренц Штейн

Лоренц Штейн изучал и хорошо знал французских социалистов первой половины XIX века, и его предсказания о социалистическом строе основываются на учении именно этих французских социалистов. О Марксе и его учении он ничего не говорит. Однако поразительное дело: та картина коммунистических порядков, которую он рисует на основании знакомства только с французскими социалистами, полностью совпадает с теми порядками, которые наступили, когда осуществились теории К. Маркса. Отсюда мы должны сделать два вывода: во-первых, какое сильное влияние оказали французские социалисты на Маркса, и, во-вторых, как похожи вообще друг на друга в своем существе все коммунистические и социалистические учения.

Говоря об осуществлении коммунистических порядков, Л. Штейн прежде всего указывает на два явления, которые будут порождены осуществившимся коммунизмом: 1) бедность и 2) настоящее рабство. «На самом деле, — утверждает Л. Штейн, — коммунизм таким образом не только породил бы бедность, каковую, конечно, можно представлять, как переносимую во имя свободы, но также породил бы и настоящее рабство, каковое стоит в абсолютном противоречии с идеей равенства»¹⁷⁰). Оба эти явления представляются Штейну настолько существенными, что он думает, будто одно осуществление коммунизма означает его разложение: «Поэтому коммунизм надо только осуществить, чтоб он сам себя разложил бы»¹⁷¹). Конечно, бедность и настоящее рабство наблюдаются полностью и в Советском Союзе, и, конечно, они разлагают его, однако, этот процесс разложения длительный... Штейн хорошо понимает, что коммунистические порядки могут держаться только на том начале, которое Маркс называет «диктатурой пролетариата»: сами идеи коммунизма ведут к «неизбежной необходимости государственного устройства, построенного на господстве неимущего класса»¹⁷²). По мнению Штейна, понятие коммунистической революции или, как он называет ее, революции социальной, совершенно противоречит уже самой сущности понятий государства и общества, а потому такая революция являлась бы прогрессом или условием для прогресса, но являлась бы сама по себе несчастьем и в своих тенденциях чисто невозможностью»¹⁷³). В чем же видит Штейн противоречивость коммунистичес-

170) Lorenz Stein. Der Begriff der Gesellschaft und die soziale Geschichte der französischen Revolution, 2. Aufl., Leipzig, 1855; Der Begriff der Gesellschaft und die Gesetze ihrer Bewegung, S. CIX.

171) Там же, стр. CX.

172) Там же, стр. CXVI.

173) Там же, стр. CXX.

кой революции существующему строю? По самой своей природе всякая государственная власть является властью общей, властью возвышающейся над всеми классами, власть же пролетариата означает государственную власть одного только класса, который и будет использовать ее в интересах только этого одного класса. «Несвобода, — замечает по этому поводу Штейн, — находится не менее там, где труд господствует над капиталом, чем там, где капитал господствует над трудом»¹⁷⁴). Однако несвобода при господстве пролетариата гораздо хуже, чем при господстве капиталистов. Эту несвободу при господстве пролетариата Штейн характеризует

«... самым извращенным, самым пагубным и поэтому самым невозможным из всего явления «несвободного элемента»: «низший класс» не обладает нужными условиями для занятия господствующего положения — у него нет ни материальных благ, ни духовных качеств, которыми его превосходят имущие классы»¹⁷⁵).

Всякий капитал приобретает в результате упорного труда, при захвате же власти пролетариата он приобретает капитал без труда: «Это уже больше не капитал, это подарок», — замечает Штейн¹⁷⁶). В руках пролетариата капитал гибнет или потому, что пролетарий не понимает, как надо им управлять, или потому просто, что он расточает его для своего наслаждения;

«... в то же самое время, — замечает Штейн, — однако, капитал отнимается у тех, которые приобрели его; поэтому лучший класс общества становится беднее, без того, чтобы худший класс стал бы более богатым»¹⁷⁷).

Картина, которую рисует в этих словах Штейн, очень напоминает советские порядки. Все знают, насколько неумело обращались и обращаются пролетарии в Советском Союзе с капиталом, и насколько постоянны там все время всякого рода расхищения капитала. В то же самое время все знают, как поступила советская власть с лучшими крестьянами-собственниками, ограбив их, и как, передав их землю худшим крестьянам, устроив колхозы, отнюдь не сделали колхозников более богатыми, чем были крестьяне при царе. В дальнейшем Штейн останавливается на вопросе, каким образом пролетариат может захватить власть? На этот вопрос он дает вполне определенный ответ: пролетариат не может прийти к власти путем голосования, так как большинство граждан против него — «поэтому есть только один способ захвата власти пролетариатом — н а с и л и е»¹⁷⁸). Все это в точности осуществилось при захвате власти большевиками: в Учре-

---

174) Там же, стр. СХХ.

175) Там же, стр. СХХI.

176) Там же, стр. СХХI.

177) Там же, стр. СХХI.

178) Там же, стр. СХХII-СХХIII.

дительном Собрании они были в меньшинстве, но они просто силою разогнали выбранное народом Учредительное Собрание и военною силою захватили власть в свои руки. С безукоризненною правильностью описывает Штейн не только способ захвата власти пролетариатом, но и самые методы поддержания этой власти.

«Поэтому, — утверждает Штейн, — неизбежно, что вместе с наступлением господства пролетариата наступает и деспотизм. Однако этот деспотизм имеет своеобразную, страшную природу... Последний класс (пролетариат — А. Ф.) должен употреблять свою силу, чтобы уничтожить не только этот класс (имущих — А. Ф.), но и его общественную базу. И здесь начинается борьба, которую мы называем террором, кровавая по своей природе бесконечная борьба, самое страшное явление в истории, не только потому, что оно приносит в жертву с холодной яростью жизнь и имущество, но и потому, что оно, путем общественного убийства, стремится к тому, что само по себе является невозможным. Террор — это вершина противоречия в социальной революции»¹⁷⁹⁾.

Читая эти пророческие слова Л. Штейна и сравнивая их с приемами господства советской власти, можно только поражаться научной прозорливости Л. Штейна.

2. Предшественники Г. Лебона

Лет через пятьдесят после высказываний о грядущем социализме Лоренца Штейна учение социалистов получило необыкновенное распространение среди образованных и необразованных масс; в частности получило огромное распространение и учение К. Маркса. Соответственно этому участились и усилились голоса представителей науки об обществе, предупреждавших о грозной опасности, которую несет с собою для общества социализм, и о тех ужасах, которые он принесет с собою. В замечательном сочинении французского социолога Густава Лебона, посвященном ужасам грядущего социализма, имеется уже прямое указание на ряд писателей, которые могут быть рассматриваемы, как его предшественники в этом отношении. Так как мы не можем в данной работе разобрать подробно всех писателей, понявших сущность социализма и ту опасность, которую он несет с собою, то мы здесь несколько остановимся на них, чтобы все же отметить, насколько было распространено среди представителей науки об обществе правильное понимание социализма. Вот, например, какого мнения держался относительно коммунизма знаменитый Прудон, которого так осмеял и изругал Маркс в своем сочинении «Нищета философии» (написанном в ответ на «философию нищеты» Прудона). Из приводимых дальше слов Прудона и из

---

179) Там же, стр. СХХIII.

сравнения их с соответствующими словами Маркса (которые мы уже приводили) легко видеть, насколько правильное понимал Прудон сущность коммунизма и последствия его введения в обществе, чем Маркс. Осуществившийся в Советском Союзе социализм подтвердил каждое слово Прудона и посмеялся над каждым словом Маркса. Вот соответствующие слова Прудона (Proudhon):

«Социальная революция могла бы привести только к огромному катаклизму, непосредственным результатом коего было бы бесплодие земли, заключение общества в смирительную рубашку; и в том случае, если бы было возможно, чтобы подобное состояние вещей продлилось хотя бы несколько недель, гибель от голода 3-х или 4-х миллионов людей от внезапного голода... (социальная революция означает)... сорвавшаяся с цепи толпа, вооруженная, опьяневшая от мести и гнева... города мрачные и молчаливые, полиция в семейном очаге; мнения, к которым относятся с подозрением, слезы, вздохи, шпионаж и доносы, неумолимые реквизиции»¹⁸⁰).

Трудно более удачными словами изобразить начальную стадию большевизма в России. Лебон приводит только эти слова Прудона об осуществившемся коммунизме. Однако Прудон имеет представление не только о начальной стадии осуществившегося коммунизма, но и вообще о коммунизме. Поэтому мы приведем еще следующие слова Прудона в 1864 г. о коммунизме (цитируемые в другой работе):

«Компактная демократия, по видимости основанная на диктатуре масс, в какой-либо диктатуре массы имеют власть не больше, чем это необходимо для того, чтобы **обеспечить всеобщее рабство**, согласно следующим формулам и принципам, заимствованным от старого абсолютизма: неделимость публичной власти, всепоглощающая централизация, систематическое разрушение всякой индивидуальной, корпоративной и местной мысли, каковая считается возбудителем разъединения, инквизиторская полиция»¹⁸¹).

Чем это не советский строй?

Г. Лебон приводит еще следующие высказывания о социализме разных писателей. Герберт Спенсер говорит: «Торжество социализма было бы самым большим бедствием, которое когда-либо переживал мир, и кончилось бы оно военным деспотизмом»¹⁸²). Лавелз (M. de Laveleye) указывает, что в результате социалистической революции «наши столицы были бы разорены динамитом и бензином более диким образом, и в особенности более систематическим образом, чем был разорен Париж в 1871 году»¹⁸³). Здесь начальная ста-

---

180) Gustave Le Bon. Psychologie du socialisme, Paris, 1898, p. 466.

181) Martin Buber. Pfade in utopia, Heidelberg, 1950, S. 57-58.

182) G. Le Bon. Указ. соч.; стр. 467.

183) Там же, стр. 466.

дия социалистической революции указана очень правильно. Бурдо (M. Bourdeau) замечает, что коллективистическая организация была бы довольно похожа на организацию иезуитов Парагвая; по этому поводу Лебон прибавляет: «Не была бы более похожа эта организация на организацию негров на плантациях в эпоху рабства?»¹⁸⁴). Очень удачно утверждение Молинали (M. Molinagi), которое как будто бы предвидит советские концентрационные лагеря с их рабским трудом. При социализме, — говорит Молинали, — «совершенно необходимо будет подвергнуть принудительному труду с минимальными расходами на содержание часть нации, словом, восстановить рабство»¹⁸⁵).

3. Г. Лебон

На взглядах Г. Лебона мы должны остановиться несколько подробнее, чтобы убедиться, какое полное представление он имеет о социализме, условиях его возникновения и последствиях его. Но для того, чтобы дать сжатое представление о его взглядах, мы должны им придать систематический порядок.

Прежде всего мы видим, что Лебон отдает себе полный отчет о тех условиях, которые порождают социализм. Он указывает на сильную деморализацию буржуазии: на нечестные часто средства, при помощи коих приобретаются состояния, на безрассудную трату этих состояний, на постоянные скандалы — все это вызывает ненависть к буржуазии среди низших и средних слоев общества¹⁸⁶). Он говорит даже о «финансовых бандитах», которые спекулируют на го­лоде и нищете населения¹⁸⁷). «Ненависть и зависть в глубоких слоях; безразличие, глубокий эгоизм и исключительный культ богатства в руководящих слоях», и кроме того пессимизм у мыслителей — так характеризует Лебон современное общество, и замечает, что такое общество все же должно быть прочным, если оно противится еще разложению, но сомневается, чтобы оно могло сопротивляться еще долгое время¹⁸⁸). Ко всему этому надо добавить, что высшие классы обнаруживают поразительную непредусмотрительность и легкомыслие в отношении грозящей им опасности¹⁸⁹). Огромное большинство государств прибегает ко всеобщей воинской повинности, набирая недисциплинированные толпы, которых желает обучить военному ремеслу за несколько месяцев — в результате создаются банды «более опасные для тех, кто желает ими управлять, нежели

---

184) Там же, стр. 35.

185) Там же, стр. 470.

186) Там же, стр. 18.

187) Там же, стр. 19.

188) Там же, стр. 22.

189) Там же, стр. 60.

для врагов»¹⁹⁰); конечно, эти солдаты менее всего пригодны защищать тот социальный порядок, «который они презирают и на который они слышат постоянные нападки»¹⁹¹). Кроме того, среди населения имеется множество лиц, неприспособленных к нормальной социальной жизни.— они более опасны для общества, «чем были опасны варвары для Римской империи»¹⁹²). Они считают себя жертвами цивилизации, к которой неспособны приспособиться, и которую они готовы с легким сердцем разрушить¹⁹³), «именно среди них социалисты вербуют своих самых пламенных сторонников»¹⁹⁴). И вот этим грозным силам противостоит буржуазия, неспособная к борьбе: «современная буржуазия уже более не уверена в своем праве; впрочем, она ни в чем не уверена и не умеет ничего защищать»¹⁹⁵).

Все это заставляет Лебона придти к заключению, что «приближается час», когда обществу предстоит перенести самые страшные потрясения¹⁹⁶). Идеи социализма имеют слабое распространение у англо-саксов с сильно развитой у них личной инициативой, наоборот, они сильно распространены среди романских народов, у которых признается за государством право вмешиваться во все сферы жизни¹⁹⁷). Нетрудно видеть, что последнее утверждение Лебона вполне применимо и к русским.

Некоторые люди утешают себя тем, что считают невозможным осуществление социалистических теорий вследствие их абсурдности; на это Лебон отвечает, что химеричность и иллюзорность известных учений никогда не служили препятствием для их распространения, так было, например, с известными религиозными верованиями, впрочем, тем более, что и сам социализм в настоящее время приобретает характер религиозного верования¹⁹⁸). Другие люди думают, что достаточно уже социализму только попытаться осуществиться, как тотчас же обнаружится его слабость; на это Лебон отвечает, что демократии до осуществления социализма должны бороться с ним, так как «социализм тотчас же породил бы цезаризм, который очень скоро уничтожил бы все демократические учреждения»¹⁹⁹). Лебон рисует себе наступление социализма, как феномен, разрушающий общество. В тот момент, когда дикие вооруженные толпы обернутся против общества, «это общество будет очень близко к своему концу: тогда оно увидит пожары своих столиц, ди-

---

190) Там же, стр. 390.

191) Там же, стр. 391.

192) Там же, стр. 414.

193) Там же, стр. 434.

194) Там же, стр. 414.

195) Там же, стр. 461.

196) Там же, стр. 386.

197) Там же, стр. 147.

198) Там же, стр. 464.

199) Там же, стр. 345.

кую анархию, затем нашествие железных сапог деспотов-освободителей, и окончательный упадок»²⁰⁰). Картина очень напоминающая первую эпоху большевизма и приход немцев-освободителей. Вот в каких чертах рисует Лебон наступающий социализм:

«Начнут, разумеется, с того, что ограбят, затем расстреляют несколько тысяч хозяев, буржуев, капиталистов, словом, всех эксплуататоров, разум и способность будут заменены посредственностью. Повсюду будет равенство в рабстве»²⁰¹).

Словом, вслед за социальной дезорганизацией, к которой приведут новые правители, анархией и всеобщей разрухой, должен появиться диктатор, который восстановит мир посредством «железного режима», «после страшных гекатомб»²⁰²).

Конечно, после введения социализма тотчас же начнется «исход капиталов и способностей»²⁰³). При наступившем социализме уничтожится всякий личный стимул и всякая личная деятельность; «это было бы самое мрачное рабство, без надежды освобождения»; при наступившем социализме всякий член социалистического общества «о чем же он может мечтать при анонимной тирании и насильственном деспотизме государства, все уравнивающего, предвидящего все потребности и направляющего все воли?»²⁰⁴). Социализм пытается уничтожить всякое естественное неравенство среди людей, однако, это так же невозможно, как уничтожить старость и смерть²⁰⁵). Словом, по Лебону, социализм противоестественен и после своего торжества немедленно должен погибнуть. «Социализм может восторжествовать на некоторое время, — утверждает Лебон, — . . . но вскорости он погибнет в кровавых катаклизмах: ибо не даром поднимают душу народа»²⁰⁶).

Как ни противоестественен социализм с его идеалом «низкого равенства» и «унизительного рабства»²⁰⁷), однако, по мнению Лебона, он все же должен наступить в какой-нибудь стране, так как только действительный опыт может научить народы и их правительства, хотя этот опыт и будет стоить «страшно дорого»²⁰⁸).

«И, тем не менее, — утверждает Лебон, — этот ужасный режим, повидимому, неизбежен. Нужно, чтобы по крайней мере, одна страна испытала его для поучения всего мира. Это

---

200) Там же, стр. 472.

201) Там же, стр. 468.

202) Там же, стр. 668.

203) Там же, стр. 357.

204) Там же, стр. 35.

205) Там же, стр. 36.

206) Там же, стр. 99.

207) Там же, стр. 46.

208) Там же, стр. 391.

будет одним из тех экспериментальных уроков, которые только одни и могут в настоящее время научить народы, каковые оболщаются грезами счастья, рисуемые им учителями новой веры»²⁰⁹).

В этих словах Лебон повторяет лишь старую и весьма правильную мысль великого греческого философа Демокрита: «Не слово, а несчастье — учитель неразумных» («Фрагменты») и великого греческого поэта Гомера: «После происшедшего события и глупец становится мудрым» («Илиада»). Так как Лебон уверен, что опыт социализма должен быть сделан в какой-либо стране, ибо «опыт один излечит народы от их химер», то он желает, чтобы «этот опыт имел бы место у наших соседей, а не у нас»²¹⁰), и чтобы этот опыт испробовали первыми наши враги»²¹¹). Замечательно соображение Лебона, что если этот опыт будет сделан в Европе, то «все заставляет предполагать, что этой жертвой будет страна бедная, полуразрушенная, вроде Италии»²¹²). Конечно, страной бедной, полуразрушенной была и Россия.

4. Б. Н. Чичерин

Полное представление о сущности социализма и о тех страшных последствиях, который он повлечет за собою, имел и разносторонний русский ученый и философ профессор Московского университета Б. Н. Чичерин. Б. Чичерин хорошо отдавал себе отчет, что французские «утопические» социалисты были «идеалистами» и проповедывали «невинные утопии»; на смену же им пришли такие люди, как К. Маркс и Лассаль, которые превратили эти «невинные утопии» в «чистое орудие ненависти и вражды»: рабочим внушают, что плоды экономической деятельности принадлежат исключительно им, а их просто обирают; что современное общество построено на ложных началах и его надо разрушить; что нужно создать рабочее государство, которое будет иметь в своих руках всю землю и все орудия производства — в результате народные массы, не будучи в состоянии разобраться во всех этих понятиях, «разжигаются разрушительными страстями и готовы ежечасно посягнуть на все, что выработано многовековым развитием человечества»²¹³). Вместо любви, проповедываемой и отчасти осуществленной христианством, «проповедывается зависть и ненависть»; под личиной сочув-

209) Там же, стр. 470.

210) Там же, стр. 474.

211) Там же, стр. 470.

212) Там же, стр. 470.

213) Б. Ч и ч е р и н. Курс государственной науки, ч. II, Социология, Москва, 1896, стр. 119.

ствия бедствиям народных масс в них возбуждаются «самые низкие и злобные чувства»; с этой проповедью «надо бороться всеми силами», так как она есть «глубочайшее зло»²¹⁴). Все это социалистическое учение Чичерин готов рассматривать, как «пустую декламацию, изобретенную шарлатанством и подхваченную недомыслием» — и, тем не менее, это учение приводит в движение народные массы, которым внушают, что капиталисты обируют их, присваивая себе продукт их труда — в результате миллионы людей, возбужденных и сбитых с толку «во имя этих бессмыслиц, ополчаются на весь современный общественный строй и грозят ему разрушением»; хуже всего, что эти фантазии поддерживают и некоторые люди науки, что «свидетельствует о весьма невысоком состоянии современной мысли»²¹⁵).

Б. Чичерин понимает не только страшную опасность, которая грозит обществу от пропаганды социалистических учений, — но он вполне отдает себе отчет, что последует в результате введения социалистических порядков. Прежде всего социализм разрушает принцип экономической свободы, которая проявляется в частной деятельности и в свободном выборе занятий; при социализме экономическая область не отделяется от политической, так как само государство является единственным предпринимателем, и все рабочие превращаются в его служащих; «такой порядок — не что иное, как всеобщее рабство»²¹⁶). При этих порядках не может быть и речи о справедливом вознаграждении за труд; общественный интерес подавляет личную свободу — «общество превращается в стадо, которое работает и кормится по мановению власти»²¹⁷). Уничтожение конкуренции подрывает самую сущность экономической жизни и обществ, и «вместо обогащения обрекает их на безусловную бедность; социалистическое хозяйство есть полное разорение»²¹⁸). В социалистическом обществе все члены его становятся простыми служителями государства, которое указывает каждому его обязанность; все они

«... являются колесами громадной бюрократической машины, охватывающей всю жизнь человека и делающей его чистым орудием власти... каждый гражданин относительно всех мелочей жизни и всех средств существования постоянно находится в руках всемогущего правительства, то есть властвующей партии и руководящих ею демагогов, которым нет возможности сопротивляться и от которых некуда уйти»²¹⁹);

---

214) Там же, стр. 323.

215) Там же, стр. 108.

216) Там же, стр. 119.

217) Там же, стр. 120.

218) Там же, стр. 142.

219) Там же, стр. 205.

«и этот чудовищный деспотизм, — заключает Чичерин, — украшается именем свободы и выдается за высший идеал общественного устройства»²²⁰).

Рассматривая свободу как самую сущность человека и видя в социализме безграничное подавление человеческой личности, Чичерин считает, что социализм неосуществим, но не потому, что он слишком высок для человеческой природы, а, наоборот, потому, что он слишком низок — социализм — «это система, годная для рабочего скота, а не для людей»²²¹). Нам остается только добавить, что и Чичерин полностью сознавал, что социализм может быть осуществлен лишь при помощи диктатуры и страшного террора.

«Нынешняя социал-демократия, — пишет Чичерин, — с ее широко распространенной организацией, с ее ненавистью к высшим классам, с ее стремлением к разрушению всего существующего общественного строя, неизбежно ведет к диктатуре. Нося в себе идеал, подавляющий всякую гражданскую свободу, она не менее грозит и свободе политической. Представительное правление может держаться только, пока эта партия слаба и не в состоянии прочно влиять на государственное управление. Но силы ее очевидно растут, а это неизбежно должно привести к глубочайшим потрясениям. Если ей и удастся где-либо получить минутный перевес, то она сможет держаться с помощью самого страшного террора»²²²).

Читая все эти высказывания Б. Чичерина о социалистическом строе, не хочется верить, что знаменитый мыслитель умер в 1904 году, а не дожил до введения советского социализма и не наблюдал его своими глазами.

ХІХ. ОБЩЕЕ ЗАМЕЧАНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРЕДСКАЗАНИЙ О ГРЯДУЩЕМ СОЦИАЛИЗМЕ

Обращаясь к предсказаниям о грядущем социализме и о его ужасных чертах, которые полностью оправдались в наступившей большевистской революции, мы должны заметить, что эти совершенно правильные предсказания о грядущем социализме являлись самыми простыми и распространенными взглядами среди тех, кто занимался социальными вопросами. Мы рассмотрели далеко не все предсказания о грядущем социалистическом строе, но если бы мы рассмотрели и гораздо больше этих предсказаний, о которых мы говорили выше, то общий вывод оказался бы тот же самый: эти пра-

---

220) Там же, стр. 205

221) Там же, стр. 423.

222) Там же, стр. 38.

вильные предсказания о грядущем социализме являются самыми обычными и самыми распространенными взглядами среди людей, занимающихся социальными вопросами. Таким образом мы можем утверждать, что в этой области вполне оправдалось знаменитое положение О. Конта, которое он выставлял для области изучения общества — «*savoir pour prévoir*», то есть «знать, чтобы предвидеть». Однако О. Конт продолжал дальше: «*prévoir pour agir*», то есть «предвидеть, чтобы действовать». Можно сказать, что и это положение Конта выполнялось. Так, для того, чтобы предотвратить наступление грозящего социализма, все цивилизованные государства принимали соответствующие меры — улучшали положение рабочих, наделали крестьян землей и т. д. Принимались эти меры и в дореволюционной России. Однако эти меры уже запоздали: и после ужасной войны и страшной разрухи в России был введен социалистический строй. Вместе с наступлением этого строя для всего мира наступила страшная, еще невиданная опасность.

Было бы бесполезно отрицать, что человеческие общества издавна были расколоты глубокой пропастью между богатыми и власть имущими, — с одной стороны, и озлобленными бесправными бедняками, — с другой стороны. На всем протяжении истории человечества, начиная с великой революции в древнем Египте почти за 2 000 лет до Рождества Христова, все время можно наблюдать восстания озлобленных народных масс. Однако в XIX столетии это положение стало еще гораздо серьезнее. В ходе индустриализации и механизации возник новый многочисленный класс — рабочий пролетариат, который стал как бы одержимым разными социалистическими и коммунистическими идеями. Уже вся революция 1848 года прошла под знаменем социалистических и коммунистических учений. В 1871 году, в течение нескольких месяцев в Париже захватила власть в свои руки «Парижская Коммуна», осуществившая некоторые коммунистические положения. И вот, наконец, в 1917 году «на одной шестой части света был построен социализм».

Как же встретил весь цивилизованный мир эту страшную опасность? Сначала он попытался задушить ее путем интервенции. А когда эта интервенция не удалась, то стал своими знаниями и опытом помогать ей «строить социализм», то есть помогать строить тяжелую и оборонную промышленность и строить тракторы для крупных коллективных хозяйств (колхозов). Конечно, без опыта и знаний, которые щедро рукою — хотя и за деньги — сообщал Запад Советскому Союзу, отсталая и невежественная страна социализма не могла бы построить могучую военную и тяжелую промышленность и крупное сельское хозяйство. Словом, Запад помог Советскому Союзу создать базу, необходимую коммунизму для завоевания и порабощения самого этого Запада. Однако до войны западный мир все же не допускал еще Советский Союз играть первенствующую роль в международных делах. Достаточно сказать, что в Мюнхене 29 сен-

ября 1938 года, при решении судьбы Чехословакии и при решении вопроса о европейской войне, Советский Союз даже не был представлен. Решали все вопросы Англия, Франция, Италия и Германия. Однако положение резко изменилось в пользу Советского Союза после второй мировой войны.

Во время второй мировой войны великие демократии — Великобритания и Соединенные Штаты Америки были вынуждены выпустить большевизм на мировую арену. Выпустить его было просто, но иметь его своим партнером на мировой арене и совладеть с ним — дело сложное и рискованное для демократий. В общих и грубых чертах обе эти демократии имели представление об опасности большевизма. Однако они сознательно использовали его для борьбы с национал-социализмом, который они считали большим злом. По широко распространенному выражению известного американского журналиста Никкербоккера (Knickerbocker), — который имел в виду лечение прогрессивного паралича, сифилитического заболевания, при помощи высокой температуры, например, путем прививки малярии или возвратного тифа, — эти демократии прививали малярию, чтобы лечить сифилис. Увы! Теперь для всех стало очевидно, что, наоборот, они привили сифилис, чтобы лечить малярию.

И вот в настоящее время «миру капиталистическому» противостоит «мир социалистический», и между ними идет страшная борьба, пока невоенная, но подготовляющая войну. Нельзя закрывать глаза, что эта борьба очень опасна для Запада, так как во всем мире существует гораздо больше бедных, чем богатых, так как энергия бедных, которые не имеют необходимого, гораздо активнее, чем энергия богатых, которые обладают избытком, и, наконец, так как озлобленные бедняки все направляются из одного коммунистического центра, который обладает неисчерпаемыми богатствами и имеет в своем распоряжении неограниченные возможности, тогда как имущие остаются рассеянными, раздробленными и враждебными в отношении друг друга.

Поистине, разговоры о гибели нашей культуры отнюдь не являются преувеличенными. Как известно, О. Шпенглер, говоря о гибели современной культуры еще после первой мировой войны, приводит красивый пример из гибели Помпеи — он приводит пример римского воина, который стоял на страже, остался верен своему долгу и не покинул свой пост даже и тогда, когда нахлынул раскаленный поток лавы и похоронил его (и так сохранил его до нашей эпохи), и призывает последовать этому примеру и при гибели европейской культуры. Увы! Я боюсь, как бы для гибели нашей культуры не пришлось избрать другой образ из той же гибели Помпеи: образ скряги, который, видя приближающийся грозный поток лавы, не мог расстаться со своими богатствами, но судорожно вцепился в золото, был покрыт лавой и в таком виде уцелел до нашего времени и, тем не менее, все разговоры о гибели нашей культуры и о торжестве коммунизма возможны только потому, что у нас исчезла связь меж-

ду формулой О. Конта «*prévoir pour agir*», «предвидеть, чтобы действовать». Мы все прекрасно предвидим, что несет с собою торжество коммунизма, но мы совсем недостаточно действуем, чтобы предотвратить это торжество. Конечно, во всем мире гораздо больше бедных, чем богатых, но при коммунизме бедные станут еще более бедными, чем раньше. Конечно, бедные не имеют необходимого, но при коммунизме и у того, кто имеет только необходимое, это необходимое будет забрано и передано безличному обществу. Конечно, все бедняки управляются из одного центра, который обладает неисчерпаемыми богатствами, однако, центр этот управляется настоящими диктаторами и все богатства находятся в руках истинных плутократов. Все это легко показать и можно доказать. Коммунизм отнюдь не несет облегчения обездоленным и отнюдь не уничтожает диктаторов и богачей. Но это положение уже и обрисовывает путь борьбы с коммунизмом: сделать на самом деле бедного зажиточным и богатым; уничтожить ужасающую диктатуру, заменив ее действительной свободой, и раскрепостить внутренний мир человека, доставив ему радость свободного творчества.

Prof. A. Philippov

SCIENTIFIC SOCIALISM AND SOCIAL SCIENCE

This book, one of the author's works on Marxism, concentrates on Marx's social teachings and ignores his other theses. The author shows that the entire social doctrine of Marx is conditioned by the social sciences of the first half of the nineteenth century, which Marx adapts to his own sphere. It is in fact, this area of Marx—socialism—which distinguishes his teachings from the usual non Marxist social theories. The Bolshevik revolution is the great touchstone both for Marxist and non-Marxist theories, revealing in fact a unique form of society and type of social development.

Casting a rapid glance at the numerous and varied conceptions of Socialism, the author examines in more detail doctrines of the nineteenth century French "utopian" socialists. These teachings had a direct effect on Marx (the concept of society based on material interest; the doctrine of property; the struggle between classes; critique of the capitalist order); as well as an indirect one (substitution of a voluntary transition to socialism of French "utopian" socialists by a regular social development, which in spite of volition or reason on the part of individuals, must lead inevitably to socialism i. e. the socialist dissemination of general scientific tendencies current in the first half of the nineteenth century.

The French Revolution obliged many thinkers to conclude that historical events proceed regularly, similar to natural phenomena. This viewpoint was particularly stressed by the Theocrats (especially de Maistre). From a synthesis of French socialist ideas on society and de Maistre's concepts together with the purely natural, organic development of historical events, emerged the sociology of Auguste Comte—the study of a naturally-developing society. Comte's followers, despite their varied points of view, agree on three factors, which stem from him: (a) the natural evolution of society (b) the consensus of all social phenomena (c) the subordinate position of the individual to society. Comte is not only the founder of sociology but also the creator of the historical comparative method in the social sciences. The strict regularity of all social phenomena which can be proved statistically and in which neither the reason nor will of the individual play any part, was also ascertained before Marx by Quételet in his famous work on „social physics“.

There are, in addition to Comte's sociology, other social theories independent of Comte among which should be mentioned especially Ger-

man social science with its great, all pervading traditions of idealist philosophy based on the principles of freedom, establishing of definite aims and values, of individuality and creative synthesis. All these different trends in social science are intricately interrelated.

Both Schelling's and Hegel's philosophy of history influenced Marx considerably. This philosophy showed that, in spite of whatever the individual may do, accomplishing his own aims and realizing his free will, the totality of these free actions forms without any doubt the necessary social process. Marx' social theory may be considered a unique synthesis of sociology; He ascertained the abstract, recurrent social laws of philosophy and history and depicted in its entirety the development of mankind which should lead to socialism.

Marx, in his historical materialism, determined that within society individuals irrespective of their desires enter inevitably into relationships, productive relationships which correspond to a specific stage of development of material productive forces. These relationships form the real foundation upon which is erected the judicial and political superstructure as well as definite forms of consciousness. In this social conformity. Marx was convinced that the decisive role is played within the class struggle. However, as all social phenomena are inextricable interwoven, no special sector of them should be singled out, which could condition all the others. In accordance with this view, the economic aspect itself is frequently a result of other forms of social activity; it alone is frequently not the determining factor in social relations and plays no role whatsoever in certain aspects of social life. Neither the general nor specific type of conformity to laws can be considered satisfactory; often enough, technical development depends on ideology as well as on social and political conditions; the means of production depend in fact on property and political relations. The concept „class struggle“ is extremely vague, does not take into account the infinitely complex structure of society and is not supported by factual evidence.

Consequently the founders of Marxism realized that their outlook, was too extreme, and they began to recognize the role of other non-economic factors in social development. In this Marxist and Engels recognition we are at the source if not of the liquidation, at any rate of the fundamental limitation of the principles of historical materialism such as was stated by Stalin in his "Marxism and Problems of Linguistics." The recognition of material needs as being, most urgent and intense has no specific value for Marxists, but this is nevertheless disseminated by many idealists.

Marx's successors point out that he turned socialism into a science not only because of his historical materialism but also due to his theory of surplus value, which shows the constant exploitation of the workers by the capitalists. The theory of surplus value is based on the theory of labor value. The former theory was developed by the German economist Rodbertus and the latter by Adam Smith and David Ricardo, although not in such a restricted fashion as by Marx.

Regarding Marx's assertion that any value is simply represented by materialized human labor, these values may arise in spite of human labor or may fail to arise despite human labor; they may rise and fall quite independently of human labor; or, if such values are created in some cases by this type of labor, they may also arise from quite different factors. Thus human physical labor may be replaced by animal, water, wind, steam or electric power, so that one may calculate how many workers are replaced by a given mechanical force or totality of such forces. The stipulation of Marxist theory that no attention should be paid to individual labor but to activity which is socially essential under the given circumstances does not alter the situation. We frequently see items of equal value which nevertheless have been produced by varying amounts of socially indispensable work. Moreover the labor theory of material values would be valid if the individual were to judge these values only by the amount of work which he has expended and not be influenced by other factors inherent in such values. Here it should be added that the forms of labor are arbitrarily conceived and uncertain and cannot be adduced as the source of accurately measurable work accomplished by the organism. The theory of surplus values becomes invalid not merely because the theory of materialized labor values is no longer credible but because it itself contains contradictions. Of course, the value of manpower is equivalent not only to the value of consumer goods which are necessary for the worker and his family, but may be much higher. In various countries, indeed often within the same country, this value oscillates considerably according to the sector of the national economy.

It should also be remembered that the theory of surplus value is in direct contradiction to the doctrine of capital interest: identical capital gives an identical return, quite irrespective of what part of the capital is being used for hiring labor, whereas, if merely labor were the source of the entire productive value then that amount of capital utilized to hire more labor would give more profit. Such contradictions may be seen clearly in Marx's work, if volume I of **Das Kapital** is compared with volume III. In the first, the theory of labor and surplus values is maintained, but in the latter it is asserted that capital in every branch of production gives an equal profit regardless of how much manpower is being utilized.

In the final chapter of volume I of **Das Kapital** Marx outlines the conditions for the advent of socialism: As a result of capitalist advance there will be a tremendous concentration of the means of production in the hands of a few individuals; the rest of the population will be powerless and organized to toil for these individuals. There is, in other words, a profound contradiction here: the mass of the people will be concerned with Communal production and property will be private. According to Marx, there is only one solution to this problem, namely that all property concentrated in the hands of the few should become socialized and belong to all. Marx felt that this process of concentrating the means of production should be preceded by a transfer of property from many capitalists to a

few, that is a regular increase in the number of hired proletarians over the disintegrating small property owners and particularly the peasants, an improvement in the already highly-advanced field of technology and in the widespread system of the division of labor; increased exploitation of the proletariat, that is a longer working day and the crippling of millions of workers and children, There are facts to show that despite Marx's prognostication the lot of the working class has not deteriorated but in fact improved in every respect. The number of poor people has fallen considerably in all civilized countries; the middle class as such is expanding everywhere; great enterprises are being formed as corporations in which persons of very modest means may have shares; large estates are constantly being split up and distributed to small-scale farmers and to peasants.

This ill-chosen prediction of Marx did not escape the attention of Marxists themselves, among whom arose Revisionism (E. Bernstein) and other allied trends. The adherents of these groups do not expect the advent of socialism in virtue of the "iron laws of the development of capitalism" but consider that the working class must struggle itself for the gradual introduction of socialism by means of legal parliamentary action, by the passing of laws, improving the economic, political and cultural status of the workers and refusing to participate in the revolutionary class struggle. It is sometimes asserted that a concentration of capital is not actually to be found in Europe but in the USA. Even if it is presumed that such a concentration exists in America, it has in any case been formed hand in hand with a remarkable improvement of working-class conditions and standard of living and not with the contrary as predicted by Marx. The concentration of capital in America has really been achieved through joint stock companies and the number of shareholders is increasing at a much faster rate than is the accumulation of capital,

Marx often indicated exactly when socialism would materialize but none of his predictions ever came true. In 1917 the socialist (Bolshevik) revolution took place in Russia. The result was no concentration of capital, no high level of technical achievement, poor distribution of labor in production and insufficient numbers of the working proletariat, who in Russia were numerically overshadowed by the peasantry.

The bitter war with Germany and the ensuing revolution ruined Russia's backward economy. How inappropriate conditions were from the Marxist viewpoint for socialism to be introduced into Russia is well illustrated by the **Short Course in the History of the Communist Party** which describes Russia's economic position at this time. Of course, Lenin's teachings on the victory of socialism in one capitalist country—Russia—are sharply opposed to Marx's view according to which socialism would emerge from a highly advanced, not a backward form of capitalism. The establishment of Communism in China with its population of over 600 millions is a complete refutation of Marx's anticipations.

Also contrary to Marxist planning, the state did not die when socialism was introduced but grew stronger than it had ever been. Labor

not only lacked any genuine intensive impulse but productivity fell so completely that labor legislation was introduced, the severity of which has never been known in any capitalist state. Under socialism there was no "leap from the realm of necessity to the realm of freedom" but on the contrary the leap was from the realm of freedom (relative) to that of necessity (compulsory). Finally, the clearly expressed international nature of socialism was replaced by an extreme nationalism in the Soviet Union.

Marx conceived the advent of socialism as a strictly regular and normal process which would occur easily and with the inevitability of natural laws. Soviet socialism is artificial and forced in its structure; the Bolsheviks first built it up and only then provided its foundation. They considered industrialization of the country to be the first mark of a socialist society, their only concern being to break the production records of other countries without taking into account the unhealthy nature of their industrial methods. The course of Soviet labor legislation also clearly shows the artificial and forced nature of socialism in the USSR. What was a relatively progressive legislation at the beginning of the Soviet era soon became an inconceivably rigid system of compulsion. The coercive nature of collectivization was unequivocally revealed when it was decreed in 1930 that such collectivization be carried out in the Ukraine, the Northern Caucasus and central Volga regions within two years. It was further revealed by the **Short Course on the Party** published in 1938 and in all ensuing legislation concerned with kolkhozes.

Socialism is inherently the type of system which is based on the high degree of sociability assumed to exist among human beings. However the concept of sociability is never encountered in Soviet socialism, which is not interested in human relationships, but in perfecting its techniques and in high labor productivity. A further examination of these last two factors shows them to be far from concrete achievements or realities but merely reflections of Soviet wish fulfillment. Moreover these so-called „most advanced industrial techniques in the world“ and „the greatest labor productivity“ are artificially tended factors and do not reflect the true state of Soviet industry. High labor productivity has always existed side by side with primitive or backward industrial methods and poor output. Not only do human relations under Soviet socialism fail to mirror a high level of sociability, on the contrary, they manifest an unprecedented degree of unsociability. This fact may be proved by life on the kolchozes, the activity of the GPU-NKVD-MVD and such laws as the death penalty for children over 12 years of age or the criminal responsibility of relatives for those persons who manage to escape from the Soviet Union. Another symptomatic pointer in this respect has been the cynical „territory-seizing“ methods of Soviet foreign policy. Finally, unsociability forms part of the Soviet social structure despite assertions that there are no mutually antagonistic classes in the USSR. The gap between poor and rich is wider there than in the capitalist countries and certain

strata of Soviet society have even revealed a tendency to bequeath their property and money by the right of inheritance.

Both Lenin and Stalin further elaborated Marx's theories. Neither was prepared to rely on the spontaneity of the revolutionary process and considered it essential to create an active, centralized Marxist party, which alone would be capable of resolving the tasks before the working class. Also, a union of the proletariat and the peasantry would be an essential factor for a successful revolution. With these views, Lenin approached the viewpoints of many Russian revolutionaries; it would seem that Nechaev and Tkachev were as much the teachers of Lenin and Stalin as were Marx and Engels. Without denying a certain Russian influence on the rise of Bolshevism, it should be recognized that it alone cannot explain the phenomenon. Important issues to be considered in the elucidation of this problem are the characteristics of the revolutionary in general and the crisis in social science and Marxism itself.

Many observers feel that Bolshevism is a distortion of Marxism, and they are correct as regards the final chapter in volume I of **Das Kapital**, which discusses the advent of socialism. However, if the Communist Manifesto—regarded as vitally important by the Soviets—or the **Critique of the Gotha Program** are considered, then the Bolsheviks are, of course, Marx's faithful disciples, who have succeeded in realizing his plans. Even the concept „soviets“ was developed under Marx's direct influence. The Bolsheviks considered that „soviets“ first arose in 1871 in the Paris Commune, which was so exalted by Marx. The idea of „soviets“ as a governmental method of the victorious proletariat was preached earlier by Marx in his articles in the **Rheinische Zeitung**, where he indicated the kind of structure they should have as well as the policy they should implement. All these instructions were carefully adhered to by the Bolsheviks.

Although Marx's scientific socialism was formed under the direct influence of the new social science, these two branches reveal mutual discrepancies and often direct contradictions. For example, Comte's sociology recognizes above all a consensus of all aspects of social life, whereas scientific socialism acknowledges the decisive role of only one aspect, namely economics. Comte adheres to the evolutionary development of society; Marx feels that such a development can only be achieved by leaps and bounds. Comte's ideas are based on the principles of organic and historical conditioning; Marx talks of the revolutionary transformation of society and about destroying its very foundations. Naturally, German social science, which assumes as the organizational basis of society and its history the principles of freedom, individuality and the value of the human personality, squarely contradicts Marxism, with its unconditional subordination of the individual to the despotic power of socialist society. It should not be thought that all these principles underlying the new social science are completely developed and require no additional elucidation. However they do have a firm basis and represent a reliable point of departure for evaluating both social phenomena and theories.

Whereas Marx' predictions of the advent of the new social order were completely fallacious, the earlier predictions of social thinkers proved most accurate. The latter included Lorenz Stein, Comte, Herbert Spencer, Nietzsche, Ammon, Le Bon, L. Tolstoi, Marquis de Custine, Schopenhauer, Hartmann, Proudhon, Balzac, K. Leontev, G.Chicherin.

Due to lack of space the author is only able to deal with the predictions on socialism of Stein, Le Bon, Chicherin and certain predecessors of Le Bon. They all repeat with tiresome monotony what socialism incurs, for example, the impoverishment of the population and permanent, universal servitude, the cruel dictatorship of the proletariat, endless violence and an interminable reign of bloody terror, the annihilation of the individual's freedom of activity and his unquestioning service to the state and, finally, concentration camps and forced labor.

Concerning the predictions on socialism in the future, it is to be noted that in this respect Comte's well known thesis **savoir pour prévoir is fully** supported by the findings of social thinkers. Comte however went further with his **prévoir pour agir**, and it should be noted that the necessary measures were taken even in pre Revolutionary Russia to prevent any wave of socialism. Nevertheless after the war with its dreadful devastation the socialist order was introduced. In this connection a universal fear arose, for the 1848 Revolution took place under the banners of socialist and Communist doctrine; in 1871 the Paris Commune seized power within a few months and implemented certain Communist teachings; in 1917 „socialism was built up over one sixth of the earth's surface". After the period of unsuccessful intervention, the civilized world began to help building up socialism in the USSR, which was too backward herself to accomplish the task independently. Nevertheless the western world did not allow the Soviets to play a leading role in international affairs. During World War II, the West was obliged to allow Bolshevism an important part in the international scene. This was a relatively simple matter, but it was both risky and complicated for the democratic camp to act as the Soviet Union's partner in world affairs and attempt concurrently to control it.

At present the capitalist world is opposed by the socialist world, which is a universal, well-organized center for the destruction of western civilization. Talk on the destruction of our culture is far from exaggerated. The consequences of a complete triumph of Communism are clear to everyone, yet not enough is being done to avert this catastrophe. Communism is most vulnerable to attack, for it neither helps the deprived nor removes dictators or the wealthy classes. These facts may be easily shown and proved.

DER WISSENSCHAFTLICHE SOZIALISMUS UND DIE GESELLSCHAFTSWISSENSCHAFT

Das vorliegende Werk ist eines von mehreren, welche von dem Verfasser über den Marxismus veröffentlicht wurden, bezieht sich hauptsächlich auf die Soziallehre von Marx und läßt die übrigen Momente seiner Doktrin unberücksichtigt. Der Verfasser verdeutlicht, in welchem Maße die Soziallehre Marxens von der Sozialwissenschaft der ersten Hälfte des XIX. Jahrhunderts, die von Marx seinem eigenen Fachgebiet angepaßt wurde, abhängig war. Doch ist es gerade dieses Spezialgebiet von Marx (der Sozialismus), welches sich von den übrigen, nicht-marxistischen Lehren unterscheidet. Die bolschewistische Revolution ist für marxistische und nicht-marxistische Theorien diejenige große Probe aufs Exempel, welche eine neuartige Beschaffenheit der Gesellschaft und deren Entwicklungsprozeß in Wirklichkeit umsetzte.

Bei der Übersicht der zahlreichen und unterschiedlichen Deutungen des Sozialismus, verweilt der Verfasser bei der Lehre der französischen „utopischen“ Sozialisten der ersten Hälfte des XIX. Jahrhunderts, von welcher Marx unmittelbar (im Sinne seiner Auffassung von der auf materiellem Interesse fußenden Gesellschaft, der Eigentumslehre, der Klassenkampf-Lehre, der Kritik an der kapitalistischen Gesellschaftsordnung) oder mittelbar (im Sinne des Ersatzes des freiwilligen Überganges zum Sozialismus bei den französischen „utopischen“ Sozialisten durch eine gesetzmäßige, vom Willen und der Vernunft des Einzelindividuums unabhängige Entwicklung der Gesellschaft, die unweigerlich zum Sozialismus führt, d. h. einer Anwendung der allgemeinen Tendenz der ersten Hälfte des XIX. Jahrhunderts auf den Sozialismus) beeinflußt war.

Viele Denker zogen nach der französischen Revolution den Schluß, daß geschichtlichen Ereignissen, gleichwie dem Naturgeschehen, eine bestimmte Gesetzmäßigkeit, unabhängig vom Willen und der Vernunft der Einzelindividuen, zu Grunde läge. Dieses wurde von den Theokraten (besonders von J. de Maistre) sowie von der historischen Rechtsschule ausdrücklich betont. Einer Synthese der Ideen französischer Sozialisten und der Ideen J. de Maistres von der natürlichen, organischen Entwicklung geschichtlicher Ereignisse entspringt die Soziologie Auguste Comtes — die Lehre über die sich auf eine natürliche, gesetzmäßige Weise entwickelnde Gesellschaft. Ungeachtet der unterschiedlichen Auffassungen der Nachfolger Comtes, sind ihnen drei gemeinsame, auf Comte zurückzuführende Züge eigen: a) die gesetzmäßige Evolution der Gesellschaft,

b) der Zusammenhang zwischen allen sozialen Erscheinungen und c) die untergeordnete Lage des Individuums der Gesellschaft gegenüber. Das Verdienst Comtes beschränkt sich nicht allein darauf, die Soziologie als Wissenschaft gegründet zu haben, er ist auch der Schöpfer der historischen vergleichenden Methode der Sozialwissenschaft. Die strenge Gesetzmäßigkeit aller sozialer Erscheinungen, bei welcher der Wille und die Vernunft einzelner Individuen keinerlei Rolle spielen, wird bereits vor Marx von J. Quételet in seiner bekannten „Sozialen Physik“ festgestellt.

Neben der Comte'schen Soziologie gibt es auch andere von Comte unabhängige Sozialtheorien, unter denen die deutsche Sozialwissenschaft mit ihren festgefühten, tiefwurzelnden Traditionen der idealistischen, auf den Prinzipien der Freiheit, der Zielbewußtheit, des Persönlichkeitswertes und einer schöpferischen Synthese beruhenden Philosophie besonders hervorzuheben ist.

All diese verschiedenen Strömungen der Sozialwissenschaft stehen in komplizierten Wechselbeziehungen zueinander.

Auf Marx übte die Geschichtsphilosophie Schellings und besonders Hegels einen bedeutenden Einfluß aus. Diese Philosophen lassen uns erkennen, wie ungeachtet dessen, daß jedes Einzelindividuum seine eigenen Ziele verfolgt und seinen freien Willen durchsetzt, die Gesamtheit dieser Handlungen einen absolut notwendigen sozialen Prozeß bildet. Es ist möglich, die Sozialtheorie von Marx als eigenartige Synthese der Soziologie und Geschichtsphilosophie zu betrachten: er stellt abstrakte, immer wieder feststellbare Sozialgesetze fest und entwirft ein Gemälde derjenigen Entwicklung der Menschheit in ihrer Ganzheit, welche zum Sozialismus führen soll.

Auf seinen historischen Materialismus gestützt stellt Marx fest, daß die Menschen in ihrem Sozialleben in unvermeidliche, vom Willen unabhängige Beziehungen treten, in Produktionsverhältnisse, die einer bestimmten Entwicklungsstufe materieller Produktionskräfte entsprechen. Die Produktionsverhältnisse bilden das reale Fundament, auf welchem der juristische und der politische Überbau errichtet und eine bestimmte Bewußtseinsform erreicht wird. Innerhalb dieser sozialen Gesetzmäßigkeit spielt, laut Marx, der Klassenkampf die entscheidende Rolle. Da jedoch alle sozialen Erscheinungen untrennbar miteinander verbunden sind, ist es unzulässig, den Schwerpunkt auf eine bestimmte Gruppe, von der sich alle übrigen in einem Abhängigkeitsverhältnis befinden, zu verlegen. Dementsprechend ist

- a) das wirtschaftliche Element öfter nur die Folge der übrigen Erscheinungen des Soziallebens,
- b) es bildet oft eine unzureichende Ursache auf diesem Gebiet,
- c) es spielt in einigen Erscheinungen des Soziallebens überhaupt keine Rolle.

Es ist unmöglich, bei Marx nicht nur die allgemeine Art der Gesetzmäßigkeit, sondern auch die spezifische als stichhaltig zu bezeichnen:

sehr oft hängt die Technik von der Ideologie, von den sozialen und politischen Verhältnissen ab, und die Produktionsarten — von Eigentums- und politischen Beziehungen. Der Begriff des „Klassenkampfes“ ist äußerst unbestimmt, trägt den unendlich komplizierten Elementen der Gesellschaft keinerlei Rechnung und wird durch Tatsachen keineswegs bestätigt.

Nachträglich empfanden die Gründer des Marxismus ihren Standpunkt als extrem und begannen im sozialen Entwicklungsprozeß andere, nicht-wirtschaftliche Faktoren anzuerkennen. Wir stehen angesichts dieser Geständnisse an der marxistischen Quelle wenn nicht einer völligen Aufgabe, so doch einer wesentlichen Beschränkung des historischen Materialismus in Stalins „Marxismus und die Probleme der Sprachkunde“. Das In-Betracht-Ziehen materieller Bedürfnisse als der dringlichsten und intensivsten bildet kein marxistisches Spezifikum, sondern wird von zahlreichen Idealisten geteilt.

Die Nachfolger Marxens weisen darauf hin, daß Marx den Sozialismus nicht nur durch seinen historischen Materialismus in eine Wissenschaft verwandelt hatte, sondern auch dank seiner Theorie vom Mehrwert, durch welche die unentwegte Ausbeutung der Arbeiterklasse von den Kapitalisten bewiesen wird. Die Theorie des Mehrwertes fußt auf der Theorie des Arbeitswertes. Erstere schuf der deutsche Wirtschaftsgelehrte Rodbertus, die Gründer der zweiten sind Adam Smith und D. Ricardo (wenn sie auch nicht so radikal wie Marx sind).

Zu der Behauptung von Marx, jeder Wert sei im Grunde nur verdinglichte menschliche Arbeit, ist zu bemerken, daß:

- a) sich der Wert der Güter ohne menschliches Dazutun gestaltet,
- b) eine Wertbildung trotz menschlichen Arbeitsaufwandes ausbleiben kann,
- c) der Wert der Güter unabhängig von Menschenarbeit steigt oder fällt,
- d) der Güterwert, in einem Falle von Menschenhand erschaffen, im anderen, von anderen Faktoren als menschliche Arbeit gestaltet wird.

Deswegen kann mechanische Menschenarbeit durch diejenige von Arbeitstieren, Wasser, Wind, Dampf, Elektrizität usw. ersetzt werden, so daß man ausrechnen kann, wieviele Arbeiter die in Frage kommende Kraft oder die Summe mechanischer Kräfte zu ersetzen imstande sind. Daran kann auch der Vorbehalt der Marx'schen Theorie, daß dabei nicht die Arbeitsmenge des Einzelindividuums, sondern die unter obwaltenden Verhältnissen sozial-notwendige Arbeitsmenge zu berücksichtigen sei, nichts ändern: wir beobachten oft einen gleichwertigen, nichtsdestoweniger mengenmäßig gänzlich verschiedenen sozial notwendigen Arbeitsaufwand. Außerdem wäre die Theorie des Arbeitswertes nur dann stichhaltig, wenn der Mensch über den Wert der Güter nur nach dem mengenmäßigen Arbeitsaufwand und nicht nach anderen Eigenschaften der Güter urteilen würde. Dazu ist hinzuzufügen, daß das Element der Arbeit willkürlich und unbestimmt ist, und durchaus nicht auf die genau meßbare Arbeitsleistung eines Organismus hinausläuft. Die Theorie des

Mehrwertes steht und fällt nicht nur mit dem Arbeitswert, sondern enthält an sich Widersprüche. Selbstverständlich ist der Wert der Arbeitskraft nicht dem Werte der für den Arbeiter und seine Familie notwendigen Gebrauchsgüter gleich, sondern kann diesen Wert weitgehend übersteigen; er ist sowohl in verschiedenen Ländern als auch auf verschiedenen Gebieten eines Landes unterschiedlich. Die Theorie des Mehrwertes steht im flagranten Widerspruch zu der Kapital-Zinslehre: gleiches Kapital trägt, ganz unabhängig davon, welcher Teil davon zur Bezahlung der Arbeitskraft verwendet wird, gleiche Zinsen, während — wenn der Wert durch die Arbeit allein geschaffen würde — das Kapital, mittels dessen größere Arbeitskräfte entlohnt werden könnten, auch einen höheren Zins tragen würde. Die erwähnten Widersprüche werden beim Vergleich des ersten Bandes des Marx'schen „Kapitals“ mit dem dritten offenbar: im ersten Band wird die Mehrwerts- und die Arbeitswerts-Theorie unter Beweis gestellt, im dritten jedoch behauptet, daß Kapitalien auf sämtlichen Produktionsgebieten, abgesehen davon, welche Menge Arbeitskraft bei der Produktion angewandt wird, den gleichen Zins tragen.

Im abschließenden Kapitel des ersten Bandes des „Kapital“ legt Marx die Voraussetzungen zur Geburt des Sozialismus dar: infolge der kapitalistischen Entwicklung wird eine derartige Konzentration der Produktionsmittel entstehen, daß sämtliche Mittel sich in den Händen weniger Einzelpersonen befinden werden, während die Masse nichts ihr eigen zu nennen haben und nur für eine Arbeit zu Gunsten dieser Einzelpersonen organisiert werden wird. Mit anderen Worten — es kommt zu einem krassen Widerspruch: die Masse wird bei ihrer Produktion auf soziale Weise organisiert, während die materiellen Beziehungen den Charakter von Privateigentum beibehalten werden. Laut Marx gibt es aus dieser Lage nur einen einzigen Ausweg: alle materiellen Mittel, welche in wenigen Händen konzentriert sind, werden einen vergesellschaftlichten Charakter annehmen, werden also Gemeingut werden. Diesem Konzentrierungsprozeß der Produktionsmittel hat laut Marx vorzugehen: der Übergang des Eigentums aus den Händen vieler Kapitalisten in die Hände einiger weniger; die Zunahme der Zahl der Lohnproletarier auf Kosten ruinierter bescheidenerer Privateigentümer, besonders an den Rand des Ruins gebrachter Bauern; die Vervollkommnung der ohnehin hochentwickelten Technik und die weitere Spaltung der ohnehin differenzierten Spezialgebiete; eine fortschreitende Ausbeutung der Proletarier durch Verlängerung der Arbeitszeit, die Verkrüppelung von Millionen von Arbeitern, der unbarmherzige Arbeitseinsatz von Kindern usw. Viele Tatsachen haben bewiesen, daß den Prophezeiungen Marxens zum Trotz, die Lage des Arbeiters sich nicht nur keineswegs verschlimmert, sondern in jeder Hinsicht gebessert hat: die Zahl der Ärmsten hat nicht nur keineswegs zu-, sondern in zivilisierten Ländern bedeutend abgenommen; die Anzahl von Personen mit mittlerem Einkommen ist im Steigen begriffen; Riesenunternehmen werden in Form

von Aktiengesellschaften gegründet, an denen auch Personen mit geringem Einkommen beteiligt sein können; der Boden der Großgrundbesitzer gelangt in die Hände von Kleinbauern usw.

Diese mißglückte Marx'sche Prophezeiung über eintretende Verhältnisse, die angeblich zum Sozialismus führen sollten, blieb auch für die Marxisten selbst nicht verborgen. In ihrer Mitte entstanden der Revisionismus (E. Bernstein) und ähnliche Theorien, deren Vertreter die Geburt des Sozialismus nicht mehr vom „ehernen Gesetz der kapitalistischen Entwicklung“ erwarten, sondern der Meinung sind, daß die Arbeiterklasse selbst für die allmähliche Einführung des Sozialismus durch legale parlamentarische Tätigkeit zu kämpfen habe, und dies durch eine Gesetzgebung, mittels derer eine Verbesserung der wirtschaftlichen, politischen und kulturellen Lage der Arbeiter unter Aufgabe des revolutionären Klassenkampfes zu erzielen sei. Ab und zu wird behauptet, daß eine Kapitals-Konzentration tatsächlich nicht in Europa, sondern lediglich in den Vereinigten Staaten von Nordamerika zu beobachten sei. Zugegeben, daß es in Amerika eine solche gibt — verläuft sie dennoch parallel — nicht zu einer Verschlechterung der Lage der Arbeiterklasse, sondern zu einer beispiellosen Besserung. Tatsächlich geht eine Kapitals-Konzentration in Amerika in Form von Gründungen von Aktiengesellschaften vor sich, wobei die Zahl der Aktionäre bei weitem schneller zunimmt als die Kapitalanhäufung.

Marx hatte für die Einführung des Sozialismus des öfteren bestimmte Termine festgesetzt. Keine einzige von seinen Prophezeiungen ist in Erfüllung gegangen. 1917 hatte in Rußland eine sozialistische (bolschewistische) Revolution stattgefunden, welche nicht nur keineswegs der nach Meinung Marxens notwendigen Summe von Voraussetzungen zu ihrem Ausbruch entsprach, sondern sich in direktem Widerspruch dazu befand (es gab keine Kapitalskonzentrierung beim Produktionsprozeß und, schließlich, sogar kein zahlenmäßig ausreichendes Proletariat, das in Rußland weit hinter der Zahl der Bauern zurückstand). Der schwere Krieg mit Deutschland und der Ausbruch der Revolution gaben der rückständigen russischen Wirtschaft den Rest. Wie wenig die in Rußland herrschenden Verhältnisse vom marxistischen Standpunkt aus zur Einführung des Sozialismus geeignet waren, ist am besten aus der „Kurzgefaßten Geschichte der Kommunistischen Partei“, in welcher die wirtschaftliche Lage des damaligen Rußlands geschildert wird, zu ersehen. Selbstredend befindet sich die Lehre Lenins über den Sieg des Sozialismus in einem einzigen kapitalistischen Lande — Rußland — in krassestem Widerspruch zur Theorie von Marx, laut welcher der Sozialismus aus der auf höchster Entwicklungsstufe stehenden kapitalistischen Form, nicht aber aus einer der rückständigen geboren werden sollte. Als den Prophezeiungen Marxens völlig entgegengesetzt hat sich der in China mit seiner 600 Millionen-Bevölkerung eingeführte Sozialismus erwiesen.

Allein, nicht nur die Voraussetzungen zur Einführung des Sozialismus durch die Bolschewisten hatten sich als Gegenteil zur Formierung

des Sozialismus Marx'scher Prägung entpuppt, sondern als gegenteilig hatten sich auch die Grundsätze des Sozialismus, die ihm von Marx zugeschrieben und die Art, wie sie verwirklicht wurden, erwiesen: der Staat war keineswegs eines natürlichen Todes gestorben, sondern hatte in einem beispiellosen Maße an Macht zugenommen; die Arbeit wurde keineswegs als anziehend empfunden und intensiv betrieben, sondern die Produktivität war dermaßen gesunken, daß man eine so harte Arbeits-Gesetzgebung einzuführen gezwungen war, wie sie die „kapitalistische“ Welt bisher nicht gekannt hatte; es hatte nach Einführung des Sozialismus nicht nur keinen „Sprung aus dem Reiche der Notwendigkeit in das Reich der Freiheit“ gegeben, sondern, im Gegenteil, ein Sprung aus dem Reich der (relativen) Freiheit in das Reich der Notwendigkeit (des allgemeinen Zwanges) fand statt; schließlich und endlich wurde der offenkundig internationale Charakter des Sozialismus durch einen einseitigen Nationalismus in der Sowjetunion ersetzt.

Marx hatte sich die Geburt des Sozialismus als streng gesetzmäßigen, natürlichen Prozeß, welcher leicht und mit der Notwendigkeit eines Naturereignisses vor sich zu gehen hatte, vorgestellt. Der sowjetische Sozialismus jedoch trägt alle Merkmale eines künstlichen und gewaltsamen Sozialismus. Die Bolschewiken hatten anfangs den „Sozialismus aufgebaut“ und erst dann den aufgebauten Sozialismus untermauert. Die Bolschewiken hielten eine Industrialisierung des Landes für das Hauptmerkmal der sozialistischen Gesellschaft, kümmerten sich vor allem um die Industrialisierung des Landes und sorgten erst später für die Untermauerung des bereits aufgebauten Sozialismus, indem sie versuchten, sämtliche Rekorde anderer Länder zu brechen und den ausgesprochen abnormen Charakter ihrer Industrialisierungsmethoden gänzlich mißachteten. Wieweit der Aufbau des Sozialismus in der Sowjetunion künstlich und gewaltsam war, davon zeugt die sowjetische Arbeiter-Gesetzgebung: aus einer fortschrittlichen Gesetzgebung zu Beginn des Sowjetregimes verwandelte sie sich in eine rückständige, wie sie es in keinem kapitalistischen Lande gibt. Die Künstlichkeit und Gewaltsamkeit des sozialistischen Aufbaues beweist auch die Kollektivierung der Landwirtschaft, welche laut Verordnung von 1930 im Laufe von einem oder zwei Jahren in der Ukraine, im Nordkaukasus und am mittleren Lauf der Wolga zu erfolgen hatte. Die gleiche Künstlichkeit und Gewaltsamkeit der Kollektivierung der Landwirtschaft beweist auch die „Kurzgefaßte Geschichte der Partei“ sowie die nachmalige, die Kolchose betreffende Gesetzgebung bis in unsere Tage hinein.

Seinem Sinne nach ist der Sozialismus eine solche Gesellschaftsordnung, welche den höchsten Grad von Soziabilität verlangt, die von Menschen erreicht werden kann. Dieser Begriff von Soziabilität fehlt dem Sowjetsozialismus gänzlich. Der Sowjetsozialismus hat in erster Linie nicht menschliche Beziehungen, sondern eine vollkommene Technik („die weltbeste“) und eine hohe Arbeitsproduktivität im Auge (das Stachanow-System). Bei näherer Betrachtung spiegelt beides nicht den tatsächlichen

Sachverhalt, sondern hauptsächlich Wunsch- und Reklamegebilde wider. Außerdem wurden diese „fortschrittlichste Technik der Welt“ und „höchste Arbeitsproduktivität“ aus dem Rahmen der allgemeinen Technik und Arbeitsproduktivität herausgerissen und verfrachten sich überall mit einer mittelalterlichen Technik und rückständigen Produktion. Die menschlichen Beziehungen in der Sowjetunion zeugen nicht etwa vom höchsten Grade der Soziabilität, sondern vom höchsten erreichten Grade der Unsoziabilität: Beweise dafür liefert das Leben in Kollektiv-Wohnungen und des gesellschaftliche Leben, die Tätigkeit der GPU - NKWD - MGB und Gesetze, welche die Einführung der Todesstrafe für Kinder ab 12 Jahren, oder die Sippenhaftung für Flüchtlinge ins Ausland verlangten. Einen Beweis dafür liefert ebenfalls die Außenpolitik der Sowjetunion, welcher zufolge, nach anfänglicher Ablehnung jeglicher Annexionspolitik, mit beispiellosem Zynismus riesige Flächen fremden Territoriums angeeignet wurden. Die Antisozialität äußert sich schließlich und endlich auch in der Struktur der Sowjetgesellschaft: trotz Behauptungen, es gebe in der Sowjetunion keinen Klassenantagonismus mehr und alle seien gleich, ist dort die Kluft zwischen Arm und Reich tiefer als in kapitalistischen Ländern, wobei bei einigen Bevölkerungsschichten zweifellos die Tendenz besteht, bestimmte Stände zu bilden, d. h. ihre Position erblich zu machen.

Lenin und Stalin sorgten für die Weiterentwicklung des Marxismus: sie verließen sich nicht mehr auf den spontanen Revolutionsprozeß, sondern hielten es für notwendig, eine zentralisierte marxistische Kampfpartei zu bilden, welche allein imstande sein würde, die revolutionären Arbeiterbewegungen weiterzuentwickeln und eine Lösung der vor dem Arbeiter stehenden Probleme zu erzwingen. Außerdem war für eine erfolgreiche Revolution die Schließung eines Bündnisses zwischen Arbeiterproletariat und Bauernschaft notwendig. Damit rückt Lenin in die Nähe zahlreicher russischer Revolutionäre, und es hat den Anschein, daß Netschaew und Tkatschew gleichermaßen Lehrer von Lenin und Stalin gewesen seien wie Marx und Engels. Ohne den russischen Einfluß auf die Entstehung des Bolschewismus in Abrede stellen zu wollen, muß man jedoch zugeben, daß damit allein die Entstehung des Bolschewismus nicht erklärt werden kann. Dazu sind zu berücksichtigen

- a) die Eigenschaften eines Revolutionärs im allgemeinen,
- b) die allgemeine Krise der Sozialwissenschaft und
- c) die Krise des Marxismus selbst.

Viele Leute sind der Meinung, daß der Bolschewismus eine Perversion des Marxismus darstelle. Sofern es sich um das letzte Kapitel von Band I des „Kapital“ handelt, in welchem von der Einführung des Sozialismus die Rede ist, haben sie recht. Sofern es sich aber um das „Kommunistische Manifest“, das für die Bolschewiken von entscheidender Bedeutung ist, sowie um die „Kritik des Gothaer Programms“ handelt, sind die Bolschewisten als getreue Jünger von Marx zu betrachten, welche seine Pläne zu verwirklichen wußten. Der Begriff der „Sowjets“

sogar bildete sich unter dem unmittelbaren Einfluß von Marx heraus. Die Bolschewiken sind der Meinung, daß die „Sowjets“ 1871 erstmalig in Form der von Marx so bewunderten Pariser Kommune verwirklicht wurden. Die „Sowjets“ als Regierungsmethode des siegreichen Proletariats wurden von Marx früher bereits in seinen Artikeln in der „Rheinischen Zeitung“ gepredigt, wobei von ihm bestimmt wurde, welche Struktur sie zu haben und welche Politik sie zu führen hätten. Alle diese Anweisungen wurden von den Bolschewiken genauestens befolgt.

Obgleich der wissenschaftliche Sozialismus Marxens unter dem unmittelbaren Einfluß der neuen Sozialwissenschaft entstanden war, besteht jedoch zwischen diesen Lehren ein weitgehender Unterschied, welcher sich des öfteren sogar ins Gegenteil verwandelt. So z. B. wird von der Soziologie Comtes in erster Linie der consensus aller Gebiete des Soziallebens berücksichtigt, während der wissenschaftliche Sozialismus die entscheidende Rolle ausschließlich einem einzigen Gebiete — der Ökonomik — zuerkennt; die Comte'sche Soziologie rechnet mit einer evolutionierenden Entwicklung der Gesellschaft, der wissenschaftliche Sozialismus jedoch mit „Sprüngen“; die Soziologie Comtes beruht auf einem organischen Prinzip, auf dem Grundsatz einer historischen Bedingtheit, — der wissenschaftliche Sozialismus redet von einer revolutionären Umgestaltung der Gesellschaft, von der restlosen Zerstörung sämtlicher Grundlagen des Soziallebens. Es ist klar, daß auch die deutsche Sozialwissenschaft, welche den Sozialorganisationen und der Geschichte Prinzipien der Freiheit, des Individualismus und des Persönlichkeitswertes zu Grunde legt, mit dem wissenschaftlichen Sozialismus und seinem Verlangen nach bedingungsloser Unterwerfung der Persönlichkeit unter die despotische Macht der sozialistischen Gesellschaft in direktem Widerspruch steht. Man kann nicht behaupten, daß diese Prinzipien der neuen Sozialwissenschaft ganz klar und bestimmt sind und keinerlei Deutungen verlangen, doch ergeben sie einen sicheren Standpunkt, von dem aus man soziale Erscheinungen und Sozialtheorien richtig einzuschätzen wüßte.

Indem der wissenschaftliche Sozialismus gelegentlich seiner Prophezeiungen dasjenige voraussagte, was zum tatsächlichen Entwicklungsgang in krassestem Widerspruch stand, wurde von den Vertretern der neueren Soziologie die Einführung des Sozialismus so dargestellt, wie sie später tatsächlich erfolgte. Eine Menge stichhaltiger Prophezeiungen ist vorhanden. Sie sind vorzufinden bei: Auguste Comte, Lorenz Stein, Herbert Spencer, Nietzsche, Ammon, G. Le Bon, L. Tolstoi, dem Marquis de Custine, Schopenhauer, Eduard v. Hartmann, Tschadaev, Proudhon, Balzac, Nikitenko, Pirogoff, Leontjew, G. Tschitscherin u. a. m.

Wegen Platzmangel halten wir uns bei den Prophezeiungen über den kommenden Sozialismus bei Lorenz Stein, G. Le Bon und G. Tschitscherin sowie bei einigen Vorgängern Le Bons auf. Sie alle sprechen mit ermüdender Monotonie davon, was der Sozialismus zur Folge haben würde: eine Verarmung der Bevölkerung und allgemeine totale Sklaverei; eine

grausame Diktatur des Proletariats; endlose Vergewaltigungen; nicht enden wollenden blutigen Terror; die Vernichtung der besten Elemente der Gesellschaft; völlige Abhängigkeit der Bevölkerung auf sämtlichen Lebensgebieten, ohne Ausnahme, vom despotischen Staat; die Unterbindung jeglicher freien Tätigkeit des Individuums, welches von nun an nur dem allmächtigen Staate zu dienen haben würde, die Einführung von Konzentrationslagern, Sklavenarbeit usw.

Indem wir uns den Voraussagungen über den kommenden Sozialismus zuwenden, müssen wir zugeben, daß die neue Sozialwissenschaft in dieser Hinsicht die berühmte These Auguste Comtes „savoir pour prévoir“ voll gerechtfertigt hat. Jedoch setzt Comte fort: „prévoir pour agir“. Es ist zu bemerken, daß zur Vorbeugung des kommenden Sozialismus entsprechende Maßnahmen, auch im Vorrevolutions-Rußland, getroffen wurden. Trotzdem wurde nach einem furchtbaren Kriege und einem totalen Zusammenbruch der Sozialismus in Rußland eingeführt. Zugleich entstand für die gesamte Welt eine große Gefahr: die ganze Revolution von 1848 war im Zeichen sozialistischer und kommunistischer Lehren verlaufen; 1871 hatte die „Pariser Kommune“ für einige Monate die Macht an sich gerissen und einige Punkte der kommunistischen Lehre verwirklicht; schließlich wurde 1917 „im sechsten Teil der Welt“ der Sozialismus aufgebaut. Nach einer mißglückten Intervention begann die zivilisierte Welt der Sowjetunion für Geld Hilfe zu leisten und hob damit den Sozialismus, welchen aufzubauen die Sowjetunion allein nicht imstande gewesen wäre, in den Sattel, wobei es die westliche Welt nicht zuließ, daß die Sowjetunion in internationalen Angelegenheiten eine Hauptrolle spielte. Während des zweiten Weltkrieges waren die großen Demokratien gezwungen, dem Bolschewismus in die große Weltarena Zutritt zu gewähren. Es war einfach, die Bolschewisten hineinzulassen, — sie zu Partnern zu haben und sie einzudämmen — war für die Demokratien eine komplizierte und riskante Angelegenheit. Gegenwärtig steht der „Kapitalistischen Welt“ die „Sozialistische Welt“ gegenüber, eine Welt, welche ein wirksames Element zur Zerstörung der kapitalistischen Welt in sich birgt. Wahrlich, die Klagen über den Untergang unserer Kultur sind keineswegs übertrieben! Wir wissen genau, was der Triumph des Kommunismus bedeuten würde, wir tun aber wenig, um diesem Triumph vorzubeugen. Dabei ist der Kommunismus sehr verletzlich: weder macht er den Ärmsten das Leben leichter, noch beseitigt er Diktatoren und Krösusse. Dies alles ist mit Leichtigkeit zu beweisen.

Prof. A. Philippov

Le socialisme scientifique et la science de la société

Le présent travail, l'un des ouvrages de l'auteur sur le marxisme, ne s'occupe que de la théorie sociale de Marx, laissant de côté les autres aspects de sa doctrine.

L'auteur montre comment toute la théorie sociale de Marx est déterminée par la science sociale de la première moitié du XIXème siècle que Marx a adapté à son domaine particulier. Mais c'est justement ce domaine spécial à Marx (le socialisme) qui distingue sa théorie des théories sociales ordinaires non-marxistes. La révolution bolchévique est un grand terrain d'expérience, tant pour les théories marxistes que non marxistes, puisqu'elle met en jeu une société et une voie de développement de la société de types particuliers.

Après avoir rapidement passé en revue les nombreuses et diverses interprétations du socialisme, l'auteur examine plus en détail la doctrine des socialistes „utopistes“ français de la première moitié du 19ème siècle; cette doctrine a exercé sur Marx une influence directe (conception de la société basée sur l'intérêt, la théorie de la propriété et de la lutte de classes, la critique du système capitaliste) et une influence indirecte (remplacement de l'introduction volontaire du socialisme qui caractérise les socialistes „utopistes“ français par un développement de la société suivant une loi qui a pour particularité d'être inévitable et hors de portée de la volonté et de l'intelligence des individus isolés, qui doit amener à la socialisation, c'est-à-dire l'extension au socialisme de la tendance scientifique générale qui caractérise la première moitié du 19ème siècle).

Après la grande révolution française beaucoup de penseurs en arrivèrent à la conclusion que les événements historiques se produisent suivant une loi, de la même façon que les phénomènes naturels, en dehors de la volonté et de la raison des individus isolés. Les théocrates (en particulier J. de Maistre) insistaient énergiquement sur ce point, de même que l'école de droit historique. La sociologie de A. Comte est un système des idées des socialistes „utopistes“ français et des idées de J. de Maistre: la société se développe suivant une loi naturelle. Tous les disciples d'Auguste Comte s'accordent malgré la divergence de leurs idées sur les trois traits caractéristiques qui leur viennent de A. Comte: a) évolution de la société suivant une loi; b) „consensus“ de tous les phénomènes sociaux; c) situation subordonnée de l'individu par rapport à la société. Le mérite de Comte ne se limite pas à la création de la sociologie, mais consiste aussi en ce que Comte est également le

créateur de la méthode comparative historique dans les sciences sociales. Quételet a également établi avant Marx dans sa „Physique sociale” bien connue la stricte soumission à une loi de tous les phénomènes sociaux, soumission dans laquelle la raison et la volonté des individus isolés ne joue aucun rôle. A côté de la sociologie de Comte, il existe aussi d'autres théories sociales, indépendantes de Comte, parmi lesquelles il faut particulièrement souligner la science sociale allemande, avec ses traditions puissantes et influentes de philosophie idéaliste, qui est basée sur les principes de liberté, de fin rationnelle, de valeur, d'individualité et de synthèse créatrice. Toutes ces différentes tendances de la science sociale sont des relations complexes d'interdépendance.

Marx a subi aussi l'influence de la philosophie de l'histoire de Schelling et en particulier celle de Hegel qui montre comment, malgré que chaque homme isolé agit en poursuivant des buts qui lui sont propres et en réalisant sa volonté, la résultante de ces agissements autonomes constitue incontestablement le processus social indispensable. On peut considérer la théorie sociale de Marx comme une synthèse de sociologie et de la philosophie de l'histoire: en effet, il établit des lois sociales abstraites qui se reproduisent tout le temps et dans le même ordre d'idées, il dresse un tableau d'ensemble de l'évolution de l'humanité qui doit amener au socialisme.

Dans son matérialisme historique, Marx établit que, lors de leur vie sociale, les gens ont des relations inévitables, indépendantes de leur volonté — des relations de production qui correspondent au degré déterminé du développement des forces matérielles de production, les relations de production forment la base réelle sur laquelle se dressent la superstructure juridique et politique même que les formes déterminées de la conscience. Dans cette loi sociale, d'après Marx, le rôle décisif appartient encore à la lutte de classes. Mais étant donné que tous les phénomènes sont liés, il est impossible d'isoler un groupe quelconque d'entre eux qui permettrait de déterminer tous les autres. Par conséquent: a) le facteur économique est lui-même souvent une conséquence du reste de la vie sociale; b) souvent il ne suffit pas pour tout expliquer dans ce domaine; c) dans certaines phénomènes de la vie sociale il ne joue aucun rôle. On ne peut pas admettre la loi de Marx non seulement dans sa forme générale, mais encore dans sa forme particulière; bien souvent la technique dépend de l'idéologie ainsi que des conditions sociales et politiques, tandis que les procédés de production dépendent précisément des relations de propriétés et de politique. La conception de „lutte de classes” est extrêmement vague, ne tient pas compte de la composition infiniment complexe de la société et est déniée par les faits. Finalement les fondateurs du marxisme ont reconnu que leur point de vue était excessif et ils ont commencé à reconnaître également le rôle des autres facteurs — non économiques — dans le développement social. Toutes ces concessions sont les sources marxistes sinon de la liquidation, du moins de la limitation des principes du matérialisme

historique par Staline dans „Marxisme et questions de philologie“. Reconnaître que les besoins matériels sont les plus impérieux et les plus intenses n'a rien de spécifiquement marxiste et c'est une opinion qui est partagée par beaucoup d'idéalistes.

Les disciples de Marx indiquent que Marx a transformé le socialisme en science non seulement grâce à son matérialisme historique, mais aussi par sa théorie de la plus-value qui montre l'exploitation ininterrompue des ouvriers par les capitalistes. La théorie de la plus-value est basée sur la théorie de la valeur du travail. La première de ces théories a été élaborée par l'économiste allemand Rodbertus, et la seconde par Adam Smith et D. Ricardo (bien qu'ils ne lui aient pas donné ce caractère exceptionnel dû à Marx).

Au sujet de l'affirmation de Marx suivant laquelle toute valeur n'est que du travail humain condensé, il convient de remarquer avant tout que le travail condensé humain est seulement une forme de l'énergie condensée générale. Il résulte par conséquent que :

a) la valeur d'un bien peut apparaître en dehors du travail humain; b) la valeur d'un bien peut ne pas apparaître malgré l'utilisation de travail humain; c) la valeur d'un bien peut augmenter ou diminuer tout à fait indépendamment du travail humain; d) la valeur d'un bien créé dans certains cas par le travail humain peut être dans d'autres cas créée par d'autres facteurs, en dehors du travail humain.

C'est pourquoi le travail mécanique de l'homme peut être remplacé par le travail des animaux, de l'eau, du vent, de la vapeur, de l'électricité, etc., au point qu'il est même possible de calculer combien d'ouvriers sont remplacés par une force mécanique donnée ou par la résultante de plusieurs de ces forces. La précaution de la théorie marxiste qui consiste à dire qu'il ne faut considérer non le travail individuel isolé, mais le travail social nécessaire dans des conditions données, ne change rien à cela: nous avons constamment l'exemple d'objets de même valeur et néanmoins obtenus par des quantités entièrement différentes de travail social. De plus, la théorie suivant laquelle la valeur des biens est conditionnée par le travail ne serait vraie que si l'homme jugeait de la valeur d'un bien que par la quantité de travail qu'il a dépensé et qu'il ne tienne pas compte des autres propriétés de ce bien. Il faut ajouter à cela que l'estimation par le travail est malgré tout arbitraire et on ne peut en aucune façon évaluer un bien en fonction d'un travail exactement mesuré de l'organisme. La théorie de la plus-value s'effondre, non seulement avec l'écroulement de la théorie de la valeur mesurée par le travail, mais elle contient elle-même des contradictions. Evidemment, le prix de la main-d'oeuvre n'est pas, seulement égal à la valeur des biens de consommation nécessaires au travailleur et à sa famille, mais il peut être de beaucoup supérieur à cette valeur; dans différents pays et, même dans un seul pays, il varie fortement suivant les différentes activités. De plus la théorie de la plus-value est en contradiction évidente avec la théorie de l'intérêt du capital: un même capital donne un même

bénéfice, tout à fait indépendamment de l'importance de la part du capital qui est utilisée à recruter de la main d'oeuvre, tandis que si ce n'était que le travail qui crée toute la richesse, c'est le capital qui recrute le plus de main-d'oeuvre qui donnerait le plus de bénéfice. Les contradictions indiquées apparaissent nettement chez Marx lorsqu'on compare le 1-er tome du „Capital“ avec le 3-ème tome: dans le premier tome il établit la théorie de la valeur du travail et de la plus-value et dans le 3-ème tome il affirme que les capitaux amènent un même bénéfice dans toutes les branches de l'industrie quelle que soit la quantité de main-d'oeuvre utilisée à la production.

Dans le chapitre qui sert de conclusion dans le 1-er tome du „Capital“, Marx expose les conditions de l'avènement du socialisme. A la suite du développement capitaliste, il se produira une concentration des moyens de production telle que tous les moyens de production se trouveront entre les mains de personnes peu nombreuses, tandis que tout le reste de la masse humaine ne possédera rien et ne fera que travailler de manière organisée au profit de ces personnes. En d'autres termes, il apparaîtra une contradiction profonde: la masse humaine principale sera organisée de façon sociale en ce qui concerne la production, tandis que les relations de propriété auront le caractère de la propriété privée. D'après Marx, il ne peut y avoir qu'une seule solution: toutes les relations de propriétés concentrées entre un petit nombre de mains acquerront un caractère communautaire, deviendront propriété de la société. Ce processus de la concentration des moyens doit être suivant Marx précédé par le passage de la propriété des mains de nombreux capitalistes entre celles d'un petit nombre d'entre eux, par l'augmentation constante des prolétaires employés provenant des propriétaires ruinés de moindre importance et en particulier des paysans ruinés, par l'augmentation du niveau déjà élevé de la technique et par la continuation de la division du travail déjà largement répandue, par un accroissement de l'exploitation des prolétaires — on augmente la durée de la journée de travail, on estropie des millions d'ouvriers, on oblige impitoyablement les enfants à travailler, etc. Les faits ont montré que contrairement aux prévisions de Marx la situation des travailleurs ne s'est pas empirée, mais s'est améliorée à tous les égards; le nombre des pauvres non seulement n'est pas augmenté, mais a diminué considérablement dans tous les pays civilisés — où il se produit une augmentation toujours plus grande du nombre de gens jouissant de revenus moyens; il se forme des entreprises importantes sous la forme de compagnies par actions qui sont ainsi accessibles aux personnes à faibles revenus; la terre des gros propriétaires terriens passe de plus en plus aux mains des petits paysans, etc.

Cette prophétie malencontreuse de Marx quant aux conditions qui devaient mener au socialisme n'a pas échappé aux marxistes eux-mêmes; il s'est formé parmi eux un révisionisme (E Bernstein) et d'autres tendances semblables dont les représentants n'attendent déjà plus l'avène-

ment du socialisme en vertu „des lois d'airain du développement du capitalisme“, mais qui considèrent que la classe ouvrière doit elle-même lutter pour l'introduction progressive du socialisme par le procédé de l'activité parlementaire légale, en promulguant des lois qui améliorent la situation économique, politique et culturelle des ouvriers et en renonçant à la lutte de classes révolutionnaire. On affirme parfois que la concentration des capitaux ne s'observe pas, en effet, en Europe, mais qu'elle a lieu aux USA. Evidemment, même si on admet cette concentration en Amérique, en tous cas, elle se produit parallèlement non à une aggravation de la situation de la classe ouvrière comme l'affirmait Marx, mais avec une amélioration de sa situation encore jamais vue jusqu'à présent. En réalité, la concentration des capitaux en Amérique se produit sous la forme de compagnie par actions; par ailleurs, le nombre des actionnaires augmente beaucoup plus que l'accroissement des capitaux.

Marx a souvent indiqué les délais de l'avènement du socialisme, mais aucune de ses prévisions ne s'est réalisée. En 1917 a eu lieu en Russie une révolution socialiste (bolchevique) qui non seulement ne s'est pas produite en présence des conditions prévues par Marx pour son avènement, mais qui a éclaté en pleine contradiction avec ces conditions (absence de concentration des capitaux, de niveau technique élevé, division du travail dans l'industrie poussée à un degré élevé et même tout simplement absence d'un prolétariat suffisant qui était en Russie à l'arrière-plan par rapport à la paysannerie). Une guerre épuisante avec l'Allemagne et la révolution qui se produisit alors détruisirent définitivement l'économie arriérée de la Russie.

„Le cours abrégé de l'histoire du parti communiste“, en décrivant la situation économique de la Russie à cette époque, indique bien à quel point ces conditions étaient défavorables du point de vue marxiste à l'introduction du socialisme en Russie. Evidemment, l'enseignement de Lénine sur le triomphe du socialisme dans l'un des pays capitalistes — la Russie — contredit complètement l'enseignement de Marx d'après lequel le socialisme découle de la forme la plus évoluée du capitalisme et pas du tout de l'une des formes les plus arriérées. L'introduction du socialisme dans la Chine avec sa population de 600 millions d'habitants s'avère complètement contraire aux prophéties de Marx.

Néanmoins, ce ne sont pas seulement les conditions de réalisation du socialisme par les Bolchéviks qui se sont avérées en contradiction complète avec les conditions d'avènement du socialisme suivant Marx, mais c'est aussi la réalité qui s'est trouvée en complète contradiction avec les principes du socialisme, tels que Marx les fixait: l'Etat n'a pas déperissé à la suite de l'introduction du socialisme, mais il s'est renforcé à un degré inconnu jusqu'alors; le travail n'est pas devenu extraordinairement attirant et intense, mais la productivité s'est abaissée à un point tel qu'il a fallu édicter une législation plus sévère qu'aucune de celles qui sont connues dans un Etat „capitaliste“; après l'introduction du socialisme, non seulement il ne s'est pas produit „de bond du royaume de la néces-

sité dans celui de la liberté", mais au contraire, il s'est produit un bond du royaume de la liberté (relative) dans le royaume de la nécessité (contrainte universelle); enfin, le caractère internationaliste ouvertement déclaré du socialisme a été remplacé par le caractère ultra nationaliste de l'Union Soviétique.

Marx se représentait l'avènement du socialisme comme un processus strictement soumis à une loi naturelle, qui se produirait facilement, aussi nécessairement qu'une loi de la nature. Le socialisme soviétique par contre a tous les traits d'un socialisme artificiel et imposé par la violence. Les Bolchéviks ont d'abord „construit le socialisme“ et commencé ensuite „à établir la fondation sous le socialisme“ déjà construit. Les Bolchéviks estimaient que le premier critère d'une société socialiste était l'industrialisation du pays, c'est pourquoi ils s'attaquèrent d'abord à cette industrialisation, en s'efforçant seulement „d'établir une fondation“ sous le socialisme déjà construit et en essayant de battre les records industriels des autres pays, mais sans tenir compte du caractère profondément maladif de leur industrialisation. La législation soviétique ouvrière montre sans contestation à quel point la construction du socialisme en Union Soviétique était artificielle et imposée par la violence; de législation progressiste qu'elle était au début du pouvoir soviétique, elle s'est transformée en une législation à tel point sévère, qu'il n'en existe aucune qui soit semblable dans aucun pays capitaliste. La collectivisation de l'agriculture que l'on décida en 1930 de réaliser en un an ou deux en Ukraine, dans le Caucase du Nord et dans la région de la Moyenne Volga ne montre pas d'une manière moins évidente le caractère artificiel et violent de la construction du socialisme soviétique.

„Le cours abrégé de l'histoire du Parti“ (1938) et la législation ultérieure concernant les kolkhozes jusqu'à nos jours montrent de façon parfaite le caractère de violence et purement artificiel de la collectivisation de l'agriculture.

Le socialisme d'après sa définition même est une organisation de la société qui se base sur le degré le plus élevé de sociabilité qui est supposée exister chez les gens. Et c'est précisément cette notion de sociabilité que nous ne trouvons pas dans le socialisme soviétique. Le socialisme soviétique a d'abord en vue non les relations entre les gens, mais une technique parfaite („la première dans le monde“) et une productivité élevée („stakhanovisme“). Si on voit les choses de plus près, l'un et l'autre ne reflètent pas réellement l'état des choses, mais en grande partie ce qu'on désire et ce qu'on réclame. De plus, cette „technique la plus avancée du monde“ et cette „plus haute productivité“ étaient artificiellement arrachées au reste de la technique et coexistaient partout avec une technique moyennâgeuse et une productivité retardataire. Quant aux relations des gens depuis l'existence du pouvoir soviétique, elles ne témoignent pas d'un degré de sociabilité, mais au contraire d'un haut degré d'associabilité, inconnu jusqu'alors: la vie en commun et la

vie publique, l'activité du GPU — NKVD — MGB et des lois telles que celles qui introduisent la peine de mort pour les enfants de 12 ans ou la responsabilité des parents pour les membres de la famille qui se sont enfuis à l'étranger, en sont le témoignage; la politique extérieure de l'Union Soviétique qui après s'être d'abord déclarée opposée à toute forme d'occupation de territoire étranger, s'est emparée avec un cynisme jamais connu d'une multitude de territoires étrangers en témoigne également. Enfin, l'associabilité se montre aussi dans la structure de la société soviétique; malgré l'affirmation qu'en Union Soviétique il n'existe pas de classes antagonistes et que tous sont égaux, l'abîme entre les pauvres et les riches est ici plus considérable que dans les pays capitalistes; de plus les différentes couches de la société soviétique ont incontestablement tendance à devenir des Etats, c'est-à-dire à transmettre leurs position par voie d'héritage.

Lénine et Staline ensuite ont prolongé le marxisme; ils ne se sont pas reposés sur la spontanéité du processus révolutionnaire et ils ont estimé nécessaire de créer un parti marxiste de combat et centralisé qui est seul capable d'exploiter les mouvements ouvriers et de résoudre les problèmes qui se posent à la classe ouvrière; de plus, pour assurer le succès de la révolution, l'alliance de la classe ouvrière avec la paysannerie est nécessaire. Par ces aspects, Lénine se rapproche des vues de nombreux révolutionnaires russes et il semble que Netchaïev et Tkatchev sont autant les maîtres de Lénine et Staline que Marx et Engels. Sans nier l'influence russe dans l'apparition du bolchévisme, il faut reconnaître qu'en aucune façon elle ne peut à elle toute seule expliquer son apparition. Pour l'expliquer, il faut tenir compte: a) du caractère du révolutionnaire en général; b) de la crise de la science sociale en général; c) de la crise du marxisme.

Beaucoup de gens estiment que le bolchévisme est une dégénérescence du marxisme. Pour autant qu'il s'agit du dernier chapitre du I-er tome du „Capital“ qui traite de l'avènement du socialisme, ils ont raison. Mais s'il s'agit du „Manifeste communiste“, auquel les Bolchéviks attribuent une importance décisive, ainsi que de la „Critique du programme de Gotha“, les Bolchéviks sont alors les fidèles disciples de K. Marx, ceux qui ont réalisé ses plans. Même la conception des „Soviets“ s'est élaborée sous l'influence directe de Marx. Les Bolchéviks estimaient que les „Soviets“ ont été réalisés pour la première fois en 1871 par la commune de Paris que Marx a tant approuvée. Bien avant 1871, Marx préconisait les „Soviets“ en tant que structure de gouvernement du prolétariat triomphant dans ses articles du „Rheinische Zeitung“ où il indiquait d'ailleurs leur structure et la politique qu'ils devaient appliquer. Toutes ces indications furent réalisées avec exactitude par les Bolchéviks.

Bien que le socialisme scientifique de Marx se soit élaboré sous l'influence directe de la nouvelle science sociale, néanmoins il existe entre ces sciences une grande différence qui se transforme souvent en

opposition radicale. Ainsi la sociologie de Comte reconnaît d'abord le „consensus“ de tous les aspects de la vie sociale, le socialisme scientifique, lui, ne reconnaît un rôle décisif qu'à un seul aspect de la vie sociale, l'économie; la sociologie de Comte reconnaît le développement évolutif de la société, le socialisme scientifique, lui, admet le développement de la société par „bonds“ et „sauts“; la sociologie de Comte repose sur un principe organique, le principe de la prédétermination historique. Le socialisme scientifique, lui, parle de la transformation révolutionnaire de la société, de la destruction de tous les soutiens de la société jusqu'aux fondations. Evidemment, la science sociale allemande, qui plaçait à la base de l'organisation et de l'histoire de la société les principes de liberté, d'individualisme et de valeur de la personne humaine, est, elle aussi, en complète contradiction avec le socialisme scientifique, avec sa soumission inconditionnelle de l'individu au pouvoir de la société socialiste. Il est impossible d'affirmer que tous ces principes de la nouvelle science de la société sont entièrement déterminés et n'ont besoin d'aucun éclaircissement, mais ils possèdent tous une base solide et représentent une échelle solide qui donne la possibilité d'apprécier tant les phénomènes sociaux que les théories sociales.

Et pendant que le socialisme scientifique faisait des prévisions au sujet de la société socialiste, prévoyant ce qui s'avéra en contradiction complète avec la réalité, les représentants de la science sociale prévoyaient à l'avance l'avènement d'un socialisme, exactement semblable à celui qui est venu. On peut trouver beaucoup de ces prévisions, et des prévisions entièrement exactes. On peut citer: Lorenz Stein, A. Comte, Herbert Spencer, Nietzsche, Ammon, G. Le Bon, L. Tolstoj, le marquis de Custine, Schopenhauer, E. Hartmann, Tschadaev, Proud'hon, Balzac, Nikitenko, Pirogov, Leontiev, B. Tschitcherine et d'autres.

Par manque de place, nous nous arrêtons seulement aux prévisions sur le socialisme qui était venu de Lorenz Stein, G. Le Bon, Tschitcherine et certains précurseurs de Le Bon. Tous parlent avec une unanimité fatigante de ce qu'amènera le socialisme: l'appauvrissement de la population et un véritable esclavage, „une dictature cruelle du prolétariat“, des violences infinies, une interminable terreur sanglante, la destruction de la meilleure partie de la population, la soumission complète pour la population au gouvernement despotique dans tous les domaines de la vie, la destruction de toute liberté d'action pour l'individu entièrement mis à la disposition de l'Etat tout-puissant, etc. jusque et y compris l'introduction des camps de concentration de travail forcé.

Si l'on tient compte des prévisions sur le socialisme à venir, on doit remarquer que dans ce domaine la nouvelle science sociale a entièrement justifié le principe de A. Comte: „savoir pour prévoir“. Néanmoins, A. Comte prolongeait plus loin son idée: „prévoir pour agir“. Et il faut dire que pour conjurer le socialisme qui devait venir, on prenait des mesures en conséquence, on les prenait même en Russie. Néanmoins,

après une guerre horrible et un desarroi économique complet, le socialisme fut instauré en Russie. Avec cela un danger terrible menaçait le monde entier: toute la révolution de 1848 s'était déroulée sous le drapeau des idées socialistes et communistes; la „Commune de Paris“, qui réalisa certains dogmes communistes, avait pris le pouvoir durant quelques mois à Paris en 1871, et, enfin, en 1917 „le socialisme fut construit dans la sixième partie du monde“. Après une intervention sans succès du monde civilisé, celui-ci se mit à aider pour de l'argent l'Union Soviétique „à construire le socialisme“ que cette Union Soviétique retardataire ne pouvait point construire; toutefois le monde occidental ne la laissait pas jouer un rôle de premier plan dans les relations internationales. Pendant la deuxième guerre mondiale, les grandes démocraties furent contraintes d'admettre le bolchévisme sur la scène mondiale. Il était facile de l'y admettre, mais c'était une tâche complexe et risquée de l'avoir pour partenaire dans le monde et d'en venir à bout. Et ainsi, „le monde capitaliste“ s'oppose „au monde socialiste“ qui est un centre parfaitement organisé dans le monde entier en vue de détruire „le monde capitaliste“. En vérité, les propos sur la mort de notre culture ne sont pas du tout une exagération! Nous prévoyons tous parfaitement ce qu'amène le triomphe du communisme, mais nous n'agissons pas du tout suffisamment pour éviter ce triomphe. Or, le communisme est très vulnérable: il n'apporte en aucune façon un soulagement aux déshérités et il ne détruit en aucune manière les dictateurs et les riches. Il est facile de le montrer et on peut le prouver.

Издания Института по изучению истории и культуры СССР

I. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Вестник Института:

№ 1-й	1951 г.
№№ 2-й и 3-й	1952 г.
№№ 4-й, 5-й, 6-й и 7-й	1953 г.
№№ 1(8)-й, 2(9)-й, 3(10)-й, 4(11)-й, 5(12)-й, 6(13)-й	1954 г.
№№ 1 (14)-й, 2 (15)-й	1955 г.

Бюллетень Института:

а) на русском языке: пробный выпуск (март), №№ 1-й (апрель), 2-й (май), 3-й (июнь), 4—5 (июль—август).	1954 г.
б) на английском языке: пробный выпуск (март), № № 1-й (апрель), 2-й (май), 3-й (июнь), 4—5 (июль-август), 6-й (сентябрь), 7-й (октябрь), 8-й (ноябрь), 9-й (декабрь)	1954 г.
№№ 1-й (январь), 2-й (февраль), 3-й (март), 4-й (апрель), 5-й (май), 6-й (июнь), 7-й (июль)	1955 г.

Беларускі зборнік:

Книга 1-я	1955 г.
---------------------	---------

Український збірник:

Книга 1-я	1954 г.
Книга 2-я и 3-я	1955 г.

«Dergi» (Турецкий сборник):

Книга 1-я и 2-я	1955 г.
---------------------------	---------

II. МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ ИНСТИТУТА

1. Материалы конференции научных работников эмигрантов, состоявшейся в Мюнхене 11—14 января 1951 г.:

Выпуск I (первое заседание) — Доклад проф. А. П. Филипова «Свобода и творчество в области советской науки и философии»; содоклад проф. Ф. А. Степуна «Кризис свободы на Западе» и прения (39 стр. текста), 1951 г.

Выпуск II (третье заседание) — Доклад проф. В. Лагодина «Советская система управления массами и ее психологические последствия» (39 стр.), 1951 г.

Выпуск III (четвертое заседание) — Доклад А. Авторханова (А. Уралова) «Положение исторической науки в СССР» и прения (94 стр.), 1951 г.

Выпуск V — Доклады секции экономики (108 стр.), 1951 г.

Выпуск VI — Доклады секции искусства и культуры (81 стр.), 1951 г.

2. Материалы конференции Института, состоявшейся в Нью-Йорке

- 20—22 марта 1953 г. (227 стр.), 1953 г.
- 2-а. То же на англ. языке (Proceedings of the Conference, New York, March, 20—22, 239 стр.), 1954 г.
3. «СССР сегодня и завтра» — труды конференции Института, состоявшейся 15—17 августа 1953 г. в Мюнхене (214 стр.), 1953 г.
- 3-а. То же на англ. языке (The USSR Today and Tomorrow, 205 стр.), 1954 г.
4. Материалы IV конференции Института, состоявшейся в Тутцинге (близ Мюнхена) 5—7 июля 1954 года. Вып. 1-й — доклады и дискуссии 1—3 заседаний (150 стр.), 1954 г.; Вып. 2-й (заседания 4-е—6-е, стр. 136), 1954 г.
5. Материалы V конференции Института, состоявшейся в Мюнхене 25—27 апреля 1955 г. Доклады и дискуссии (302 стр., большое количество таблиц и схем), 1955 г.

III. ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Серия 1-я (типографские издания)

1. Проф. д-р П. Л. Кованьковский, Финансы СССР во вторую мировую войну (21 стр.), 1951 г.
2. Б. Микорский, Разрушение культурно-исторических памятников в Киеве в 1934—36 гг. (21 стр.), 1951 г.
3. Д-р Григор Сааруни, Борьба Армянской Церкви против большевизма (29 стр.), 1951 г.
4. П. Галин, Как производились переписи населения в СССР (50 стр.), 1951 г.
5. Д-р Шульц, Санитарная и противоэпидемическая работа в СССР (47 стр.), 1951 г.
6. Л. Ржевский, Язык и тоталитаризм (64 стр.), 1951 г.
7. В. Гречко, Коммунистическое воспитание в СССР (56 стр.), 1951 г.
8. Ф. Легостаев, Спорт в СССР (54 стр.), 1952 г.
9. Н. Семенов, Советский суд и карательная политика (145 стр.), 1952 г.
10. Ю. Валенский, Академик Е. А. Косминский и вопросы интерпретации истории Средних веков в советской школе (110 стр.), 1954 г.
11. Д. Каров, Партизанское движение в СССР в 1941—45 гг. (118 стр., 1 карта, 2 плана и 3 схемы), 1954 г.
12. Проф. М. А. Миллер, Археология в СССР (155 стр.), 1954 г.
13. Список русских сокращений, применяемых в СССР (314 стр.), 1954 г.
14. А. Лебедь, Б. Яковлев, Транспортное значение гидротехнических сооружений СССР (200 стр.), 1954 г.
15. Проф. А. Архимович, Селекция и семеноводство сахарной свеклы в СССР (170 стр.), 1954 г.
16. Н. Н. Федоровский, Условия проезжаемости грунтовых дорог СССР (168 стр. с большим количеством схем, таблиц и фигур), 1954 г.
17. Н. Ринк, Советское международное частное право и внешнеторговые сделки (69 стр.), 1954 г.
18. Н. Недасек, Большевизм на путях к установлению контроля над Белоруссией (68 стр.), 1954 г.

19. Проф. д-р А. Коцевалов, Античная история и культура Северного Причерноморья в советском научном исследовании (76 стр., 11 рис.), 1955 г.
20. А. Адамович, Якуб Колас у супраціве саветызацыі (64 стр.), 1955 г.
21. Проф. д-р Н. Полонська-Василенко, Українська Академія Наук, (нарис історії), 1955 г.
22. Проф. А. Филипов, Научный социализм и наука об обществе (154 стр.), 1955 г.
23. Б. Яковлев, Концентрационные лагеря СССР (253 стр., 14 схем, 1 цветная карта), 1955 г.

Серия 2-я (ротаторные издания)

1. В. Марченко, Планирование научной работы в СССР (44 стр.), 1953 г.
2. Н. Семенов, Система советской юстиции (28 стр. текста и 12 схем), 1953 г.
- 2-а. То же на английском языке (23 стр. и 12 схем), 1953 г.
3. К. Крылов, Готовность тракторного парка к посевной кампании 1953 г. в Советском Союзе (12 стр. и 1 карта), 1953 г.
4. Проф. Зайцов, Динамика населения СССР на 1952 год (90 стр.), 1953 г.
5. К. Крылов, Ход весенних работ в СССР в 1953 году (22 стр. и 1 карта), 1953 г.
6. Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919—1952 гг. (165 стр.), 1953 г.
7. К современному состоянию сельского хозяйства СССР, — сборник статей (50 стр.), 1953 г.
8. Внутренняя и внешняя политика СССР, — из материалов совещания в Институте (48 стр.), 1953 г.
9. Инж. К. А. Крылов, Ход летних и осенних работ в СССР в 1953 году (39 стр. и 2 карты), 1954 г.
10. М. Колосов, Коммунистическая партия и Советская армия (52 стр.), 1954 г.
11. Бруно Туш, Преследование церкви в Польше (53 стр.), 1954 г.
12. Указатель советской периодической печати (151 стр.), 1954 г.
13. А. М. Кармаков, Реакция советского населения на пропаганду (61 стр.), 1954 г.
14. Доц. Поплюйко, Производство товаров широкого потребления в СССР (1951—1955, 64 стр.), 1954 г.
15. Н. Семенов, Государственное устройство и органы управления СССР и РСФСР (35 схем, 162 стр.), 1954 г.
16. Проф. д-р П. Л. Кованьковский, Финансы СССР после второй мировой войны (в сравнительном освещении, 80 стр.), 1954 г.
17. Ю. Марин, Проблема увеличения производства зерна и освоения целинных и залежных земель (36 стр.), 1954 г.
18. Р. Реннинг, Экономические взаимоотношения Эстонии и СССР до 1940 г. (58 стр.), 1954 г.
19. Петр Уранов, Роль Государственного банка в работе местной промышленности (72 стр.), 1954 г.

20. Проф. д-р **А. Архимович**, Зерновые культуры СССР (104 стр. и 1 карта), 1954 г.
21. **Его же**, Культура хлопчатника в СССР (110 стр.), 1954 г.
22. **В. Мерцалов, К. Крылов и Л. Дудин**, К исследованию проблем психологической войны (132 стр.), 1955 г.
23. **А. Гаев**, Цензура советской печати (51 стр.), 1955 г.
24. **Г. Сова**, До історії большевицької дійсності (106 стр.), 1955 г.
25. Д-р **В. Седуро**, Достоевсковедение в СССР (92 стр.), 1955 г.
26. **М. Ковалевский**, Опозиційні рухи в Україні і національна політика СССР (1920—1954, 83 стор.), 1955 г.
27. **Г. Калиновский**, Состояние молочной промышленности СССР в предвоенный и послевоенный период (112 стр.), 1955 г.
28. **С. Дяченко**, По вопросам организации колхозов в СССР (52 стр.), 1955 г.
29. **Иван Майстренко**, Кризові процеси в советській економіці (122 стор.),
30. Проф. **Н. Куликович**, Советская опера на службе партии и правительства (149 стр.), 1955 г.

Автор работы — Александр Павлович Филипов родился в 1891 г. в Харьковской губернии. Окончил Харьковский Университет (по юридическому и физико-математическому факультетам). Научный сотрудник и действительный член научно-исследовательской кафедры Истории европейской культуры, старший научный сотрудник Украинской Академии наук, сотрудник украинской Психо-Неврологической Академии и Харьковского Медицинского института. В 1942 г. был профессором философии Харьковского Университета; с 1944 по 1945 гг. был профессором социологии (социальной психологии) в Карловом Университете в Праге; в 1950 г. в Мюнхене был одним из основателей Института по изучению истории и культуры СССР; является сотрудником и членом Ассамблеи Института; состоял консультантом Гарвардской Комиссии по изучению сообщений новых эмигрантов. В Соединенных Штатах Америки является научным сотрудником Research Program on the USSR и полноправным членом Американской Ассоциации философов.

А. П. Филиповым опубликовано свыше тридцати больших статей и книг на русском, украинском, чешском, немецком и английском языках.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Вместо предисловия	7
I. Разное понимание социализма	9
II. Учение французских «утопических» социалистов XIX в.	13
III. Учение об обществе Л. Штейна и Р. Моля	19
IV. «Утопический» и «научный» социализм	20
V. Развитие идеи социальной закономерности (Де-Мэстр и историческая школа права)	21
VI. Социология. О. Конт и различные направления в социологии	28
VII. Социальная физика А. Кетле	37
VIII. Философия истории	39
IX. Исторический материализм	46
X. Трудовая теория ценности и теория прибавочной ценности у Маркса	62
XI. Условия наступления социализма по Марксу	71
XII. Предсказанный Марксом и осуществившийся на деле социализм	75
XIII. Основная разница между Марксовым социализмом и социализмом советским: социализм закономерный и социализм искусственный и насильственный	83
XIV. Социализм настоящий и социализм декоративный	92
XV. Что внесли нового в марксистский социализм Ленин и Сталин?	101
XVI. Почему должно считать большевиков все же настоящими марксистами?	106
XVII. Отношение науки об обществе к научному социализму	113
XVIII. Предсказания о грядущем социализме:	
1. Лоренц Штейн	115
2. Предшественники Г. Лебона	117
3. Г. Лебон	119
4. Б. Н. Чичерин	122
XIX. Общее замечание относительно предсказаний о грядущем социализме	124
Резюме:	
на английском языке	129
на немецком языке	136
на французском языке	144

